Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Ячменник Кристина Владимировна

СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Специальность 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
Мирошниченко Инна Валерьевна,
доктор политических наук, доцент

Краснодар
2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……. 3

1 Теоретико-методологические основания исследования сетевых ресурсов политики развития сельских территорий…….. 41

1.1 Политика развития: концептуальные основания исследования.. 41

1.2 Сельские территории и сельское развитие в фокусе социально-политических исследований……... 61

1.3 Сетевые ресурсы политики развития сельских территорий: понятие и структура……..... 82

2 Политика развития сельских территорий в современной России: роль и потенциал сетевых ресурсов……... 104

2.1 Сетевые сообщества как субъекты политики развития сельских территорий: институциональные, социокультурные и технологические аспекты…… 104

2.2 Цифровые профили сельских муниципальных образований Российской Федерации как сетевые ресурсы политики развития …… 130

3 Сетевые ресурсы в структуре политики развития сельских территорий Краснодарского края……... 168

3.1 Сельские территории Краснодарского края: институциональные, социально-экономические и социокультурные характеристики…….. 168

3.2 Потенциал сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий Краснодарского края……... 192

Заключение……..... 223

Список использованных источников……... 232

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях нарастающей геополитической нестабильности, структурных трансформаций мировой экономики и усиления глобальных вызовов (от обеспечения продовольственной безопасности до противодействия экологическим угрозам) вопросы развития сельских территорий приобретают стратегическое значение для обеспечения суверенитета и устойчивости современных государств. Сельские территории не только выступают пространством для аграрного производства, но и являются хранителями природного ландшафта, исторического и культурного наследия, традиций и национальной идентичности. В Российской Федерации, где доля сельского населения составляет около 25 %[1], а в отдельных регионах превышает 40 %, развитие сельских территорий является приоритетным направлением государственной политики. При этом, как отмечается в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, «население продолжает концентрироваться в относительно крупных городах и городских агломерациях при сокращении доли жителей малых городов, средних городов и сельской местности в населении Российской Федерации»[2], что актуализирует задачу сохранения человеческого потенциала сельских территорий. За 2025 год сельское население России сократилось на 300 тыс. человек (36,6 млн человек до 36,3 млн человек)[3].

Традиционные вертикальные механизмы государственного управления, опирающиеся на бюджетные инвестиции и отраслевой подход,

[1] Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 года // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2025_ Site.xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года №4146-р // КонсультантПлюс: справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 26.07.2026).

[3] Численность населения // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/popul_1897+.xlsx (дата обращения: 14.07.2026).

демонстрируют ограниченную эффективность в условиях дефицита материальных ресурсов и пространственной неоднородности сельских территорий Российской Федерации. С 2020 года в Российской Федерации реализуется Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»[4], совокупный объем финансирования которой за пять лет превысил 0,5 трлн рублей[5]. «В 2025 году финансирование программы составило 116 млрд рублей, что на 20 млрд рублей больше, чем в 2024 году»[6]. Но практический опыт показывает, что даже значительные бюджетные вливания не гарантируют устойчивого развития сельских территорий без учета их внутреннего потенциала, нематериальных ресурсов и качества взаимодействия между ключевыми акторами.

Социальная проблема исследования заключается в противоречии между декларируемыми приоритетами комплексного развития сельских территорий и сохраняющейся тенденцией депопуляции сельского населения, деградацией социальной инфраструктуры и нарастающим кадровым дефицитом. Закрытие малокомплектных школ и фельдшерско-акушерских пунктов, ликвидация социальной инфраструктуры фактически запускают процессы гибели сельских населенных пунктов. Несмотря на значительное финансирование из бюджета, сельские территории оказываются неспособными удерживать население, особенно молодежь, и не формируют устойчивые траектории развития. В этих условиях требуется переосмысление ресурсной базы политики развития сельских территорий. Наряду с материальными и финансовыми активами ключевое значение приобретают нематериальные ресурсы. Они формируются, циркулируют и

[4] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года № 696 // Информационно-правовой портал «Гарант» : [сайт]. URL: https://base.garant.ru/72260516/ (дата обращения 26.07.2026).

[5] Финансирование программы комплексного развития села с 2020 года составило 0,5 трлн рублей // Интерфакс : [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1104831 (дата обращения: 26.07.2026).

[6] По итогам 2025 года мероприятия по комплексному развитию сельских территорий охватят 17 млн человек // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://mcx.gov.ru/press-service/news/po-itogam-2025-goda-meropriyatiya-po-kompleksnomu-razvitiyu-selskikh-territoriy-okhvatyat-17-mln-che/ (дата обращения: 26.07.2026).

воспроизводятся в сетях взаимодействия между разнородными акторами (органами государственной власти и местного самоуправления, бизнес-структурами, некоммерческими организациями, местными сообществами и отдельными гражданами). Актуализация сетевых ресурсов позволяет сельским территориям компенсировать дефицит материальных и кадровых ресурсов за счет внутренней самоорганизации и интеграции во внешние сети.

В современной политической науке осмысление природы, структуры и потенциала сетевых ресурсов применительно к политике развития сельских территорий остается фрагментарным. Научная проблема исследования состоит в недостаточной теоретической разработанности категории «сетевые ресурсы политики развития сельских территорий» и в отсутствии эмпирически обоснованных моделей их актуализации в российской практике. Практический запрос со стороны органов государственной власти и местного самоуправления на инструменты диагностики и актуализации сетевых ресурсов сельских территорий определяет актуальность настоящего исследования. Без понимания механизмов формулирования, накопления, актуализации и конвертации сетевых ресурсов в развитие любые инвестиционные вложения и институциональные реформы рискуют остаться малоэффективными, а сельские территории – продолжать деградировать вопреки усилиям государства. Геополитические вызовы (санкционные ограничения, необходимость импортозамещения, обеспечения технологического и продовольственного суверенитета) усиливают значимость внутренних нематериальных ресурсов развития. В условиях ограниченного доступа к внешним инвестициям и технологиям именно сетевые ресурсы локальных сообществ могут стать внутренним драйвером устойчивости и адаптивности сельских территорий в турбулентной внешней среде. Актуальность исследования сетевых ресурсов политики развития сельских территорий определяется и фундаментальной научной проблемой, и

потребностями государственной политики в новых подходах к управлению сельскими территориями.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика исследования сетевых ресурсов политики развития находится на стыке нескольких научных направлений, каждое из которых внесло значительный вклад в ее осмысление.

Теоретические основания политики развития восходят к классическим работам О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, В. И. Ленина, Т. Парсонса, Ж. Бодрийяра[7] и др., заложившим основы развития как нелинейного, противоречивого и многофакторного процесса. Концептуальное оформление получили различные модели политики развития. В рамках модели «государства развития» (Ч. Джонсон, Р. Х. Уэйд, П. Эванс, П. Хеллер[8]) обосновывалась необходимость активного вмешательства государства в экономические процессы планирования и перераспределения ресурсов. В концепции устойчивого развития (Дж. Хокс[9]) акцент смещается с темпов роста на баланс экономических, экологических и социальных показателей. Модель стрессоустойчивого развития (Н. Матин, Дж. Форрестер, Дж. Энсор[10]) рассматривает способность системы к самовосстановлению после шоков, а также возможность реорганизоваться, адаптироваться с сохранением ключевых функций и структуры. В модели соучаствующего

[7] Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии : в 4 т. Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. // АН СССР, Ин-т философии; редкол.: И.С. Нарский (ред.-сост. т. 3 и авт. вступ., ст.) и др. Москва : Мысль, 1971. 760 с.; Spencer H. The Principles of Sociology. Vol. 1. Stockton : University Press of the Pacific, 2004. 456 p.; Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 29. Москва: Изд-во политической литературы, 1969. 782 с.; Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

[8] Johnson C. MITI and the Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy, 1925–75. Stanford : Stanford University Press, 1982. 412 p.; Evans P., Heller P. The State and Development // WIDER Working Paper 2018/112. Helsinki : UNU-WIDER. 2018. URL: https://www.wider.unu.edu/publication/state-and-development (accessed 12th February 2025); Wade R. H. The Developmental State: Dead or Alive? // Development and Change. 2018. Vol. 49, Is. 2. P. 518–546.

[9] Hawkes J. The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning. Melbourne : Cultural Development Network, 2001. 80 p.

[10] Matin N., Forrester J., Ensor J. What Is Equitable Resilience? // World Development. 2018, Vol. 109. P. 202–203.

развития (М. Рахнема[11]) фокус смещается с управления территориями на управление сообществами с упором на партисипаторные практики и локальные инициативы граждан. В российской политической науке данная линия получила воплощение в модели ответственного развития (И. С. Семененко[12]), в которой на первый план выходят ценностные ориентации акторов и их восприятие ответственности за будущее территории.

Значительный вклад в осмысление ресурсов политики развития внесли работы классиков политической науки. В работах Д. Истона, А. Этциони ресурсы политики трактуются как требования и поддержка, конвертируемые политической системой в конкретные решения[13]. Р. Даль в рамках плюралистической парадигмы сводит политические ресурсы к возможности влиять на политические решения через голоса, коалиции и контроль над повесткой[14]. В работах Д. Норта, Э. Остром показано, что институты (как формальные нормы, так и неформальные практики) сами выступают ресурсами и при этом снижают транзакционные издержки и структурируют коллективные действия[15]. Ю. Хабермас в своих работах делает акцент на коммуникативные ресурсы, обосновывая, что достижение согласия в публичной сфере является важнейшим условием эффективной политики[16]. В концепции способностей А. Сена ресурсы рассматриваются как средство расширения возможностей человека[17].

---

[11] Rahnema M. Participation // The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power / ed. by W. Sachs. London: Zed Books, 2010. P. 127–144.

[12] Семененко И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7-26.

[13] Easton D. The Political System : An Inquiry into the State of Political Science. New York : Knopf, 1953. 320 p.; Etzioni A. The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes. New York: Free Press, 1968. 730 p.

[14] Dahl R. A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2, No. 3. P. 201–215.

[15] North D. C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1990. 152 p.; Ostrom E. Understanding Institutional Diversity. Princeton : Princeton University Press, 2005. 355 p.

[16] Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society Boston : Beacon Press, 1984. 516 p.

[17] Sen A. K. Development as Freedom. Oxford : Oxford University Press, 2001. 388 p.

В российской политической науке проблемы политики развития находятся в фокусе активных исследовательских дискуссий. Работы И. С. Семененко связаны с философско-методологическим осмыслением категории «развитие» в социальных науках[18]. В совместной работе с Т. И. Хайнацкой показана множественность трактовок понятия «общественное развитие» и их зависимость от идеологического контекста[19]. А. Л. Бардин и М. И. Сигачёв дополняют эту линию, акцентируя внимание на социально-гуманитарном аспекте политики развития[20].

В. И. Пантин анализирует политику развития через призму глобальных трендов, вызовов и перспектив. При этом эффективная политика должна учитывать нелинейный характер социального и политического развития[21]. Я. Ю. Старцев, в свою очередь, рассматривает современную повестку политики развития и связывает ее с адаптацией институтов к имеющимся условиям[22]. Объединяющая черта данных работ заключается в рассмотрении политики развития преимущественно как государственной стратегии, где ресурсы трактуются как финансовые и административные рычаги «сверху вниз».

Сетевой подход в политической науке оформился в конце XX–XXI вв. в трудах М. Кастельса, Р. Родса, Д. Марша, Д. Ноука, Дж. Х. Куклински[23]. Особый интерес для настоящего исследования представляют концепции совместного управления (collaborative governance) К. Ансела и А. Гаша[24],

[18] Семененко И. С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45.

[19] Семененко И. С., Хайнацкая Т. И. «Общественное развитие» в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 54–74.

[20] Бардин А. Л., Сигачёв М. И. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 24–41.

[21] Пантин В. И. Политическое развитие и политика развития: тенденции, вызовы, перспективы // История и современность. 2018. № 3(29). С. 32–50.

[22] Старцев Я. Ю. Политика развития: современная повестка // Вопросы управления. 2020. № 1(62). С. 6-20.

[23] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishers, 2000. 594 p.; Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critigue of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 1–26.; Knoke D., Kuklinski J. H. Network Analysis. Beverly Hills : Sage Publications, 1982. 96 p.

[24] Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice Get Access Arrow // Journal of Public Administration Research and Theory. Vol.18, Is. 4. 2008. P. 543–571.

совместного производства публичных благ Э. Остром и Т. Боварда[25], а также метауправления (metagovernance) как механизма «настройки» сетевых взаимодействий Э. Сёренсена и Я. Торфинга[26].

В российской политической науке теория политических сетей и сетевого управления развивается в работах Л. В. Сморгунова, А. И. Соловьева, И. В. Мирошниченко, О. В. Михайловой, А. В. Соколова[27]. Параллельно с этим разрабатывалась проблематика цифровизации политического пространства и онлайн-сетей как нового измерения политических отношений. В совместных работах С. В. Володенкова и С. Н. Федорченко раскрыты ключевые вызовы цифрового суверенитета общественно-политических коммуникаций, а также проанализированы риски и перспективы трансформации традиционных политических институтов в условиях цифровизации[28]. В исследованиях О. М. Михайлёнка и Г. А. Малышевой обоснована диалектическая взаимосвязь онлайнового и физического миров политики[29], выявлены особенности трансформации политических отношений под влиянием цифровых сетей[30]. Важное место в изучении политических субъектов в онлайн-пространстве занимают работы, Г. Л. Акопова, И. А. Быкова, А. В. Волковой, Ю. В. Ирхина, Н. А. Рябченко,

---

[25] Ostrom E. Crossing the Great Divide: Coproduction, Synergy, and Development // World Development, Elsevierю 1996. Vol. 24, No. 6, P. 1073–1087.; Bovaird T. Beyond Engagement and Participation: User and Community Coproduction of Public Services // Public Administration Review. 2007. Vol. 67, No. 5. P. 846–860.

[26] Sørensen E., Torfing J. Making Governance Networks Effective and Democratic Through Metagovernance // Public Administration. 2009. Vol. 87, No. 2. С. 234–258.

[27] Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103–112.; Соловьев А. И. «Институциональные сети» российского государства и стратегия самолегитимации правящего режима // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 3. С. 5–20.; Мирошниченко И. В. Сетевая публичная политика и управление. Москва : АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 296 с.; Михайлова О. В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики : дис. … д-ра полит. наук. Москва, 2015. 335 с.; Соколов А. В. Сетевой политический протест в России : субъекты, тенденции и технологии : дис. … д-ра полит. наук. Москва, 2018. 445 с.

[28] Володенков С. В., Федорченко С. Н. Ключевые вызовы суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2025. № 4. С. 7–30.; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 1. С. 84–103.

[29] Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3(60). С. 79–87.

[30] Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78–87; Михайленок О. М., Малышева Г. А. Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 163–169.

А. А. Гнедаш, А. В. Курочкина, А. С. Шерстобитова, А. В. Алагоза[31], в которых анализируются новые формы политической активности акторов в условиях цифровизации и сетевизации политической коммуникации.

Концептуализация сетевых ресурсов как самостоятельной категории находится на начальном этапе. В зарубежной литературе сетевые ресурсы рассматриваются преимущественно в контексте социального капитала (П. Бурдье, Д. Колман, Р. Патнэм[32]), сетевого управления (Р. Арганофф[33]) и анализа политических сетей (Т. Бёрцель[34]).

В российской политической науке проблематика развития территорий в последние годы приобретает все более комплексный характер, что во многом обусловлено смещением исследовательского фокуса в сторону пространственного подхода. Выделяются три направления пространственных исследований со своей методологической спецификой: геополитическое (Р. Ф. Туровский, П. Я. Бакланов, М. Т. Романов, Н. В. Зубаревич, В. А. Колосов[35]), политико-культурное (Д. Н. Замятин, О.А. Лавренова,

[31] Акопов Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций. Москва : Компания КноРус, 2013. 238 с.; Быков И. А. Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 2. С. 45–56; Волкова А. В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3(29). С. 59–64; Ирхин Ю. В. Преимущества и проблемы современного государственного управления на принципах цифровой платформы: методология, теория, опыт России // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 9(49). С. 1858–1864; Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В., Гнедаш А. А. Сетевая локальная политика в условиях новой политической реальности: факторы, ресурсы, механизмы и технологии. Краснодар : ОИПЦ «Перспективы образования», 2017. 211 с.; Курочкин А. В., Шерстобитов А. С. Роль социальных сетей в становлении нового пространства коммуникаций современной России // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 35(77). С. 111–115; Алагоз А. В. Социальные сети и web-сайты как современные средства политических интернет-коммуникаций // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 3-5. С. 179–181.

[32] Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, / ed. by J. G. Richardson. New York: Greenwood Press. 1986. P. 241–258.; Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120; Putnam R. D. Bowling Alone : The Collapse and Revival of American Community. New York : Simon & Schuster, 2000. p. 548.

[33] Agranoff R. Managing within Networks: Adding Value to Public Organizations. – Washington, D. C. : Georgetown University Press, 2007. 274 p.

[34] Börzel T. A. Organizing Babylon – On the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998. Vol. 76, Is. 2. P. 253–273.

[35] Туровский Р. Ф. Геопространство и метапространство: Географические методы в политологии // Метод. 2015. № 5. С. 71–89.; Бакланов П. Я., Романов М. Т. Тихоокеанская Россия в геополитических структурах Восточной Евразии // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 194–209; Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145; Колосов В. А. Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления // Региональные исследования. 2022. № 3(77). С. 23–36.

И. В. Самаркина, А. Б. Сазантович[36]), политико-социологическое (И. В. Юрченко, Л. В. Смирнягин, А. Ф. Филиппов, Г. В. Пушкарева, С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова[37]). Значительное внимание уделяется стратегическому планированию регионального развития[38].

В рамках политики городского развития особое место занимает работа А. Л. Бардина и В. И. Пантина, в которой концептуализируется понятие «ответственное городское развитие» как комплекс подходов и практик, перспективных для интеграции в практическую политику развития городов и территорий[39].

Методологические подходы к городскому развитию предложены А. В. Барановым, А. А. Сидоренко, Г. М. Лаппо, Ю. В. Козловой, С. В. Явон[40]. Стратегические аспекты политики городского развития

---

[36] Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 147–165; Лавренова О. А. Игры с пространством // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 178–196; Самаркина И. В. Молодежь новых регионов РФ в условиях трансформации социокультурного и политического пространства: модели идентичности и модели социализации // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2025. Т. 16, № 1(46). С. 39–45; Сазантович А. Б. Визуальное пространство города и конфликты в контексте визуальной культуры: современное понимание // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4(57). С. 105–111.

[37] Юрченко И. В. О методологическом значении концепции “месторазвития” для конфликтологического анализа региональной этнополитической ситуации на Юге России // Полис. Политические исследования. 2026. № 2. С. 157–168; Смирнягин Л. В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.; Филиппов А. Ф. Социология пространства. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. 284 с.; Прохоренко И. Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 111 с.; Пушкарева Г. В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 151–175; Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 14–33.

[38] Кондраль Д. П. Стратегическое планирование регионального развития как механизм территориального управления // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 3. С. 15–19; Щитинский В. А. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» – инновация в государственном управлении России // Управленческое консультирование. 2015. № 7(79). С. 35–44; Молчанова С. М. Теоретико-методологические основы пространственного развития Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 14, № 4(157). С. 14–20; Суворова А. В. Ориентиры пространственного развития региона: кейс Свердловской и Челябинской областей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 74–83; Зигерн-Корн Н. В. Туристско-рекреационное пространство как объект региональной политики // Известия Русского географического общества. 2016. Т. 148, № 1. С. 87–100; Купряшин Г. Л., Дробышева Е. С. Депрессивные территории как объекты стратегического планирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 109. С. 167–184.; Жаде З. А., Шадже А. М. Региональная политика устойчивого развития сельских территорий: опыт Республики Адыгея // Диалог: политика, право, экономика. 2025. № 3(21). С. 96–97.

[39] Бардин, А. Л., Пантин В. И. Политика ответственного городского развития: критерии, субъекты, перспективы // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 102–120.

[40] Баранов А. В. Становление муниципальных политических исследований в России: основные научные направления // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 417–420; Сидоренко,

анализируются в работах А. М. Елохова, В. В. Кафидова, А. И. Кузнецовой, Н. Э. Оселко[41]. Вопросы вовлечения городских сообществ в социально-экономическое развитие городов находят отражение в исследовании А. В. Глуховой, О. А. Сиденко, В. В. Черниковой, Д. В. Щегловой[42]. Политико-управленческие аспекты управления городскими агломерациями исследуются А. И. Кольбой и М. В. Терешиной[43]. Специфические проблемы малых городов и моногородов как обособленных политических пространств, а также стратегии их развития рассматриваются в работах В. В. Маркина, В. В. Воронова, В. М. Пешкова, Д. Ю. Знаменского, Е. В. Хоробровой[44].

В исследованиях Н. В. Кучковской, С. В. Рюмкина, И. Н. Рюмкиной, М. М. Терютиной, А.Н. Семина, В. С. Зоркова, А. С. Сибиряева[45] систематизированы ключевые понятия и подходы к развитию сельских территорий, обоснована необходимость перехода от отраслевой модели к территориальной и неоэндогенной. Социально-экономические и

А. А. Урбанизация и политическое развитие крупных городов России в 2000-х годах. Сравнительный анализ // Экология урбанизированных территорий. 2009. № 4. С. 25–30; Лаппо Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 3–23; Козлова Ю. Городские исследования в России: эстафета социальностей // Проект Байкал. 2024. Т. 21, № 80. С. 96–101; Явон С. В. Исследовательские практики городского пространства // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 2(23). С. 376–380.

[41] Елохов А. М. Политика социально-экономического развития города // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2009. № 4(30). С. 77–87; Кафидов В. В. Основные тенденции современного развития российских городов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2(28). С. 121–124; Кузнецова А. И. Стратегическое управление современным развитием городов России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2016. № 2(17). С. 77–83; Оселко Н. Э. Пространственное развитие российских городов // Архитектура и время. 2018. № 4. С. 23–25.

[42] Глухова А. В., Сиденко О. А., Черникова В. В., Щеглова Д. В. Стратегия социально-экономического развития г. Воронежа – 2035 как фактор активизации гражданского общества в условиях неопределенности и рисков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 68–76.

[43] Кольба А. И., Терешина М. В. Проблемы и политико-административные ресурсы развития Краснодарской городской агломерации: к итогам исследования // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 3. С. 19–31.

[44] Маркин В. В., Воронов В. В., Пешкова В. М. Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 271–286; Знаменский Д. Ю., Хороброва Е. В. Моногород как обособленное политическое пространство: результаты социально-политического исследования // Вестник университета. 2022. № 6. С. 98–104.

[45] Кучковская Н. В. Характеристика институтов развития сельских территорий: правовые аспекты / // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 4В. С. 387–391; Рюмкин С. В., Рюмкина И. Н., Терютина М. М. Сельские территории как объект развития // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 3(47). С. 208–216; Семин А. Н., Зорков В. С. Комплексное развитие сельских территорий: проблемы и новые возможности // Агропродовольственная политика России. 2023. № 3(106). С. 39–43; Сибиряев А. С. Развитие сельских территорий: результаты и методология проводимых научных исследований // Вестник НГИЭИ. 2023. № 6(145). С. 129–137.

демографические аспекты развития сельских территорий становятся предметом анализа в работах Н. А. Асановой, О. П. Беспалой, Т. В. Кучинской, В. Н. Муха, О. Г. Зубовой, В. Н. Ракачева[46]. Т. Т. Авдеева и Т. Г. Лаврова выявили возможности развития сельских территорий в региональном пространстве[47].

В научной литературе выделяется три базовые модели развития сельских территорий – эндогенная, экзогенная и неоэндогенная, что нашло отражение в работах Н. Уорда, Дж. Аттертон, Т. Ю. Ким, П. Лоу, Дж. Филлипсона, Н. Томпсона[48]. Изучению эндогенной модели, акцентирующей внимание на уникальных природно-климатических, социально-культурных, человеческих и прочих характеристиках самих сельских территорий, посвящены работы Дж. Мурдоха, Я. Д. Плога, Г. Дейка[49] и др. Работы скандинавских исследователей Г. Л. Х. Свендсена, Дж. Круикшанка, Н. К. Лисгорд, М. -Л. Магнуссена, Б. Нильссона, А. С. Лундгрен посвящены разработке «новой сельской парадигмы развития» и поискам моделей эффективного управления развитием сельских территорий[50]. М. Вудс предложил концепцию сельскости (rurality) как

[46] Асанова Н. А., Беспалая О. П., Кучинская и др. Социально-экономические проблемы развития сельских территорий: региональный аспект. Краснодар : Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2025. 143 с.; Муха В. Н. Экономическое развитие сельских территорий Краснодарского края в условиях рурбанизации // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2025. № 118. С. 76–82; Зубова, О. Г. Население сельских территорий: состояние и тенденции демографического развития // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4(45). С. 115–121; Ракачев В. Н. Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 699–721.

[47] Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г. Современные тенденции дифференциации социально-экономического развития сельских территорий в региональном пространстве // Modern Economy Success. 2022. № 2. С. 192–200.

[48] Ward N., Atterton J., Kim T. Y., Lowe P. et al. Universities, the Knowledge Economy and “Neo-Endogenous Rural Development” // Centre for Rural Economy Discussion Paper Series. 2005. No. 1. P. 1–15.

[49] Murdoch J., Pratt A. C. Rural Studies, Modernism, Postmodernism and the Post-rural // Journal of Rural Studies. 1993. Vol. 9, No. 4. P. 411–427; Van Der Ploeg J. D., Renting H., Brunori G. et al. Rural Development: From Practices and Policies towards Theory // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40, No.4. P. 392–406; Ploeg J. D., Dijk G. Beyond Modernization. The Impact of Endogenous Rural Development. Assen: Van Gorcum, 1995. 297 p.

[50] Svendsen G. The Right to Development: Construction of a Non-Agriculturalist Discourse of Rurality in Denmark // Journal of Rural Studies. 2004. Vol. 20, No. 1. P. 79–94; Cruickshank J., Lysgård H. K., Magnussen, M.-L. The Logic of the Construction of Rural Politics: Political Discourses on Rurality in Norway // Geografiska Annaler. Series B. Human Geography. 2009. Vol. 91, No. 1. P. 73–89; Nilsson B., Lundgren A. S. Logics of Rurality: Political Rhetoric about the Swedish North // Journal of Rural Studies. 2015. Vol. 37, No. 1. P. 85–95.

динамичного процесса, формирующегося через взаимодействие сельских жителей с различными акторами[51].

Компаративный анализ различных моделей сельского развития представлен в работах М. Гкартциоса, М. Скотта, Г. Босворта, И. Аннибала, Т. Кэрролла, Л. Прайса, Дж. Селлика, Дж. Шеперда[52]. Дальнейшее развитие теоретических представлений о сельском развитии связано с неоэндогенным подходом, основные принципы которого были сформулированы британским исследователем К. Рэем[53]. В работах П. Лоу, Дж. Филлипсона, А. Проктора, М. Гкартциоса обосновывается переход к новой модели сетевого развития (networked development) сельских территорий, основанной на взаимодействии внутренних и внешних стейкхолдеров[54]. Б. Б. Бок концептуализировал инновационный подход в сельском развитии (нэкзогенный – nexogenous approach), описал новые элементы сельских инициатив в области инноваций на фоне предшествующих подходов[55].

Сельское местное сообщество находится в фокусе научных исследований И. Эмех, И. Элува, Ф. О. Юка, В. Маджеровой, П. Кейим[56]. Зарубежные исследования в области развития сельских сообществ сосредоточены на социальных, экономических и экологических аспектах руральных трансформаций (К. Фабрициус, Э. Кох, С. Тернер, Х. Магоме, Дж. Ли, А. Арнасон, А. Найтингейл, М. Шаксмит, Дж. Де Сан Эухенио-Вела,

[51] Woods M. New directions in Rural Studie? // Journal of Rural Studies. 2012. Vol. 28, Is.1. P. 1–4.

[52] Gkartzios M., Scott M. Placing Housing in Rural Development: Exogenous, Endogenous and Neo-Endogenous Approaches // Sociologia Ruralis. 2014. Vol. 54, No. 3. P. 241–265; Bosworth G., Annibal I., Carroll T., et al. Empowering Local Action through Neo-Endogenous Development : The Case of LEADER in England // Sociologia Ruralis. 2016. Vol. 56, Is. 3. P. 427–449.

[53] Ray C. Neo-Endogenous Rural Development in the EU // Handbook of rural studies / ed. by P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney. London : SAGE Publications, 2006. P. 278–291.

[54] Lowe Ph., Philipson,J., Proctor A., Gkartzios M. Expertise in Rural Development: A Conceptual and Empirical Analysis // World Development. 2019. Vol. 116, P. 28–37.

[55] Bock B. B. Rural Marginalisation and the Role of Social Innovation: A Turn Towards Nexogenous Development and Rural Reconnection // Sociologia Ruralis. 2016. Vol. 56, No. 4. P. 552–573.

[56] Emeh I. E. J., Eluwa I. J., Ukah F. O. Rural-Community Development in Nigeria: A Group Dynamics Perspective // Interdisciplinary Journal of Contemporary Research in Business. 2012. Vol. 4, No. 5. P. 1090–1107; Majerová V. Social Aspects of Rural Community Development // Acta Regionalia et Environmentalica. 2015. Vol. 12, No. 1. P. 11–14; Keyim P. Tourism Collaborative Governance and Rural Community Development in Finland: The Case of Vuonislahti // Journal of Travel Research. 2017. Vol. 57, Is. 4. P. 483–494.

М. Барниол-Каркасона[57]), роли культуры в развитии сообщества (Дж. Кроушоу, М. Гкарциос[58]), корреляции локальных практик со стратегиями сельской политики (Л. Герберт-Чешир[59]), специфике конструирования участия в работе по развитию местных сообществ (Р. Эверсол[60]). Д. Матаррита-Касканте и М. А. Бреннан выделяют три формы развития местных сообществ: «навязанное» (imposed) развитие, «направленное» (directed) развитие, «самопомощь» (self-help), которые позволяют анализировать, как именно распределяются ресурсы в процессе развития территорий[61].

В прикладных исследованиях голландских авторов (Й. Гилинг, Т. Хаартсен, Л. Вермей, Д. Стрийкер[62]) фиксируется корреляция между формами привязанности к месту и вовлеченностью населения в деревенскую жизнь, сделаны выводы о прямом влиянии этих форм на добровольную активность граждан в различных местных клубах и организациях. Эмпирические исследования принадлежности к местному сообществу, сетевых взаимодействий жителей общин проводились Э. Д. Лукер, М. Маркантони, С. Костер, Д. Страйкер, М. Вулвин, Э. Динни, А. Фишер[63].

[57] Fabricius C., Koch E., Turner S., Magome H. Rights, Resources and Rural Development: Community-Based Natural Resource Management in Southern Africa. London : Routledge, 2004. 299 p.; Lee J., Árnason A., Macintyre R. et al. Networking: Social Capital and Identities in European Rural Development // Sociologia Ruralis. 2005. Vol. 45, No. 4. P. 269–283; De San Eugenio-Vela J., Barniol-Carcasona M. The Relationship Between Rural Branding and Local Development. A Case Study in the Catalonia's Countryside: Territoris Serens (El Lluçanès) // Journal of Rural Studies. 2015. Vol. 37. P. 108–109.

[58] Crawshaw J., Gkartzios M. Getting to Know the Island: Artistic Experiments in Rural Community Development // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 43. P. 134–144.

[59] Herbert-Cheshire L. Contemporary Strategies for Rural Community Development in Australia: A Governmentality Perspective // Journal of Rural Studies. 2000. Vol.16, No. 2. P. 203–215.

[60] Eversole R. Community Agency and Community Engagement: Re-Theorising Participation in Governance // Journal of Public Policy. 2011. Vol. 31, No. 1. P. 51–71.

[61] Matarrita-Cascante D., Brennan M.A. Conceptualizing Community Development in the Twenty First Century // Community Development. 2012. Vol. 43, No. 3. P. 293–305.

[62] Gieling J., Haartsen T., Vermeij L. Village Facilities and Social Place Attachment in the Rural Netherland // Rural Sociology. 2019. Vol. 84, No. 1. P. 66–92.

[63] Looker E. D. Supportive Communities and a Sense of Belonging in Rural and Non-rural Communities in Canada // Journal of Rural and Community Development. 2014. Vol. 9, No. 4. P. 163–180; Markantoni M., Koster S., Strijker D., Woolvin M. Contributing to a Vibrant Countryside? The Impact of Side Activities on Rural Development // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2013. Vol. 104, No. 3. P. 292–307; Dinnie E., Fischer A. The Trouble with Community: How 'Sense of Community' Influences Participation in Formal, Community-Led Organisations and Rural Governance // Sociologia Ruralis. 2020. Vol. 60, No. 1. P. 243–259.

Роль муниципалитетов в деятельности по развитию сельских районов и общин рассматривается в статье Т. Кравченко[64].

В российской политической науке исследование сельских территорий является перспективной проблематикой, происходит становление политической руралистики как субдисциплины политологии, о чем свидетельствуют как академические дискуссии о необходимости ее институционализации во взаимодействии с политической урбанистикой и социологией села, так и специальные выпуски научных журналов, посвященные анализу сельских территорий в политическом ракурсе.

Потенциал нематериальных ресурсов в политике развития территорий в России исследуется И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозовой, М. В. Терешиной, В. Н. Ракачевым, которые предложили модель нематериальных ресурсов политики развития сельских территорий и ее операциональные характеристики. Авторы описали вариативные эмпирические модели политики развития (модель ответственного развития, модель фрагментированного развития, дистантная модель, стагнирующая модель). Результаты исследований позволили построить интеллектуальную структуру, которую можно описать как «пирамиду нематериальных ресурсов»[65].

Локальная идентичность как ресурс политики сельского развития, который способствует формированию устойчивого сельского сообщества, рассматривается в работах Е. В. Морозовой, И. С. Семененко, И. В. Мирошниченко, Н. Т. Русия, Н. В. Плотичкиной, Ю. А. Дроздовой, Ю. А. Метелицкой[66]. Социокультурные, политические и институциональные

[64] Krawchenko T. Bringing Municipalities into Rural Community and Economic Development: Cases from Atlantic Canada // Journal of Rural and Community Development. 2014. Vol. 9, No. 3. P. 78–96.

[65] Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Русия Н. Т. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: пирамида возможностей // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. С. 101–117; Miroshnichenko I. V., Doroshenko O. V., Tereshina M. V. et al. Analysing Rural Development Models Based on Intangible Assets and Socio-Economic Development // Sustainability. 2024. Vol. 16, No. 23. Art. 10613.

[66] Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77; Русия Н. Т. Позитивная идентичность как ресурс развития на локальном уровне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология.

аспекты развития сельских сообществ находят отражение в работах П. П. Великого, В. Л. Шабанова, А. А. Вяльшиной[67]. Адаптационные стратегии сельских сообществ в условиях реформирования аграрного сектора проанализированы в работах О. В. Нечипоренко[68].

Е. В. Морозова и Н. Т. Русия в совместной статье выявляют механизмы и последствия влияния цифрового неравенства на жизненные стратегии и практики сельской молодежи, политическую социализацию и молодежную политику в сельских территориях[69]. В совместном исследовании А. И. Кольба, О. А. Бориско, Д. О. Левченко, И.В. Мирошниченко выявлены четыре базовые модели в развитии села в представлениях молодежи (урбанистическая, цивилизованная, натуралистическая, архаическая), а также определен ресурсный потенциал молодежи в политике развития сельских территорий[70].

Значительное внимание уделяется изучению социальной активности, практик гражданского участия и институциональных инструментов вовлечения населения в развитие сельских территорий. К. В. Аверкиева, Я. К. Куксин анализируют практики низовой гражданской активности, выделяя как институционализированные формы, так и неформальные инициативы[71]. Ю. В. Уханова, И. В. Параничева, М. Ю. Щукина в своих работах отмечают, что социальная активность жителей является

Политические науки. 2023. № 2. С. 110–113; Плотичкина Н. В. Территориальная идентичность как ресурс политики сельского развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 3. С. 227–243; Дроздова Ю. А., Метелицкая Ю. А. Территориальная идентичность как фактор развития сельских общностей // Социология. 2020. № 2. С. 106–116.

[67] Великий П. П., Шабанов В. Л. Социокультурные ресурсы как фактор устойчивости сельских территорий // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 3. С. 63–69; Великий П. П., Вяльшина А. А. Социокультурные и политические аспекты жизненного мира российского сельского социума // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 3–19.

[68] Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: Инновации и традиции / Под ред. чл.-корр. РАН В.И. Бойко. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2010. 302 с.

[69] Морозова Е. В., Русия Н. Т. Молодежная политика в сельских территориях России: «антиресурс» цифрового неравенства // Вестник Пермского университета. Политология. 2026. Т. 20, № 2. С. 62–74.

[70] Бориско О. А., Кольба А. И., Левченко Д. О., Мирошниченко И. В. Молодежь в политике развития сельских территорий: представления и ресурсный потенциал // Перспективы науки и образования. 2026. № 2(80). С. 743–761.

[71] Аверкиева К. В., Куксин Я. К. Роль низовой самоорганизации населения в развитии периферийной сельской местности // Известия Русского географического общества. 2025. Т. 157, № 4. С. 486–504.

необходимым условием формирования и укрепления сельских сообществ[72]. Развитие территориального общественного самоуправления в сельских поселениях описывается в работах Е. С. Шоминой, И. А. Дементьева, Н. В. Ворошиловой, Е. Ю. Ивановой[73]. Партисипаторное (инициативное) бюджетирование как перспективный инструмент развития сельских территорий исследуется в работах С. В. Подгорской, Т. А. Мирошниченко, Р. А. Ахметьяновой, Э. В. Леготина, М. В. Цуркан[74].

В сфере цифровизации сельских территорий Н. В. Мурашова и Е. Г. Коваленко предлагают концепцию цифровой трансформации[75], а Н. В. Проскура анализирует этапы развития информационно-коммуникационной инфраструктуры[76].

Таким образом, при значительном объеме научных работ по смежным проблемам комплексное исследование сетевых ресурсов политики развития, их структуры, механизмов формирования и политико-управленческих стратегий актуализации остается неосуществленным, что определяет научную проблему, цель и исследовательские задачи настоящего диссертационного исследования.

---

[72] Уханова Ю. В., Параничева И. В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия // Проблемы развития территории. 2019. № 4(102). С. 132–147; Щукина М. Ю. Социальная активность как фактор самоорганизации российских экопоселений // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7, № 5. С. 98–103.

[73] Шомина Е. С. Самоорганизация жителей в сельских поселениях – взгляд сквозь розовые очки // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2(30). С. 114–132; Дементьев И. А. Территориальное общественное самоуправление как механизм реализации социального потенциала российского села // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 6. С. 138–143; Ворошилов Н. В. Эффективные формы участия населения в развитии сельских территорий // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 11. С. 563–572; Иванова Е. Ю. Территориальное общественное самоуправление в сельских поселениях: проблемы деятельности и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 74–76.

[74] Подгорская С. В., Мирошниченко Т. А. Партисипаторное бюджетирование как перспективный инструмент развития сельских территорий // Учет и статистика. 2021. № 2(62). С. 76–83; Ахметьянова Р. А., Леготин Э. В. Социальная активность населения сельских территорий и вовлечение в практики партисипаторного бюджетирования (на примере Республики Башкортостан) // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11(138). С. 459–461; Цуркан М. В. Влияние партисипаторного бюджетирования на возможности развития территорий // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 3. С. 150–158.

[75] Мурашова Н. В., Коваленко Е. Г. Концепция цифровой трансформации сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 1. С. 99–103.

[76] Проскура Н. В. Цифровая трансформация информационно-коммуникационной инфраструктуры сельских территорий России: этапы развития // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 6.

Объект исследования – практики развития сельских территорий в современной России.

Предмет исследования – структура, конфигурации и потенциал сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий в современной России.

Цель исследования – раскрыть потенциал сетевых ресурсов в многообразии их конфигураций в политике развития сельских территорий в современной России.

Достижение поставленной цели диссертационного исследования предусматривает постановку и решение следующих **задач:**

– охарактеризовать содержание концептуальных оснований исследования политики развития в современной политической науке;

– систематизировать теоретические подходы к исследованию сельских территорий и сельского развития в социально-политических исследованиях;

– операционализировать понятие и описать структуру сетевых ресурсов политики развития сельских территорий;

– охарактеризовать институциональные, социокультурные и технологические аспекты деятельности сетевых сообществ как субъектов политики развития сельских территорий в российских регионах;

– разработать аналитический инструментарий исследования цифровых профилей сельских муниципальных образований Российской Федерации и оценить их влияние на политику развития сельских территорий;

– описать политико-институциональные, социально-экономические и социокультурные характеристики сельских территорий Краснодарского края;

– на основе эмпирического исследования определить потенциал сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий Краснодарского края.

Исследовательский вопрос диссертационного исследования. Каковы структура и потенциал сетевых ресурсов в политике развития

сельских территорий современной России? Каким образом различные конфигурации сетевых ресурсов определяют траектории социально-экономического и политического развития сельских муниципальных образований?

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают современный период реализации политики развития сельских территорий в Российской Федерации. Временные границы эмпирического исследования определяются периодом реализации научно-исследовательских проектов, началом систематической публикации данных по итогам всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика», а также активизацией государственных программ по развитию сельских территорий (2017–2026 гг.).

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования построены на синтезе пространственного, сетевого, идентитарного и неоинституционального подходов.

Пространственный подход позволяет рассматривать сельские территории через призму территориальной организации и неравномерность социально-экономических процессов, а также оценить пространственные аспекты использования сетевых ресурсов в развитии территории. Данное исследование опирается на концепцию «близости» (А. Торре, А. Ралле, Ж.К. Гроссетти[77]), согласно которой эффективность взаимодействия акторов и доступность ресурсов определяются не только географической дистанцией, но и организационной, институциональной и социальной близостью. Географическая близость облегчает личные контакты и снижает транспортные издержки, организационная – обеспечивает координацию в рамках общих проектов, институциональная – задает единые нормы и правила, социальная – опирается на доверие и общие ценности. В рамках

[77] Torre A., Rallet A. Proximity and Localization // Regional Studies. 2005. Vol. 39. P. 47–59.; Grossetti M. Concentration D'entreprises et Innovation: Esquisse D'une Typologie des Systèmes Productifs Locaux // Géographie, Économie, Société. 2004. Vol. 6, No. 2. P. 163–177.

концепции «близости» включенность сельских территорий в сети развития зависит не только от удаленности от крупных городских агломераций, но и выстраивания организационного и институционального взаимодействия с региональными и федеральными органами власти.

Эвристическую ценность для настоящего исследования представляет концепция «место-формирования» (М. Шаксмит, М. Кармона[78]). Через призму данной концепции политика развития сельских территорий рассматривается как процесс активного конструирования места местными сообществами, где ключевую роль играют нематериальные активы и сетевые взаимодействия.

Потенциал неоэндогенного подхода к развитию сельских территорий (К. Рэй[79]) используется в диссертации для исследования развития как результата сочетания внутренних ресурсов и инициатив местных сообществ с внешними связями, технологиями и инвестициями. Определяющую роль в данном процессе играет социально сконструированное видение будущего, формируемое в процессе сетевого взаимодействия между локальными и внешними акторами. В контексте задач нашего диссертационного исследования неоэндогенный подход позволяет рассматривать политику развития как многосторонний процесс мобилизации и комбинирования разнородных ресурсов, среди которых ключевую роль играют нематериальные активы. Через призму концепции «сельскости» М. Вудса[80] возможно рассматривать сельские территории как динамичные гетерогенные пространства, интегрированные в глобальные и национальные сети. М. Вудс отмечает, что сельскость формируется в сетях отношений (локальных,

[78] Lyons M. Place-Shaping: A Shared Ambition for the Future of Local Government/ Lyons Inquiry into Local Government. London: The Stationery Office. 406 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7c093540f0b645ba3c64cb/9780119898545.pdf (accessed 30th July 2026); Shucksmith M. Disintegrated Rural Development? Neo-Endogenous Rural Development, Planning and Place-Shaping in Diffused Power Contexts // Sociologia Ruralis. 2010. Vol. 50, No. 1. P. 1–14; Carmona M. The Place-Shaping Continuum: A Theory of Urban Design Process // Journal of Urban Design. 2013. Vol. 19, No. 1. P. 2–36.

[79] Ray C. Towards a Theory of the Dialectic of Local Rural Development within the European Union // Sociologia Ruralis. 1997. Vol. 37, No. 3. P. 345–362.

[80] Woods M. Advocating Rurality? The Repositioning of Rural Local Government // Journal of Rural Studies. 1998. Vol. 14, No. 1. P. 13–26.

региональных, национальных, глобальных) и не сводится к набору объективных характеристик сельских территорий (плотность населения, занятость в сельском хозяйстве, удаленность от городов).

В рамках теории сетевого управления (Р. Родс, М. Марш, Л. В. Смогунов, И. В. Мирошниченко[81]) политика развития изучается как результат взаимодействия устойчивых, но гибких конфигураций акторов (органы государственного управления, бизнес, некоммерческие организации, местное сообщество), которые обмениваются ресурсами, информацией и легитимностью. Сетевое управление противопоставляется иерархическому как более гибкая, адаптивная и ориентированная на сотрудничество форма координации. Для целей настоящего исследования ключевое значение имеют две производные концепции. Концепции совместного производства публичных благ (К. Анселл, А. Гаш, Т. Бовард[82]) акцентирует внимание на том, что граждане и сообщества являются не просто потребителями государственных услуг, а их активными сопроизводителями, внося при этом свой труд, знания, локальный опыт и социальные связи. В сельском контексте это проявляется в форматах инициативного бюджетирования, территориального общественного самоуправления и волонтерских проектов. Концепция метауправления (Э. Сёренсен, Я. Торфинг[83]) показывает, что государство не исчезает в сетевом мире, а трансформируется, но сохраняет свою функцию «настройки» сетей (формирование повестки, распределение ресурсов, легитимация результатов, установление правил, стимулирующих доверие и кооперацию).

Идентитарный подход (И. С. Семененко, Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, Н.Т. Русия, Н. В. Плотичкина[84]) акцентирует внимание

[81] Rhodes R., Marsh D. Policy Network… 1992.; Сморгунов Л. В. Сетевой подход… 2001.; Мирошниченко И. В. Сетевая публичная политика… 2016.

[82] Ansell C., Gash A. Collaborative Governance… 2008.; Bovaird T. Beyond Engagement… 2007.

[83] Sørensen E., Torfing J. Making Governance Networks… 2009.

[84] Морозова, Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ… 2020; Русия Н. Т. Политика идентичности на локальном уровне: институты, процессы и технологии : дис. … канд. полит. наук. Краснодар, 2024. 209 с.; Плотичкина Н. В. Территориальная идентичность… 2020.

на роли коллективных представлений, ценностных ориентиров и чувства принадлежности к месту как базовых условий самоорганизации местных сообществ и развития территорий. Данный подход применен для понимания локальной идентичности как ресурса, который может быть мобилизован для привлечения инвестиций, развития туризма, удержания молодежи и легитимации управленческих решений.

Неоинституциональный подход (Д. Норт, Э. Остром[85]) необходим для выявления формальных и неформальных правил, определяющих ограничения и возможности для формирования и использования сетевых ресурсов, понимания роли доверия, социального капитала и коллективного действия в развитии территории. сетевые ресурсы вырастают из институциональной среды, которая либо поощряет кооперацию и горизонтальные связи, либо блокирует их. Неоинституциональный подход также позволяет определить доверие и социальный капитал как базовые институциональные ресурсы, без которых коллективные действия и совместное производство публичных благ становятся невозможными.

Разработанная И. С. Семененко[86] инновационная концепция ответственного развития задает теоретические рамки для анализа сетевых ресурсов с акцентом на нравственную мотивацию граждан, опорой на нематериальные ресурсы потребления и вовлеченность всех акторов (от государства до местных сообществ) на основе культуры диалога. Применительно к сельским территориям данная концепция позволяет рассматривать идентичность и социальный капитал как факторы преодоления фрагментации местных сообществ. Политика развития – это многосторонний процесс согласования интересов через горизонтальные и вертикальные сети взаимодействия. В данном ключе наличие сетевых

[85] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.; Ostrom E. Understanding institutional diversity… 2005.

[86] Семененко И. С. Горизонты ответственного развития… 2019.

ресурсов выступает условием реализации ответственного развития, которое требует учета особенностей конкретных сельских сообществ.

Для изучения нематериальной составляющей политики развития сельских территорий имеет значение концепция пирамиды нематериальных ресурсов (И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, М. В. Терешина, В. Н. Ракачев[87]). Данная концепция предполагает системный взгляд на структуру нематериальных ресурсов, выстраивает их в логическую иерархию, где каждый последующий уровень опирается на предыдущий. Применительно к задачам настоящего исследования пирамида нематериальных ресурсов служит основой для выделения сетевых ресурсов в качестве особого типа нематериальных активов.

Дизайн эмпирического исследования построен на принципах качественной стратегии с применением элементов количественной. Среди эмпирических методов сбора данных автором в диссертационном исследовании использовались традиционный анализ документов, вторичный анализ статистических данных, метод кейс-стади, интерактивный контент-анализ, метод экспертного интервью, метод фокус-групповой дискуссии.

Традиционный анализ документов позволил выявить институциональные рамки политики развития сельских территорий, зафиксировать формальные механизмы взаимодействия акторов и проследить эволюцию государственной политики в исследуемой сфере.

Метод вторичного анализа данных применялся для характеристики социально-экономической и демографической ситуации в сельских территориях. Автором анализировались показатели численности и динамики населения, миграционных процессов, уровня занятости и безработицы, уровня образования и жилищных условий, структуры экономики.

Метод кейс-стади был применен для углубленного анализа конкретных примеров функционирования сетевых сельских сообществ и конфигураций

[87] Miroshnichenko I. V., Doroshenko O. V., Tereshina M. V. et al. Analysing Rural Development… 2024.

сетевых ресурсов. Данный метод позволил выявить механизмы актуализации различных типов сетевых ресурсов, факторы успешности и барьеры развития. Критериями отбора кейсов стали: а) территориально-географическое разнообразие; б) институциональное разнообразие; в) доминирующий тип сетевых ресурсов; г) масштаб и уровень действия; д) наличие цифрового измерения.

Для обработки и систематизации обширного массива текстовых данных (179 практик по итогам всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика», 2017–2025 гг.), описывающего механизмы взаимодействия акторов, их ресурсы и институциональные решения, использовались методы автоматизированного анализа с использованием больших языковых моделей (LLM), адаптированные для задач политического анализа. Применение больших языковых моделей (GPT-4) позволило унифицировать процедуру извлечения ключевых признаков сетевого взаимодействия. Идентификация сетевого компонента осуществлялась на основе четырех критериев: а) состав участников сетевого взаимодействия, б) наличие горизонтальных связей, в) характер отношений между акторами, г) используемые сетевые инструменты.

При помощи интерактивного контент-анализа официальных сайтов и аккаунтов в социальной сети ВКонтакте проведена оценка цифрового профиля 24 сельских муниципальных образований из шести субъектов Российской Федерации (Краснодарский край, Республика Татарстан, Волгоградская, Ростовская, Свердловская и Ярославская области). Критерии отбора субъектов РФ: а) регионы охватывают различные макрорегионы страны; б) выбранные регионы существенно различаются по уровню социально-экономического развития аграрного сектора; в) регионы различаются по административно-территориальному устройству и организации местного самоуправления; г) регионы являются преимущественно аграрными или имеют значительный

сельскохозяйственный сектор в структуре экономики. Отбор конкретных муниципальных образований в каждом регионе осуществлялся по следующим критериям: а) отбирались только муниципальные районы или муниципальные округа, отнесенные к сельским территориям в соответствии с официальной классификацией; б) отбирались муниципальные образования, расположенные на различном удалении от административного центра субъекта РФ (как пригородные, так и периферийные); в) отбирались только те муниципальные образования, которые имеют одновременно официальный сайт, аккаунт администрации и аккаунт главы муниципального образования. Разработанный инструментарий позволил зафиксировать формальное присутствие муниципальных образований в онлайн-пространстве, оценить качество взаимодействия власти и общества.

Сбор открытых данных официальных сайтов муниципальных образований производился через специальную лицензированную программу Screaming Frog SEO Spider 19.8. Перед началом анализа была настроена конфигурация сбора данных для каждого сайта. После настройки конфигурации была написана программа на Python 3.12, которая последовательно для каждого сайта запускала сбор данных в соответствии с настроенной конфигурацией.

С помощью метода экспертного интервью выявлены субъективные оценки сетевого взаимодействия, неформальные практики, латентные конфликты и барьеры развития, получена информация о механизмах принятия решений и распределения ресурсов, которые не отражены в официальных документах. Экспертами выступили главы и заместители глав муниципальных образований, председатели районных Советов депутатов, атаманы, главные редакторы районных газет, председатели советов ветеранов, руководители учреждений культуры, образования и молодежной политики и др. (Апшеронского, Белореченского, Каневского, Крымского, Темрюкского и Тихорецкого районов). Всего было опрошено 46 экспертов.

Метод фокус-групповой дискуссии применялся для изучения восприятия политики рядовыми жителями сельских территорий и выявления коллективных представлений о проблемах и перспективах развития. Фокус-групповые дискуссии (12 фокус-групп) с участием жителей сельских территорий Краснодарского края (Апшеронского, Белореченского, Каневского, Крымского, Темрюкского и Тихорецкого районов) позволили зафиксировать уровень локальной идентичности, доверия к власти, готовности к коллективным действиям и выявить разделяемые нарративы о прошлом, настоящем и будущем территории.

Эмпирические данные о потенциале сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий Краснодарского края были получены автором в грантовом научно-исследовательском проекте Российского научного фонда и Кубанского научного фонда № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» (руководитель – И. В. Мирошниченко), реализуемый в 2022–2024 гг.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили:

1. Нормативно-правовые акты, характеризующие институциональные основания политики развития сельских территорий:

– федеральные законы и подзаконные акты (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федеральный закон от 08 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», Федеральный закон от 08 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»,

Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. №4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года», Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 апреля 2025 г. № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности»);

– региональные законы и подзаконные акты (Устав Краснодарского края, Закон Краснодарского края от 12 декабря 2025 г. № 5458-КЗ «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Краснодарском крае», Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года», постановление Губернатора Краснодарского края от 28 декабря 2023 г. № 1170 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края “Комплексное развитие сельских территорий”», приказ министерства экономики Краснодарского края от 25 декабря 2025 г. № 191 «Об утверждении перечня приоритетных креативных индустрий в Краснодарском крае»).

2. Данные официальной статистики Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных подразделений о численности, возрастной структуре, миграции, занятости сельского населения, социально-экономических показателях сельских территорий.

3. Материалы всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» (2017–2025 гг.). Проанализировано 179 практик из различных регионов Российской Федерации.

4. Публикации в СМИ («Коммерсантъ», Информационное агентство «РБК», Информационное агентство ТАСС, «Краснодарские известия», телеканал «Краснодар», журнал «Агроинвестор», «Ведомости законодательного Собрания Новосибирской области», «Интерфакс») и материалы, размещенные на официальных цифровых ресурсах субъектов публичного управления (официальный сайт Министерства экономического развития РФ, официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей официальный сайт Федеральной налоговой службы, официальный сайт губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края, официальный сайт министерства экономики Краснодарского края, официальный сайт ГКУ КК «Центр регионального развития», портал национальныепроекты.рф (Национальные проекты России), официальный сайт Общероссийской ассамблеи развития территорий и общественного самоуправления, официальный сайт Ассоциации «Совет муниципальных образований Краснодарского края»), освещающие практики развития сельских территорий и деятельность сетевых сельских сообществ.

5. Результаты интерактивного контент-анализа официальных сайтов и аккаунтов в социальной сети ВКонтакте 24 сельских муниципальных образований, расположенных на территории шести субъектов Российской Федерации: Волгоградской, Ростовской, Свердловской, Ярославской областей, Краснодарского края и Республики Татарстан (24 официальных сайта, 24 аккаунта администраций, 23 аккаунта глав муниципальных образований).

6. Результаты полевых исследований, полученные в рамках научно-исследовательского проекта № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края» (2022–2024 гг.), поддержанного Российским научным фондом и Кубанским научным фондом (руководитель – И.В. Мирошниченко):

– 12 транскриптов фокус-групповой дискуссии с участием жителей сельских территорий Краснодарского края (Апшеронского, Белореченского, Каневского, Крымского, Темрюкского и Тихорецкого районов), полученных в июле–августе 2023 г.;

– 46 транскриптов экспертных интервью с главами и заместителями глав муниципальных образований, председателями районных Советов депутатов, атаманами, главными редакторами районных газет, председателями советов ветеранов, руководителями учреждений культуры, образования и молодежной политики и др. (Апшеронского, Белореченского, Каневского, Крымского, Темрюкского и Тихорецкого районов), полученных в июле–августе 2023 г.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

– на основе анализа современных концептов в политической науке автором сформулировано уточненное определение политики развития, учитывающее многосубъектность, сетевой характер взаимодействий и значение материальных и нематериальных ресурсов;

– на основе интеграции экзогенного, эндогенного и неоэндогенного подходов к сельскому развитию определена теоретическая рамка для анализа сельских территорий как динамичных многоуровневых пространств, где ключевым фактором устойчивости выступают нематериальные ресурсы;

– операционализировано понятие «сетевых ресурсов политики развития сельских территорий» как многоуровневой динамической структуры, включающей шесть взаимосвязанных и взаимодополняющих типов ресурсов (социокультурные, институциональные, мобилизационно-организационные, информационно-коммуникативные, материально-технические, инновационно-репутационные);

– выявлены и охарактеризованы конфигурации сетевых ресурсов сельских сообществ Российской Федерации на основе эмпирических кейсов;

доказано, что субъектность сетевых сельских сообществ обеспечивается синергетическим эффектом от сочетания институциональных, социокультурных и технологических аспектов;

– разработана и апробирована методика комплексной оценки цифровых профилей сельских муниципальных образований РФ; по результатам эмпирического исследования дана классификация цифровых профилей и определено их влияние на политику развития сельских территорий;

– проведен комплексный анализ сельских территорий Краснодарского края как ведущего агропромышленного региона Российской Федерации, позволивший выявить внутреннюю дифференциацию муниципальных образований по уровню социально-экономического развития, институциональной среды и социокультурного потенциала;

– на основе эмпирических данных выявлены и охарактеризованы конфигурации сетевых ресурсов (интеграционная, сбалансированная, фрагментарная, латентная); доказан их потенциал для политики развития сельских территорий Краснодарского края.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политика развития территорий представляет собой направление публичной политики, в рамках которого различные государственные и негосударственные субъекты в результате сетевого взаимодействия и с использованием различных ресурсов (материальных и нематериальных) создают институциональные условия для стимулирования экономического роста, адаптации к глобальным вызовам, устойчивого использования ресурсов, улучшения качества жизни и повышения благосостояния населения, достижения общественного блага. Ресурсы политики развития территорий дифференцируются на материальные (финансовые, природные, инфраструктурные) и нематериальные (лидерство, идентичность, человеческий потенциал, социальный капитал, культурное наследие, уровень

социальной солидарности общества, уровень доверия органам власти). Эффективное использование данных ресурсов требует комплексного подхода, учета специфики территории и координации действий всех субъектов.

2. Сельские территории в современном социально-политическом дискурсе перестают восприниматься как периферийные, статичные и исключительно аграрные пространства, а представляют собой сложные, динамичные и многофункциональные системы, включающие не только сельские населённые пункты, но и природный ландшафт, инфраструктуру, пространство существования и жизнедеятельности сельского сообщества, жизнеспособность которых напрямую зависит от способности акторов выстраивать устойчивые, доверительные и результативные сетевые связи для конвертации нематериальных ресурсов в реальные проекты территориального развития. Эволюция теоретических подходов к сельскому развитию от экзогенного (ориентация на внешние инвестиции и государственные субсидии) через эндогенный (акцент на внутреннем потенциале и местных инициативах) к неоэндогенному подходу (сочетание внутренних ресурсов с внешними связями и технологиями) демонстрирует закономерный переход от управления (government) к со-управлению (governance), где успех политики определяется не столько объемом бюджетных вливаний, сколько качеством горизонтальной координации и социального капитала.

3. Сетевые ресурсы политики развития сельских территорий, выступая механизмом согласования интересов и легитимации властных решений на локальном уровне, представляют собой сложную многоуровневую и динамическую структуру, которая включает как материальные, так и нематериальные активы, аккумулируемые и трансформируемые в процессе сетевых взаимодействий. Их специфика заключается в способности накапливаться при условии доверительных коммуникаций, выступая

стратегическим активом, способным компенсировать ограниченность традиционных ресурсов. Структура сетевых ресурсов политики развития сельских территорий включает социокультурные (локальная идентичность, ценности, культурный капитал территории, символический капитал, основанный на уникальности территории), институциональные (сети и их структура, конфигурация сетей, социальный капитал, вовлеченность ключевых акторов, качество взаимодействия между акторами, лидерство), мобилизационно-организационные (способность к самоорганизации и коллективным действиям, механизмы координации усилий для решения общих проблем, способность привлекать и распределять дополнительные ресурсы), информационно-коммуникативные (цифровые платформы и сервисы, цифровые профили в публичном дискурсе, доступ к знаниям, общие нарративы и разделяемое видение будущего развития, в том числе отраженные в программах и стратегиях), материально-технические (инфраструктура, созданная и используемая совместно), инновационно-репутационные ресурсы (способность генерировать и адаптировать инновации, репутация территории, формируемая через сетевые коммуникации).

4. Сетевые сообщества выступают полноправными субъектами политики развития сельских территорий, чья субъектность обеспечивается синергетическим эффектом от сочетания институциональных (формальные правила, нормы, механизмы координации), социокультурных и технологических измерений. Эмпирический анализ 179 муниципальных практик всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» показал, что сетевой компонент выявлен в 61 % практик, при этом его доля достигает 100 % в номинациях, связанных с обратной связью с населением, развитием ТОС, укреплением межнационального согласия и развитием бренда территории. Эмпирические кейсы сетевых сообществ в сельских территориях России (Бурунгольская модель сетевого партнерства, Табар-

Черкийская модель самообложения и инвестиционного развития, Теньгушевская семицветка: бренд территории как ресурс развития, Цифровая деревня Брусянка, Умное село Териберка, Экосистема «Свое» от Россельхозбанка как общероссийская цифровая среда для сельских сообществ) демонстрируют разнообразие организационных форм, каждая из которых формирует специфическую конфигурацию сетевых ресурсов, адаптированную к локальным институциональным условиям. Результативность и способность к самоорганизации сетевых сообществ напрямую зависят от наличия эффективного локального лидерства, доступа к ресурсам, благоприятной институциональной среды, современной технологической базы и устойчивой социокультурной основы, что позволяет компенсировать дефицит государственных ресурсов, конвертировать латентный потенциал сетевых ресурсов в конкретные проекты территориального развития.

5. Цифровой профиль сельского муниципального образования понимается как совокупность количественных и качественных характеристик представленности муниципального образования в цифровой среде, включая официальный сайт и аккаунты в социальных сетях, отражающих уровень технической оснащенности, информационной открытости и интерактивности взаимодействия с населением. Цифровой профиль отражает институциональные характеристики муниципальных образований; позволяет позиционировать существующие материальные и нематериальные ресурсы развития и качество их интеграции в политико-управленческие решения; деятельность разнообразных субъектов и их взаимодействие по развитию территорий. По результатам интерактивного контент-анализа цифровых профилей 24 сельских муниципальных образований из шести субъектов Российской Федерации (Краснодарский край, Республика Татарстан, Волгоградская, Ростовская, Свердловская и Ярославская области) предложена классификация цифровых профилей сельских муниципальных

образований по уровню их цифрового развития (высокий, средний, низкий). Существенная дифференциация итоговых баллов внутри одного субъекта Российской Федерации указывает на определяющую роль локальных институциональных условий, а не только уникальность географического положения и качество региональной политики. Цифровой профиль сельского муниципального образования оказывает значительное влияние на реализацию политики развития сельских территорий, поскольку обеспечивает переход от точечного информирования к системному мониторингу потребностей и предоставления обратной связи, создает каналы для вовлечения граждан в проекты соучастия, повышает прозрачность деятельности органов местного самоуправления и формирует площадку для выстраивания доверительных отношений между властью и населением.

6. Краснодарский край является одним из наиболее экономически развитых агропромышленных регионов Российской Федерации, обладающим благоприятными природно-климатическими условиями, развитой инфраструктурой и многоуровневой системой поддержки сельского развития. Сельские территории Краснодарского края представляют собой сложный социально-экономический и институциональный комплекс, который характеризуется высокой внутренней дифференциацией, наличием зон динамичного роста и территорий депопуляции. Их развитие зависит от способности аккумулировать и использовать сетевые ресурсы для преодоления инфраструктурных и кадровых дефицитов, обеспечивать более гибкое и адресное реагирование на запросы сельских жителей и повысить устойчивость сельских территорий Краснодарского края в условиях современных вызовов с учетом специфики экономических зон региона.

7. По результатам эмпирического исследования сельских территорий Краснодарского края установлено, что конфигурации сетевых ресурсов классифицируются по степени интеграции в управленческие практики. В интеграционной конфигурации актуализированы все виды сетевых ресурсов,

которые конвертируются в стратегии и проекты развития территорий под руководством сильного лидера, что обеспечивает устойчивое развитие территории и высокий уровень включенности сельских сообществ. В сбалансированной конфигурации сетевые ресурсы дополняют друг друга, опираясь на деятельность и активность множества субъектов политики развития. Фрагментированная конфигурация характеризуется актуализацией в политико-управленческой практике отдельных, но не связанных друг с другом сетевых ресурсов, которые слабо конвертированы в политику развития территорий. В латентной конфигурации большинство видов сетевых ресурсов находятся в скрытом состоянии либо отсутствуют, сельские сообщества не обладают субъектностью, развитие заблокировано. Трансформацию фрагментированных и латентных конфигураций в интеграционные и сбалансированные обеспечивает сильное локальное лидерство, которое мобилизует внешние ресурсы, формирует разделяемое видение будущего, выстраивает горизонтальное взаимодействие между разнородными акторами и конвертирует сетевые ресурсы в конкретные проекты развития.

Научно-теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в расширении понятийного аппарата политической науки за счет введения и операционализации категории «сетевые ресурсы политики развития сельских территорий». Предложенная структура сетевых ресурсов и типология их конфигураций создают аналитический инструментарий для дальнейших компаративных и кросс-региональных исследований политики развития сельских территорий. Теоретические результаты расширяют представления о механизмах реализации государственной политики через сетевые формы координации и о роли сетевых ресурсов в территориальном развитии.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке и

корректировке государственных программ на федеральном и региональном уровнях, при проектировании механизмов вовлечения сельских сообществ в процессы территориального развития, в деятельности органов местного самоуправления по диагностике и актуализации сетевых ресурсов. Теоретические и практические результаты диссертационного исследования могут быть использованы для разработки образовательных программ по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры Политология, Публичная политика, Государственное и муниципальное управление, в системе дополнительного профессионального образования.

Диссертационное исследование выполнено в рамках научной специальности **5.5.2 Политические институты, процессы, технологии** и соответствует следующим направлениям исследований: пункт 5 – Политическое поведение и участие: артикуляция, агрегирование интересов, формы мобилизации; пункт 7 – Гражданское общество: тенденции эволюции, перспективы развития и национальные модели; пункт 11 – Региональное измерение политики и политического управления; пункт 19 – Глобализация, сетевизация и цифровизация: политические аспекты; пункт 33 – Стратегическое управление, политическое прогнозирование и проектирование политических институтов и процессов.

Апробация результатов исследования. Промежуточные и итоговые результаты исследования были апробированы на 25 научных конференциях международного и всероссийского уровня, среди них наиболее важные: Всероссийская конференция с международным участием «Суверенное развитие в многополярном мире: единство в многообразии как основа российской государственности» (Санкт-Петербург, 25 июня 2026 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Основные направления развития региональной политики современной России» (Воронеж, 27 марта 2026 г.); Международная научно-практическая конференция XIV Столыпинские чтения «Евразийское пространство: актуальные аспекты

международной, национальной, региональной и локальной политики» (Краснодар, 17 октября 2025 г.); Всероссийская конференция РАПН с международным участием «Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы» (Москва, 28–29 ноября 2025 г.); VII Международная научно-практическая конференция «Современные социальные процессы в контексте глобализации» (Краснодар, 21 мая 2025 г.); Международная научная конференция «Развитие сельских территорий в фокусе социально-политических исследований» (Краснодар, 14–17 ноября 2024 г.); X Всероссийский конгресс политологов с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития» (Москва, 5–7 декабря 2024 г.); Всероссийская научно-практическая конференция XIII Столыпинские чтения «Регионы России в контексте современного политического процесса: итоги развития, проблемы, перспективы» (Краснодар, 17 октября 2024 г.); Всероссийская конференция РАПН с международным участием «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск» (Москва, 1–2 декабря 2023 г.); Всероссийская конференция РАПН с международным участием «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности» (Москва, 2–3 декабря 2022 г.); Всероссийская научная конференции с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества» (Краснодар, 22–23 октября 2020 г.); Ежегодная всероссийская научная конференция с международным участием РАПН «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы» (Москва, 27–28 ноября 2020 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика в сетевом обществе» (Адлер, 16–19 мая 2019 г.).

В рамках проблематики диссертационного исследования автор являлся исполнителем в 8 научно-исследовательских проектах: проект Российского научного фонда и Кубанского научного фонда № 22-18-20059 «Политика

развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» (руководитель – И. В. Мирошниченко) (2022–2024 гг.); государственное задание Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне» (на примере субъектов Южного федерального округа)» (руководитель – Н. Т. Русия) (2023 г.); государственное задание Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2022-0013 «Молодежное лидерство в региональных практиках публичного управления развитием человеческого капитала: стратегии достижения успеха, возможности, результаты» (руководитель – А. И. Кольба) (2022 г.); НИР в рамках государственного контракта № 23/161 «Социальная ответственность компаний и предприятий города Краснодара: практики вовлеченности молодых специалистов (по результатам реализации программы в направлении целевой группы: молодежь в возрасте от 30 до 35 лет), шифр регионального проекта Краснодарского края 09ЕГ008300767» (руководитель – А. И. Кольба) (2023 г.); проект Российского фонда фундаментальных исследований и Кубанского научного фонда № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)» (руководитель – И. В. Самаркина) (2020 г.); грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук «Инновационные практики в многоуровневой системе публичного управления современной России» № МД-5993.2016.6 (руководитель – И. В. Мирошниченко) (2016–2017 гг.); проект Российского гуманитарного научного фонда № 15-33-01313 «Сетевые ресурсы развития локальной политики в условиях новой политической реальности» (руководитель – Н. А. Рябченко) (2015–2017 гг.); проект Российского гуманитарного научного фонда № 18-011-00975 «Фронтир сетевого общества как пространство политического

взаимодействия» (руководитель – Е. В. Морозова) (2015–2017 гг.). В 2026 г. под руководством диссертанта реализуется государственное задание Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2026-0013 «Социальное проектирование в политике развития сельских территорий (на примере Юга России)».

Основные положения диссертации изложены автором в 27 научных статьях общим объемом более 19 печатных листов, в том числе в 7 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов кандидатских диссертаций, 1 коллективной монографии.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре государственной политики и публичного управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура работы состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения, списка использованных источников.

1 Теоретико-методологические основания исследования сетевых ресурсов политики развития сельских территорий

1.1 Политика развития: концептуальные основания исследования

В современных реалиях в мировом и российском дискурсе остро ставится вопрос о развитии в целом как нелинейном процессе. В фокусе внимания политико-управленческих наук находятся альтернативы развития в международной повестке, содержательные ориентиры и приоритеты, субъектность, а также специфика развития территорий – как городских, так и сельских, либо отдельных государств. В этой связи перспективным направлением политической науки выступает поиск оптимальных подходов к разработке концепции политики развития, способной интегрировать разнородные теоретические подходы и предложить эффективные инструменты анализа.

Развитие представляет собой сложный, многогранный и динамический процесс, охватывающий различные сферы жизни общества, экономики, культуры и др. Оно направлено на качественное и количественное изменение объекта, его усложнение и преобразование, переход от более простого состояния к сложному. В связи с тем что развитие связано с последовательными качественными изменениями объекта, системы, явления, данный процесс считается необратимым, поскольку невозможно вернуться к исходному состоянию.

Понятие «развитие» является центральным для целого ряда научных направлений, и его трактовка претерпела значительную эволюцию. Изначально в социально-философской мысли доминировали линейно-прогрессистские модели развития, уходящие корнями в философию Просвещения. В классической социологии развитие понимается как процесс изменений в обществе, которые могут быть как количественными (рост

населения и др.), так и качественными (изменение социальных институтов). Так, согласно О. Конту, общество развивается постепенно, проходя через определенные стадии: теологическая (мифологическое развитие мира), метафизическая (философское объяснение), позитивная (научное объяснение)[88]. Г. Спенсер рассматривал общество по аналогии с организмом, утверждая, что его структура усложняется по мере роста[89]. В рамках этих подходов развитие представлялось как универсальный стадиальный процесс движения от простого к сложному, от традиционного к современному. Данная логика была унаследована сторонниками теории модернизации, которые рассматривали развитие как линейный процесс, который характеризуется постепенным переходом от традиционного общества к современному. Основными характеристиками развития в модернизме являются: урбанизация, индустриализация, формирование новых социальных институтов, изменение ценностей, развитие технологий[90].

Диалектический подход, напротив, акцентировал внимание на нелинейном и противоречивом характере развития. С этой точки зрения, развитие отождествляется с движением, понимаемым как борьба противоположностей, и характеризуется переходами, связями и временной направленностью[91]. В марксистской теории развитие предстает не только как прогресс, но и как сложный и противоречивый процесс, в основе которого лежат кризисы, скачки и качественные преобразования. В. И. Ленин подчеркивал, что развитие не всегда является линейным и постепенным, а в определенные моменты способно принять революционный характер (скачкообразные и радикальные перемены)[92].

---

[88] Конт О. Курс позитивной …

[89] Spencer H. The Principles of …

[90] Ростоу У. У. Стадии экономического роста / Пер. с англ. В. П. Марченко. Нью-Йорк : Прегер, 1961. С. 1-16.

[91] Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Республика, 2001. С. 479.

[92] Ленин В. И. К вопросу о диалектике…1973.

Структурный функционализм сместил акцент на системные характеристики развития, понимая его как процесс адаптации общества к изменениям в окружающей среде. В данной парадигме развитие трактовалось как необходимое условие для улучшения способности общества выполнять свои функции, поддерживать стабильность и эффективность[93]. При этом сохранялась ориентация на внутреннюю устойчивость системы.

Представители постмодернистского подхода критиковали классические теории развития, подвергнув деконструкции саму идею прогресса. Они указали, что доминирующий дискурс развития часто выступает инструментом, навязывающим определенные культурные и экономические модели. Так, Ж. Бодрийяр, вводя понятие «симулякров», утверждал, что современное общество не развивается линейно, а движется по кругу, производя знаки и копии, утратившие связь с реальностью[94].

Таким образом, эволюция теоретических представлений демонстрирует многообразие подходов к пониманию развития. Если одни модели связывали развитие с идеями прогресса, реализуемого через линейный или нелинейный процесс, то другие отрицали обязательную связь развития с прогрессом. В научном дискурсе развитие трактуется как сложный, многомерный и непредсказуемый процесс, который направлен на поиск баланса в условиях нестабильности и многообразия интересов. К ключевым его характеристикам относятся:

– многомерность (взаимосвязь различных сфер),

– баланс между инновациями и традициями,

– устойчивость и адаптивность (баланс между прогрессом и сохранением ресурсов),

– амбивалентность (развитие имеет побочные эффекты),

– нелинейность и неравномерность,

[93] Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. Москва : Аспект Пресс, 1998. 270 с.

[94] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции… 2015.

– этическая составляющая.

В работе Т. Эддисона политика развития рассматривается через призму экономического роста, где основная цель видится в сокращении бедности и нищеты. Исследователь отмечает, что первые стратегии развития были разработаны в 1940–1950-е годы, когда признавалась роль рынка как основного стимула развития. Однако дискуссионным оставался вопрос о степени государственного контроля и планирования в таких сферах как электроэнергетика, водоснабжение, транспортная инфраструктура. Несмотря на это сложилось убеждение, что правильная политика развития способна вывести широкие слои населения планеты из нищеты. Однако принятие эффективных политических решений требует тщательного осмысления механизмов стимулирования экономических и социальных изменений[95].

Эволюция концепции развития демонстрирует переход от универсальных и детерминистских моделей к нелинейным и многовариативным подходам. Конкретизация общих теорий развития применительно к публичной политике привела к формированию целого ряда концептуальных моделей развития, среди которых ключевое место занимает модель «государства развития».

Модель «государства развития» была сформулирована Ч. Джонсоном в 1980-х гг. на основе анализа опыта послевоенной Японии, которая создала собственную модель национального развития, сочетающую в себе элементы капиталистической и плановой моделей экономик с долгосрочной ориентацией на рост.[96] Р.Х. Уэйд, анализируя успех «азиатских тигров» (Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг) в экономическом развитии, также вывел формулу успешного государства развития, включающую политическое управление, идеи, институциональные механизмы и

[95] Addison T. Development Policy: An Introduction for Students. Discussion Paper // WIDER. 2004. No. 2004/09/ URL: https://www.researchgate.net/publication/23780567_Development_Policy_An_Introduction_for_Students (accessed 26th February 2025).

[96] Johnson C. MITI and the Japanese Miracle…1982.

специфическую промышленную политику[97]. К. С. Саблин, обобщая опыт Японии, Южной Кореи, Тайваня, Ирландии и Финляндии, вывел общие черты таких государств:

– малая протяженность границ;

– небольшая площадь территории;

– унитарное государственное устройство;

– высокая плотность экономического пространства;

– унифицированная институциональная среда;

– использование меритократических принципов отбора и продвижения государственных служащих[98].

В этой связи У. Б. Кудаяров, А. М. Матазимов подчеркивают две ключевые черты классического «государства развития»[99]:

– консенсус правящих элит относительно функций государства на политическом и идейном уровнях;

– наличие у властных институтов методов государственного вмешательства, предполагающих тесное сотрудничество с бизнесом, для обеспечения управляемости экономики.

Вместе с тем классическая модель «государства развития» сталкивается с вызовами современности, такими как пандемия COVID-19, переход к экономике знаний, изменение политического контекста и экологические вызовы (изменение климата, исчерпаемость ресурсов и др.), что делает ее трудноприменимой к крупным, федеративным, разнородным по территории государствам[100]. П. Эванс предложил модернизированную версию модели «государства развития» для государств XXI в., дополнив традиционные меры государственного стимулирования и промышленной политики развитием человеческого потенциала, цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, а

[97] Wade R. H. The Developmental State… 2018.

[98] Саблин К. С. Государство развития в разных институциональных условиях // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2010. № 2(38). С. 161–168.

[99] Кудаяров У. Б., Матазимов А. М. Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 18-27.

[100] Там же.

также поддержкой отраслей экономики и переформатированием политических коммуникаций[101].

Разработка в 1980-е годы под эгидой ООН модели «устойчивого развития» ознаменовала собой новый этап в формировании концептуальных оснований политики развития. Первоначально модель «устойчивого развития» базировалась на трех составляющих: экономической, экологической, социальной. Экономическая составляющая предполагает создание сильной и устойчивой экономики способной обеспечить достойный уровень жизни для всех в долгосрочной перспективе. Экологическая составляющая предполагает сохранение окружающей среды и природных ресурсов для будущих поколений. Социальная составляющая базируется на создании справедливого и инклюзивного общества, в котором все люди имеют равные возможности и доступ к различным ресурсам.

Рисунок 1 – Три составляющие устойчивого развития[102]

В дальнейшем в научных дискуссиях акцент был сделан на социально-гуманитарных аспектах устойчивого развития, в частности, на культурном измерении. Оно трактуется как «включающий механизм», обеспечивающий

[101] Evans P., Heller P. The State and Development… 2018.

[102] Источник: Устойчивое развитие // Национальный ESG Альянс : [сайт]. URL: https://esg-a.ru/ru/sustainable-development (дата обращения: 12.02.2025).

согласование ключевых компонентов развития: методологических подходов, поведенческих практик, ценностных ориентаций и др.[103] Дж. Хокс, в свою очередь, выделил культуру в качестве четвертой ключевой составляющей устойчивого развития, которая выступает связующим звеном, объединяющим экономическую, экологическую и социальную сферы для достижения долгосрочного баланса[104]. Для сельских территорий это имеет особое значение, поскольку культурный ландшафт, локальные традиции и практики являются важным нематериальным ресурсом, определяющим уникальность и устойчивость их развития.

В контексте нарастающей нестабильности актуальность приобретает модель «стрессоустойчивого развития». В политической науке стрессоустойчивость системы понимается как способность системы сохранять свою функциональность, целостность и структуру в условиях внешних и внутренних воздействий[105]. Некоторые исследователи полагают, что стрессоустойчивое развитие не всегда включает механизмы улучшения жизни наименее защищенных групп и укрепления положения привилегированных групп[106]. В ответ на это Н. Матин, Дж. Форрестер и Дж. Энсор предложили концепцию «справедливой стрессоустойчивости», которая направлена на формирование устойчивых систем, способных выдерживать стрессовые факторы и обеспечивать справедливое распределение ресурсов, знаний и доступа к власти[107]. На практике, как отмечают А.Л. Бардин и М.И. Сигачев, внедрение такого подхода требует постоянного контекстуального анализа и серьезных аналитических усилий, а также готовности органов государственного управления внедрять

[103] Никонорова Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6.. С. 646.

[104] Hawkes J. The Fourth Pillar of Sustainability… 2001.

[105] БардинА. Л., Сигачёв М. И. Дискурсы развития… 2019. С. 31.

[106] MacKinnon D., Derickson K. D. From Resilience to Resourcefulness: A Critique of Resilience Policy and Activism // Progress in Human Geography. 2013. Vol. 37. P. 253–270.

[107] Matin N., Forrester J., Ensor J. What Is Equitable Resilience?... 2018.

рекомендации научного сообщества при принятии политических решений[108], что особенно важно для сельских территорий в силу их периферийности.

Поскольку традиционная политика развития базируется на экономическом росте, который негативно сказывается на природе и обществе (загрязнение атмосферы, бедность в ряде территорий и др.), Г. Дэйли предложил модель экологически ориентированного развития. Она предполагает переход от линейной экономики к экономике замкнутого цикла (отходы становятся ресурсом), введение системы «зеленых налогов» с прогрессивной ставкой для ограничения бесконтрольного загрязнения природы и безответственного потребления, поддержку местного сельского хозяйства[109].

В эпоху информационного общества, когда происходит переход основных сфер жизнедеятельности человека в сетевое пространство, растет производство и распространение информации, актуальность приобретает модель развития на основе больших данных (Big Data), которые позволяют выявлять закономерности, оптимизировать процессы и прогнозировать тренды в таких сферах, как государственное управление, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, экономика, безопасность и др.[110]

Ю. А. Старцев, обобщая разнообразие подходов, выделяет шесть моделей политик развития: государство развития, поддерживаемое развитие, отказ от роста, неолиберализм, экономика замкнутого цикла, переход к устойчивости[111]. Модель государства развития ориентирована на экономический рост, рост уровня жизни и развитие международного влияния. Политика развития управляется непосредственно государством. Модель поддерживаемого развития ориентирована на быстрый и устойчивый социально-экономический рост, модернизацию производства и соответствие западным социальным и экономическим стандартам. Модель отказа от роста

[108] Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Дискурсы развития… С. 32.
[109] Daly H. E. Steady-State Economics. London : Earth-Scan, 1992. 318 p.
[110] Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Дискурсы развития… С. 33.
[111] Старцев Я. Ю. Политика развития… 2020. С.15–17.

предполагает снижение уровня потребления и производства, достижение человеческого благополучия, сохранение природной среды. В рамках модели неолиберализма цели политики развития предполагают высокие темпы экономического роста и повышение уровня жизни. Модель экономики замкнутого цикла ориентирована на получение максимальной пользы от материалов и переход к циклическому производству «природа-общество-природа». В рамках модели перехода к устойчивости экономический рост считается необязательным, а сама политика развития формируется с учетом интересов государства, некоммерческих организаций, бизнеса, а также отдельно заинтересованных групп.

Особого внимания заслуживает модель «соучаствующего развития», которая делает акцент на процессе, а не только на результате. Соучаствующее развитие предполагает добровольное участие граждан как ключевых субъектов в развитии территории, их возможность влиять на принятие решений в разработке проектов развития территорий[112]. Соучаствующее развитие может реализовываться в различных форматах: инициативное бюджетирование, проекты развития, инициированные местными сообществами, стратегические сессии с привлечением всех заинтересованных сторон.

М. Рахнема считает, что соучаствующее развитие включает в себя следующие компоненты:

– когнитивный (понимание пространства, которое рассматривается);

– политический (расширение прав и возможностей участников);

– инструментальный (предложение альтернативных решений)[113].

На местном уровне соучаствующее развитие открывает возможности для реализации стратегических целей политики развития и проявления субъектной позиции как местных сообществ, так и отдельных граждан в

[112] Аверкиева К. В. Семинар-конференция «Соучаствующее развитие городов и сельских территорий» // Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 4. С.196.

[113] Rahnema M. Participation… 1992.

планировании комфортных и благополучных пространств для жизни[114]. На наш взгляд соучаствующее развитие на практике реализует доступ к сетевым ресурсам для широких слоев населения.

Наиболее релевантной для настоящего исследования является парадигма ответственного развития И. С. Семененко. В условиях неопределенности и нестабильности, роста социальной конфликтности и кризиса доверия к существующим демократическим институтам она предлагает модель, ориентированную на обеспечение источников развития и горизонтов личной и социальной безопасности. Эта модель задает «систему координат», в которой пересекаются управленческие практики и стратегическое видение приоритетов развития сообщества. Ключевыми принципами ответственного развития выступают:

– баланс между традициями и инновациями;

– опора на возобновляемые и нематериальные ресурсы;

– расширение участия граждан[115].

Через призму ответственного развития возможно переформатирование моделей развитие без роста и рост без развития через позитивное видение будущего. Данная парадигма напрямую подводит к необходимости анализа сетевых ресурсов, поскольку именно в сетях происходит формирование новых смыслов, кооперация и мобилизация нематериальных ресурсов.

В научной литературе ведутся активные дискуссии о вовлеченных в реализацию политики развития субъектах. Эволюция концепций развития сопровождалась переосмыслением роли и состава субъектов политики развития. Исследование субъектов политики развития позволяет глубже понять, как они взаимодействуют в процессах реализации политики развития, какие роли они играют и какое влияние оказывают на результаты данной политики.

[114] Mohan G., Stokke K. Participatory Development and Empowerment: The Dangers of Localism // Third World Quarterly. 2000. Vol. 21, Is. 2. P. 247–268.

[115] Семененко И. С. Горизонты ответственного развития… 2019.

По мнению ряда, ученых государство в лице органов государственной власти является ключевым субъектом политики развития, поскольку государство создает инфраструктуру для реализации политики развития другими ее субъектами, обеспечивает соблюдение их прав и доступ к ресурсам[116], выполняет управленческие и посреднические функции в их взаимодействии[117]. Органы государственной власти обладают полномочиями и ресурсами для принятия решений, разрабатывают общенациональные стратегии развития.

В современных исследованиях все большее признание получает полицентричный взгляд на субъекты политики развития. Так, И. С. Семененко и Т. И. Хайнацкая включают в число субъектов политики развития бизнес-компании, некоммерческие организации, научное и экспертное сообщество, а также международные организации[118]. Бизнес выступает двигателем экономического роста и инноваций, в том числе через механизмы государственно-частного партнерства. В свою очередь, малое и среднее предпринимательство на локальном уровне способствует развитию сельских территорий и малых городов. Международные организации (ООН, БРИКС и др.) в качестве субъектов политики развития выполняют функции координации усилий между государствами-участниками для борьбы с глобальными вызовами в контексте политики развития (защита окружающей среды, борьба с бедностью и др.)[119].

Некоммерческие организации в реализации политики развития выступают в качестве посредников между государством, бизнес-структурами и обществом. Они способствуют более быстрому решению различных проблем благодаря своему активному включению[120]. НКО участвуют в реализации государственных программ и проектов. Благодаря

[116] Sen A. K. Development as Freedom… 2001.

[117] Kamarck E. C. The End of Government... As We Know It: Making Public Policy Work. New York : Routledge. 2007. 157 p.

[118] Семененко И. С., Хайнацкая Т. И. «Общественное развитие» в лабиринтах… 2024. № 6. С. 54–74.

[119] Там же.

[120] Там же.

государственной поддержке и способности привлекать внимание к острым общественным проблемам некоммерческие организации могут выступать инициаторами собственных локальных проектов развития с учетом специфики территории. В партнерстве с бизнес-структурами некоммерческие организации продвигают корпоративную социальную ответственность.

Научные и экспертные сообщества также вовлечены в процессы разработки и реализации политики развития – путем предоставления консультаций и аналитических материалов, проведения исследований по выявлению проблем в той или иной сфере. Так, ряд исследователей предлагает выстраивать взаимодействие научных и экспертных сообществ с государственными органами путем внедрения принципов доказательной политики, которая способствует принятию решений на основе достоверных научных знаний, аналитических исследований и экспертизы[121]. Внедрение доказательной политики может способствовать минимизации ошибок при принятии политических решений, повысить их обоснованность, улучшить эффективность государственного управления, помочь в оценке прогнозирования последствий внедрения государственных программ и проектов.

Наиболее адекватной моделью для описания взаимодействия этих разнородных субъектов является теория тройной спирали Г. Ицковица[122]. Она фокусируется на взаимодействии трех ключевых субъектов в обществе знания: государство, бизнес, университет. Их переплетение и взаимопроникновение создает среду для развития сетевой интеграции, обеспечивающей инновационное развитие (рисунок 2). Университеты в данной модели выступают ключевыми субъектами, поскольку генерируют инновационные идеи и выступают связующим звеном между государством и бизнесом. В контексте нашего исследования эта модель требует расширения

[121] Пушкарева Г. В., Михайлова О. В., Батоврина Е. В. Взаимодействие государства и научно-экспертного сообщества: перспективы доказательной политики в Российской Федерации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 1. С. 23–38.

[122] Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4(150). С. 5–10.

и учета четвертой спирали – местных сообществ и граждан, чьи знания, ценности и практики являются жизненно важными ресурсами для устойчивого развития сельских территорий.

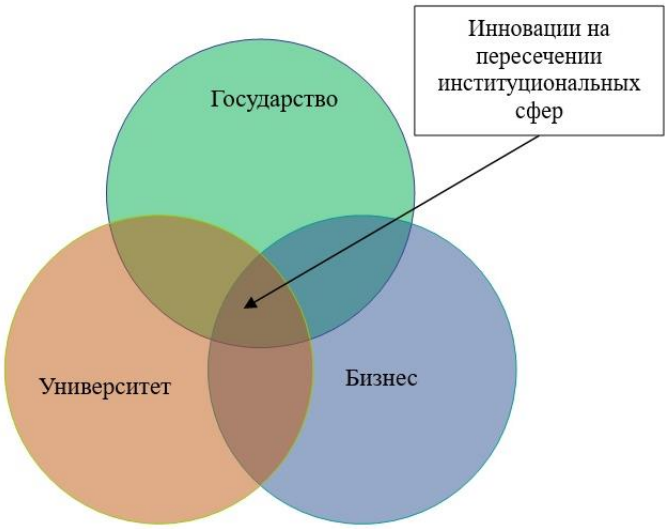

Рисунок 2 – Модель тройной спирали Г. Ицковица[123]

В связи с дефицитом материальных ресурсов возрастает актуальность исследований, связанных с актуализацией и обоснованием роли нематериальных ресурсов в политике развития. В. С. Ефимов и А. В. Лаптева видят университеты значимыми субъектами в политике развития, создающими новые смыслы, идеи, знания, инновации. Университеты включают в себя различных субъектов (научные школы, педагоги, проектные команды и др.), которые способны вырабатывать собственные представления о желаемом будущем[124].

Е. В. Морозова и В. Н. Ракачев подчеркивают, что человеческий капитал является одним из важных нематериальных ресурсов развития территорий[125]. Успешное наращивание и приумножение человеческого

[123] Источник: Ицковиц Г. Модель тройной спирали… 2011. С. 6.

[124] Ефимов В. С., Лаптева А. В. Университет как интеллектуальный полис: управление развитием в терминах политики // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 4. С. 46–57.

[125] Ракачев В. Н., Морозова Е. В. Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 827–855.

капитала возможно через систему образования, в том числе через высшее образование. Как субъект развития, высшие образовательные учреждения выступают точками притяжения молодежи, в них сосредоточен научно-технологический потенциал, их инфраструктура постоянно поддерживает движение человеческих ресурсов.

Таким образом, мы можем отметить, что система субъектов политики развития эволюционирует в сторону сложной гетерогенной сети, где эффективность политики развития зависит не столько от иерархического управления, сколько от качества сетевых взаимодействий между множеством автономных, но взаимозависимых акторов. Это ставит в центр нашего исследования вопрос о сетевых ресурсах как о связующем звене между этими субъектами.

Политика развития многогранна и предполагает проекцию образа будущего и видение определенных направлений развития. Вопросы развития тесно связаны с нематериальными ресурсами. В контексте политики развития территорий можно говорить о городском и сельском развитии. В связи с этим на первый план выходят городские и сельские исследования, а также поиск нематериальных ресурсов развития территорий. Центральной становится идея сбережения человеческого потенциала и капитала и ресурсов Земли, что требует смены парадигм развития, включающей изменение картины мира, системы мышления и идентичности индивида, гражданина и потребителя[126].

Значительный потенциал для адаптации к сельскому контексту имеет концепция политики ответственного городского развития, разработанная В. И. Пантиным и А. Л. Бардиным. Авторы выделяют шесть ключевых критериев и индикаторов развития городов:

– демографические,

– социально-экономические,

[126] Семененко И. С. Дискуссии о развитии в контексте политики развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко ; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь мир», 2023. С. 51.

– политические,

– инфраструктурные,

– экологические,

– культурные,

– научно-образовательные[127].

Организует городскую среду и реализует городскую политику городское сообщество, в котором выделяются четыре ключевых социально-политических субъекта: городская администрация, группы активных граждан города, предприниматели и предпринимательские организации, ИТ-корпорации[128]. Ответственное городское развитие возможно лишь при наличии сформированного городского сообщества и налаженных каналов коммуникации. Составляющие политики городского ответственного развития:

– сокращение информационного разрыва между властью и обществом,

– развитие инструментов и механизмов партисипативной демократии,

– учет социального запроса,

– развитие формальных механизмов участия жителей города в его развитии,

– формирование городской идентичности и исторической памяти, формирование культуры ответственности.

Ключевая идея адаптации этой концепции к сельским территориям заключается в переносе акцента с пространственно-инфраструктурного развития на социо-эколого-экономическое развитие сельских территорий как сложной и целостной системы.

Рассматривая современное мировое развитие, А. Б. Вебер считает, что человечество сейчас находится на развилке своей истории, сталкиваясь с различными глобальными вызовами (компьютеризация, ухудшение

[127] Бардин А. Л., Пантин В. И. Политика ответственного городского… 2024.
[128] Там же.

экологической обстановки, угроза ядерной войны и др.). В этой связи поиск оптимальной модели политики развития сможет «содействовать установлению более устойчивого и справедливого миропорядка»[129]. Многими государствами развитие рассматривается с точки зрения экономического роста и измеряется различными количественными и качественными показателями (ВВП, средний уровень дохода на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, доступность базовых социальных услуг и др.), тогда как политика развития должна фокусироваться на благосостоянии человека, т.е. ориентация на социальное развитие, которое направляли бы ценностные установки и интересы общественного блага. Однако у экономического развития есть пределы роста. По мнению А. Б. Вебера, существуют другие сферы, помимо экономической, в которых пределов роста нет: культура, образование, искусство, спорт, физическая культура, духовное развитие личности[130].

Вместе с тем А. Б. Вебер отмечает, что с развитием тесно связаны инновации, которые, с одной стороны, полезны, но, с другой стороны, могут нести с собой различные явные или скрытые проблемы опасные как для людей, так и для окружающей среды[131]. Снижение эффекта негативных последствий инноваций для общественного развития возможно найти через опору на традиции, которые сохраняют свою устойчивость и целостность на протяжении многих веков. В этой связи актуально мнение И. В. Семененко о том, что необходим баланс традиций и инноваций в политике развития. Именно баланс традиций и инноваций способен привести к общественной самоорганизации, возможна позитивная, ориентированная на решение задач консолидация разделенных социальных групп в условиях нестабильности современного мирового развития[132].

---

[129] Вебер А. Б. Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 1(24). С. 54.

[130] Там же. С. 58

[131] Там же. С. 62.

[132] Семененко И. С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 61.

В. И. Пантин отмечает, что «для реализации любой политики развития политики развития необходимы не только наличие значительных человеческих, природных и финансово-экономических ресурсов, но и их целенаправленная концентрация и мобилизация. Если этого не происходит, то ни на государственном, ни на локальном уровнях цели и задачи политики развития не будут достигнуты, а проекты развития не будут выполняться»[133]. Важно отметить, что для любой политики развития необходимо учитывать ряд факторов: разноуровневость и разноплановость социальных и экономических условий, многообразие культур, социальных и политических ориентаций. Для эффективной реализации политики развития необходимо поддерживать инициированные различными сообществами проекты развития в различных сферах и задействовать имеющиеся природные, экономические, социальные и интеллектуальные ресурсы, которые задействованы не в полной мере в силу различных причин.

Поскольку политика развития направлена на улучшение качества жизни населения, стабильный устойчивый экономический рост, гармоничное взаимодействие общества с окружающей средой, снижение уровня социальной напряженности, стоит отметить, что результаты ее реализации могут существенно отличаться: от значительных успехов до серьезных неудач, приводящих к кризисам. Эффективность политики развития зависит от множества факторов: четкость поставленных целей, адекватность выбранных методов, наличие ресурсов, степень вовлеченности заинтересованных групп и др. Система оценки результатов политики развития является многоуровневой и должна учитывать как объективные количественные индикаторы, так и качественные изменения.

На макроуровне можно выделить традиционные экономические показатели политики развития: рост ВВП, уровень национального дохода на душу населения, объемы инвестиций, индекс диверсификации экспорта.

[133] Пантин В. И. Политическое развитие… 2018.

Также макроуровневые показатели политики развития все чаще включают индексы человеческого развития, экологического следа и социального прогресса.

На мезоуровне (уровень территории) результаты политики развития проявляются в улучшении социально-экономического, культурного, экологического состояния конкретных регионов, городов и сел. Ключевыми индикаторами здесь выступают:

– динамика качества жизни населения (доступность жилья, социальных услуг, благоустройство);

– развитие инфраструктуры (транспортной, коммунальной, цифровой);

– сохранение и приумножение человеческого капитала (уровни образования и здоровья, миграционный баланс);

– состояние окружающей среды и использование природных ресурсов.

На микроуровне (уровень сообщества и индивида) результативность политики развития измеряется ростом субъективного благополучия, укреплением социального капитала, повышением уровня доверия и гражданской солидарности, расширением возможности для самореализации.

Показательными примерами реализации политики развития выступают зарубежные практики. Опыт Ирландии в реализации национальной политики развития в условиях глобальных вызовов можно охарактеризовать как модель «маятникового развития»[134]. Будучи разделенным обществом с тяжелым колониальным прошлым и экономической отсталостью, Ирландия сумела трансформировать свои структурные слабости в ресурсы для роста. Ключевым фактором успеха стало сочетание интеграции в европейские структуры с активным использованием нематериальных активов: исторической памяти, культурного наследия и диаспоры. Благодаря прогрессивной шкале налогообложения и адресной социальной помощи Ирландии удалось добиться баланса между экономической эффективностью

[134] Семененко И. С. Национальная политика развития перед лицом глобальных вызовов: ирландский «маятник» // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 7. С. 81–93.

и социальной справедливостью[135]. Параллельно формировалась инклюзивная национальная идентичность, основанная на политике памяти, символических практиках и открытости ирландской диаспоре[136].

Также в зарубежной практике можно выделить запущенную в 2016 г. амбициозную программу развития Саудовской Аравии «Saudi Vision 2030», направленную на диверсификацию экономики страны и снижение зависимости от нефти. Основная цель программы – трансформация Саудовской Аравии в инвестиционный, технологический, туристический центр, изменение имиджа на международной арене к 2030 году[137]. Несмотря на то что программа еще находится в стадии реализации, можно уже выделить ряд результатов: реформа управления, основанная на внедрении проектного подхода, открытие туризма для всех национальностей, улучшение положения женщин, приватизация государственной нефтяной компании Saudi Aramco, сокращение полномочий Комиссии по поощрению добродетели и предотвращению порока, преобразования в сфере культуры и др.[138]

Проведенный анализ концептуальных оснований политики развития позволяет сформулировать следующее определение, релевантное для нашего исследования сетевых ресурсов развития сельских территорий. Политика развития – это направление публичной политики, в рамках которого различные государственные и негосударственные субъекты в результате сетевого взаимодействия и с использованием различных ресурсов (материальных и нематериальных) создают институциональные условия для стимулирования экономического роста, адаптации к глобальным вызовам,

---

[135] Орлова М. Е. Опыт экономической модернизации Ирландии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 3-4(58-59). С. 75–86.

[136] Global Irish Hub – Support for Irish Diaspora // An official Website of the Government of Ireland : [website]. – URL: https://www.ireland.ie/en/irish-diaspora/ (accessed 13th March 2025).; Creative Ireland Programme // Creative Ireland : [website]. URL: https://www.creativeireland.gov.ie/en/about/ (accessed 13th March 2025).

[137] Vision 2030 Overview // Saudi Vision 2030 : Official Portal : [website]. URL: https://www.vision2030.gov.sa/en/overview (accessed 27th March 2025).

[138] Бурова А. Н. Человеческий и социальный капитал как фактор экономического роста Саудовской Аравии // Экономика и управление. 2024. Т. 30, № 11. С. 1334–1343.

устойчивого использования ресурсов, улучшения качества жизни и повышения благосостояния населения, достижения общественного блага.

В более узком, территориальном аспекте политика развития территорий представляет собой целенаправленную деятельность государственных и негосударственных акторов, направленную на улучшение социально-экономического, культурного и экологического состояния конкретной территории (регион, муниципальное образование, город, село). Ее отличительной чертой является многосубъектность. Ключевыми субъектами выступают государство (федеральные органы государственной власти, региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления), бизнес-структуры, научно-образовательные организации, экспертные сообщества, некоммерческие организации, лидеры мнений, активные граждане. Каждый из перечисленных субъектов политики развития территорий обладает своими уникальным набором ресурсов, характеристиками и мотивацией.

Ресурсы политики развития территорий подразделяются на материальные (финансовые, природные, инфраструктурные) и нематериальные (лидерство, идентичность, человеческий потенциал, социальный капитал, культурное наследие, уровень социальной солидарности общества, уровень доверия органам власти). Каждый из них играет важную роль в реализации данной политики. Эффективное использование этих ресурсов требует комплексного подхода, учета специфики территории и координации действий всех субъектов. Результатами политики развития территорий выступают наблюдаемые изменения по итогам реализации программ, стратегий и проектов по развитию конкретных территорий и могут выражаться в количественных и качественных показателях. Оценка результатов зависит от целей, методов реализации и от контекста проблем.

В контексте настоящего диссертационного исследования важное значение имеет вывод о том, что эволюция системы субъектов и механизмов политики развития ведет к формированию сложных гетерогенных сетей. Эффективность политики развития все в большей степени определяется не иерархическим управлением, а качеством сетевых взаимодействий и наличием сетевых ресурсов. Это обосновывает обращение к категории «сетевые ресурсы», что особенно значимо для сельских территорий, характеризующихся периферийностью, ограниченностью материальных ресурсов и высокой ролью локальных сообществ.

1.2 Сельские территории и сельское развитие в фокусе социально-политических исследований

В последние годы наблюдается рост исследовательского интереса к сельским территориям, выходящий за рамки экономических и аграрных аспектов. В фокусе социально-политических наук проблематика сельского развития выходит на первый план, что обусловлено комплексом глобальных вызовов, с которыми сталкиваются современные государства. Пандемия COVID-19, ухудшение экологической обстановки, обеспечение продовольственной безопасности, сохранение собственного суверенитета и укрепление национальной идентичности актуализируют поиск эффективных моделей управления сельскими территориями. В научном дискурсе произошла трансформация исследовательских подходов: от рассмотрения села как периферийной, статичной и депрессивной территории к пониманию его как динамичного, гетерогенного и многофункционального пространства, жизнеспособность которого в значительной степени определяется качеством и плотностью сетевых связей между различными акторами. Данный параграф прослеживает эволюцию теоретических подходов к развитию сельских

территорий, выявляя методологические основания для анализа сетевых ресурсов как ключевого фактора их устойчивого развития.

На сегодняшний день в научной литературе и нормативно-правовых актах отсутствует единое понятие «село» и «сельские территории». В Большой российской энциклопедии село понимается как основной традиционный тип крестьянских населенных пунктов[139]. В собирательном смысле село можно определить как подсистему общества, связанную с сельским хозяйством и противопоставляемую собирательному городу[140].

Значительный вклад в понимание села как целостной социальной системы внесли советские социологи Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина. Они одними из первых применили системный подход к исследованию сельских поселений, рассматривая их как целостную систему взаимосвязанных элементов (экономические, политические, социальные, культурные). Разработанная ими типология сельских поселений, основанная на типах экономической специализации, уровне связи с городом, уровне социальной дифференциации и типах социальной организации, не утратила своей эвристической ценности и сегодня, указывая на внутреннее разнообразие сельского пространства[141].

В международных исследованиях в основном используется термин «rural area» (сельская местность). В современном понимании сельская местность – это не просто территория, а пространство, формируемое культурными и экономическими практиками; это внегородское пространство, имеющее постоянное население. В большинстве стран мира основные

[139] Село // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: https://bigenc.ru/c/selo-3bfed4 (дата обращения: 02.04.2025).

[140] Заславская Т. И., Ладенков В. Н., Антонова Т. П. и др. Методологические проблемы системного изучения деревни / Отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина ; АН СССР, Сибирское отделение, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. Новосибирск : Наука, 1977. 271 с.

[141] Заславская Т. И., Рывкина Р. В., Горяченко Е. Е. и др. Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина ; АН СССР, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. 344 с.

критерии разделения сельских и городских территорий – численность населения, плотность расселения и характер занятости[142].

Для целей настоящего исследования ключевым является понятие «сельские территории», которое представляет собой более сложную систему, включающую сельские населенные пункты, природный ландшафт, инфраструктуру, ресурсный ареал существования и жизнедеятельности сельского сообщества. Именно сельские территории выступают атрибутом и объектом политики сельского развития, имеющей четкие временные и пространственные границы.

В современных условиях происходит усложнение характеристик села. Как представлено в таблице 1, наряду с традиционными характеристиками появляются новые и гибридные характеристики села. Гибридизация свидетельствует о трансформации сельских территорий в многофункциональные пространства, где аграрная функция дополняется рекреационной, культурной, экологической функциями. Данная трансформация требует отражения в системе публичного управления, смещая фокус с поддержки исключительно сельского хозяйства на комплексное развитие сельских территорий как целостного социально-политического организма.

Таблица 1 – Характеристики села в современных социально-политических исследованиях[143]

Традиционные характеристики села	**Новые характеристики села**	**Гибридные характеристики села**
Аграрная экономика Низкая плотность населения Слаборазвитая инфраструктура Преобладание сельскохозяйственного	Диверсификация экономики Цифровизация и доступ к информационным технологиям Инновации в сельском	Многофункциональная экономика Экологические практики Соединение народных традиций с элементами современной культуры Интеграция городских

[142] OECD Regional Outlook 2023: The Longstanding Geography of Inequalities. Paris : OECD Publishing, 2023. 247 p.

[143] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 1

Традиционные характеристики села	**Новые характеристики села**	**Гибридные характеристики села**
уклада Тесные родственные и соседские связи Пространственная близость и компактность Устойчивость к изменениям	хозяйстве Миграция из города в село Отток молодежи Социальное и имущественное расслоение Появление новых форм хозяйствования Изменение социальной структуры	элементов Сохранение природных ландшафтов при развитии туризма Традиционные виды деятельности с использованием новых технологий Сочетание сельскохозяйственных и несельскохозяйственных занятий

Анализ зарубежной научной литературы позволяет проследить эволюцию теоретических подходов к сельскому развитию (экзогенный, эндогенный и неоэндогенный подходы), которая представляет собой закономерное движение от жестких иерархических моделей к гибким сетевым.

Экзогенный подход к развитию сельских территорий преобладал в зарубежном научном дискурсе вплоть до начала 1990-х годов. Он предполагает, что источник развития находится вне сельских территорий. Развитие здесь понимается как результат внешних воздействий: государственные субсидии, крупные инфраструктурные проекты, внешние инвестиции. Данный подход ориентирован на модернизацию сельского хозяйства, повышение его конкурентоспособности за счет технологий и их масштабирования, однако здесь игнорируются особенности сельской территории, ее социальная структура и культура, что, в свою очередь, снижает устойчивость ее развития.[144]

На смену экзогенному подходу к развитию сельских территорий пришел эндогенный, который смешает фокус внимания с

[144] Van der Ploeg J. D., Renting H., Brunori G. et al. Rural Development… 2000.

сельскохозяйственной отрасли в сторону сельской территории и на использование имеющихся у нее потенциала и ресурсов. Развитие рассматривается как процесс, который инициируется и поддерживается изнутри. Ключевыми элементами выступают социальный и человеческий капитал, местные знания, традиции, малый бизнес. Этот подход способствует не только экономическому, но и социальному возрождению сельских территорий[145], однако его ограничением часто становится изоляция от внешних ресурсов.

В настоящее время наиболее влиятельным является неоэндогенный подход к сельскому развитию. В отличие от эндогенного (ориентация на внутренние ресурсы) и экзогенного (ориентация на внешние факторы), неоэндогенный подход сочетает в себе внутренние ресурсы и инициативы с внешними связями, технологиями и инвестициями, а также опирается на сотрудничество между местными сообществами и внешними акторами. Развитие с точки зрения данного подхода не является изолированным или автономным, а строится на взаимодействии. Центральным элементом в данном подходе выступает социально сконструированное видение сельского развития, при котором само сообщество формулирует цели, приоритеты и стратегии развития. Это достигается через укрепление социальных связей и доверия, создание сетей сотрудничества[146]. Именно в рамках этого подхода сетевые ресурсы становятся объектом целенаправленного формирования и управления.

Таблица 2 – Сравнительный анализ подходов к развитию сельских территорий[147]

Критерий	**Экзогенный подход**	**Эндогенный подход**	**Неоэндогенный подход**
Особенности	Развитие основывается	Развитие	Сочетает элементы

[145] Chatzichristos G., Nagopoulos N., Poulimas M. Neo-Endogenous Rural Development: A Path Toward Reviving Rural Europe // Rural Sociology. 2021. Vol. 86, No. 4. P. 911–937.

[146] Bosworth G., Price L., Hakulinen V., Marango S. Rural Social Innovation and Neo-endogenous Rural Development // Neoendogenous Development in European Rural Areas. Results and Lessons / ed. by E. Cejudo, F. Navarro. Cham : Springer, 2020. P. 21–30.

[147] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования

Продолжение таблицы 2

Критерий	**Экзогенный подход**	**Эндогенный подход**	**Неоэндогенный подход**
	на внешних факторах (государственная поддержка, инвестиции, технологии)	инициируется внутренними факторами (местные ресурсы, традиции, культура)	экзогенного и эндогенного подходов, акцентируя внимание на местных особенностях
Основной субъект	Государство, крупный бизнес	Местные сообщества, местные жители	Сеть акторов (государство, бизнес, НКО, местные сообщества, местные жители
Роль государства	Активный проводник внешних инвестиций и технологий	Поддержка внешних инициатив и ресурсного обеспечения	Создание политики, направленной на сочетание локальных и внешних ресурсов
Механизм управления	Централизованное	Децентрализованное, местное самоуправление	Гибридное с участием внешних акторов
Ключевые ресурсы	Материальные и финансовые	Нематериальные	Сетевые
Основные проблемы развития	Низкая производительность	Ограниченные возможности сельских территорий	Неоднородность сельских территорий
Примеры	Государственная поддержка сельскохозяйственных производителей Сдача в аренду сельскохозяйственных земель иностранным инвесторам	Локальные ассоциации развития (Испания) Деревни с этнокультурным туризмом (Китай)	Taobao Villages (Китай) Программа LEADER+ (ЕС)

Таким образом, эволюция теоретических подходов (таблица 2) демонстрирует переход от управления (government) к со-управлению (governance), где успех политики сельского развития напрямую зависит от способности акторов выстраивать устойчивые, доверительные и эффективные сетевые связи. Неоэндогенный подход, являясь теоретическим фундаментом данного исследования, позволяет анализировать политику развития сельских территорий через призму управления сетевыми ресурсами.

Поструктуралистское направление сельских исследований предполагает новые способы понимания и анализа сельской жизни, ее

культуры, экономики и социальной структуры. Через призму постструктурализма исследуется то, как сельские сообщества конструируют свои уникальные нарративы и практики, как взаимодействуют с внешним миром. Ключевым исследователем в данном направлении является М. Вудс, который внес важный вклад в переосмысление понятия «сельское» в условиях глобализации, урбанизации и экономических изменений. Согласно его концепции, сельские территории больше не изолированы от городов, а, напротив, интегрированы в глобальные сети благодаря развитию технологий, торговли и миграции, что ведет к размыванию границ между городскими и сельскими территориями. В современных реалиях представления о сельских территориях как о периферии утрачивают свою актуальность – это сложные и динамичные пространства, которые сохраняют свои уникальные особенности и требуют поиска принципиально новых подходов к своему развитию[148].

Разработанная М. Вудсом концепция «сельскости» (rurality) предлагает качественно новый подход к исследованию сельских территорий через призму неоэндогенного и сетевого подходов[149]. Местные органы играют ключевую роль в представлении интересов сельских сообществ:

– координируют взаимодействие между различными акторами;

– разрабатывают стратегии развития сельских территорий с учетом их особенностей;

– адаптируют мировые тренды к местным условиям[150].

Вместе с тем rurality активно проявляется и через формирование сельской идентичности путем ассоциации сельских жителей с определенными ценностями и практиками: близость к природе, традиции, культурное наследие, уклад жизни, отличный от городского. В то же время немаловажную роль играют социальные процессы в сельских территориях,

[148] Woods M. Rural. New York: Routledge, 2011, 352 p.
[149] Woods M. New directions in… 2012.
[150] Woods M. Advocating Rurality?... 1998.

тесно связанные с демографическими изменениями: старение населения, отток молодежи в города, приток новых жителей из городов[151]. М. Вудс подчеркивает, что rurality – это не статичный концепт, а процесс, который формируется через взаимодействие сельских жителей с различными акторами. Понимание этих процессов важно при разработке эффективных стратегий развития сельских территорий. Таким образом, теория М. Вудса обеспечивает теоретическое обоснование исследования сельских территорий как узлов в сложных сетевых структурах.

Конкретными механизмами реализации сетевого потенциала выступают гибридные институты и социальные предприятия. Поскольку постструктурализм отвергает идею бинарных оппозиций (город – село, природа – культура, традиции – модерн и др.) в пользу понимания сельского как динамичного и гетерогенного пространства, С. Н. Полбицын выдвигает идею о формировании концепции гибридных институтов развития сельских территорий. Такие институты, по его мнению, способны решать проблемы социально-эконмического развития сельских территорий, предлагая альтернативные механизмы помимо рыночных и государственных[152]. Гибридные институты развития сельских территорий сочетают в себе элементы государственно-частного партнерства, где государство обеспечивает необходимыми финансовыми ресурсами и формирует инфраструктуру, бизнес и предпринимательские сообщества делятся своим опытом и знанием развития сельского хозяйства, а некоммерческие организации развивают социальную и культурную деятельность на селе.

По мнению Л. Олмедо и М. О'Шонесси, социальные предприятия через взаимодействие с различными стейкхолдерами способствуют более устойчивому развитию сельских территорий, поскольку они выступают связующим звеном между местными сообществами и внешними акторами

[151] Там же.

[152] Полбицын С. Н. Гибридные институты развития сельских территорий // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10, № 3. С. 437–452.

(органы государственной власти, бизнес, некоммерческие организации). Они способствуют экономическому росту, социальной интеграции и экологической устойчивости в сельских территориях (создание новых рабочих мест, развитие локальных производств, сохранение культурного наследия и др.).[153]

В этой связи сельское предпринимательство выступает значимым институтом развития сельских территорий, поскольку способствует повышению качества жизни населения, созданию рабочих мест, повышению устойчивого развития сельских территорий, обеспечению продовольственной безопасности государства[154]. Несмотря на то что сельское предпринимательство обладает определенным потенциалом в развитии сельских территорий, в действительности оно сталкивается с широким перечнем проблем: недостаточное финансирование и доступ к кредитам, низкий уровень предпринимательской культуры и образования, отсутствие современной инфраструктуры, конкуренция с крупными агрохолдингами[155]. Важно подчеркнуть, что сельское предпринимательство зависит не только от материальных ресурсов, но и от сформированности в сельских территориях нематериальных ресурсов, в особенности лидерства, человеческого потенциала, сельской идентичности.

Социальные инновации, все чаще рассматриваются как эффективный механизм ответа на современные вызовы (отток и старение населения, рост безработицы и др.), с которыми сталкиваются сельские территории. Как отмечает Б. Б. Бок, социальные инновации возникают как реакция на локальные проблемы, когда традиционные модели развития уже не работают или недоступны для удаленных и изолированных сельских районов. В

[153] Olmedo L., O'Shaughnessy M. Community-Based Social Enterprises as Actors for Neoendogenous Rural Development: A Multi-Stakeholder Approach // Rural Sociology. 2022. Vol. 87, No.4. P. 1191–1218.

[154] Мамонкина Е. В., Исоков А. А., Терентьев К. С., Алямкин Д. В. Разработка модели сельского предпринимательства в аграрном секторе экономики с учетом комплексного развития сельских территорий // Вестник НГИЭИ. 2024. № 11(162). С. 107–116.

[155] Полбицын С. Н. Роль предпринимательства в устойчивом развитии сельских территорий России // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 2. С. 619–631.

отличие от государственных программ, социальные инновации формируются внутри сообщества благодаря инициативам активных граждан, некоммерческим организациям, сельскому бизнесу, что в свою очередь позволяет адаптировать их под конкретные проблемы [156]. Одним из ключевых эффектов от социальных инноваций является восстановление разорванных связей: между поколениями, между городом и селом, между сельскими жителями и внешними акторами, что делает сельские территории более открытыми, динамичными и социально устойчивыми. Кроме того, социальные инновации способствуют укреплению социального капитала способствуя росту доверия, чувства общности и коллективной ответственности за развитие территории, благодаря которому жители начинают видеть перспективы развития своего села[157].

Гражданское общество в сельских территориях, как указывает И.В. Копотева, находится на стадии формирования, однако его структура усложняется. Некоммерческие организации, действующие на селе, делятся на две группы: организации, которые оказывают политическое влияние, отстаивают интересы сельского населения (Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России, и организации, которые повышают благосостояние жителей и улучшают качество жизни в сельских поселениях, вовлекая граждан в решение проблем своего поселения (различные клубы по интересам, сельские сообщества)[158].

В фокусе внимания исследователей сельских территорий находятся местные сообщества, а также их деятельность по развитию территорий, которая влияет на формирование сельского пространства: идентичность, социальная структура, восприятие жителями сельской местности. По мнению К. Кумпулайнен и К. Сойни, деятельность местных сообществ по развитию сельских территорий – это не просто инструмент экономического или

[156] Bock B. B. Rural Marginalisation… 2016.

[157] Там же.

[158] Копотева И. В. Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 166.

инфраструктурного улучшения села, а процесс его пересоздания и переосмысления, который поможет сделать сельские территории более жизнеспособными и устойчивыми[159]. Благодаря активному участию местных жителей в проектах развития сельских территорий сохраняются традиции и культурное наследие, улучшается качество жизни на селе, появляется интерес у молодежи остаться на селе или вернуться, снижается чувство «оторванности» сельских районов от региональных центров.

С. В. Стоуструп рассматривает процесс сельского развития через призму социальных инноваций, которые формируются через призму сообщества ценностей (communities of values) – группы людей, объединенных общими взглядами, убеждениями и стремлением к изменению своей территории. Устойчивость сельских территорий напрямую зависит от наличия в сообществах трех ключевых элементов: общих ценностей, чувства принадлежности к месту, активного гражданского участия.[160] Важно, что сельские сообщества часто имеют сетевой и проектный характер, мобилизуясь вокруг решения конкретной проблемы, а затем распадаясь или трансформируясь. Государственная политика, направленная на развитие сельских территорий, все чаще пытается работать с этими новыми сетевыми акторами, хотя зачастую сталкивается с непониманием их логики и механизмов функционирования.

Цифровизация сельских территорий, которая перестала быть лишь вопросом технологической модернизации, превратилась в ключевой социально-политический фактор, трансформирующий способы коммуникации, координации и мобилизации. Так, группой европейских исследователей выявлены драйверы, барьеры и положительные эффекты

[159] Kumpulainen K., Soini K. How Do Community Development Activities Affect the Construction of Rural Places? A Case Study from Finland // Sociologia Ruralis. 2019. Vol. 59, No. 2. P. 238–252.

[160] Stoustrup S. W. Rural Development as the Propagation of Regional ‘Communities of Values’: A Case Study of Local Discourses Promoting Social Innovation and Social Sustainability // Sociologia Ruralis. 2024. Vol. 65, Is. 1.

цифровизации сельских территорий в Европейском Союзе[161], представленные на рисунке 3. Цифровизация представляет собой актуальный, но неравномерно развивающийся процесс, который требует системного подхода, финансирования и учета специфики конкретной сельской территории.

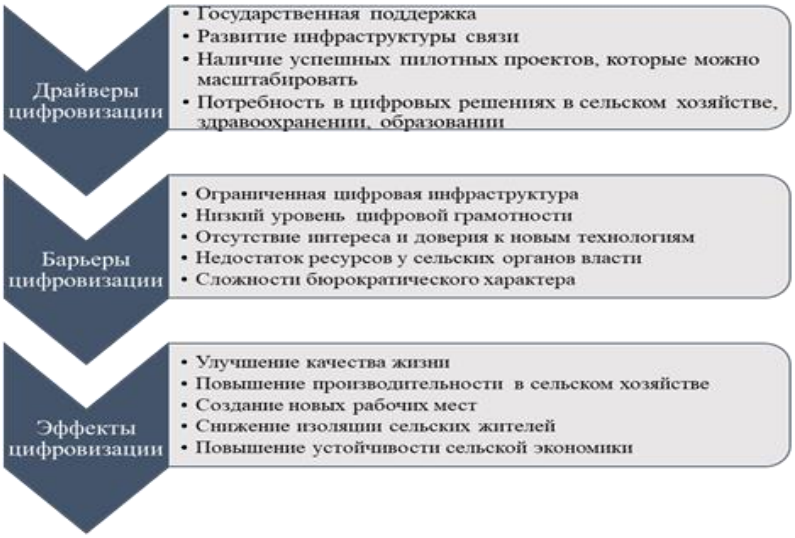

Рисунок 3 – Драйверы, барьеры и эффекты цифровизации сельских территорий в Европейском Союзе[162]

В Российской Федерации цифровизация сельских территорий также является актуальным направлением исследований. Н. В. Мурашова, Е. Г. Коваленко предлагают концепцию цифровой трансформации сельских территорий, основанную на сочетании социально-инновационной среды (доступность услуг населению) и индустриально-инновационной среды (технологическая модернизация сельского хозяйства). Согласно этой модели цифровизация сельских территорий должна происходить комплексно, что позволит модернизировать сельское производство и повысить качество жизни сельского населения за счет доступа к государственным и социальным

[161] Ferrari, A., Bacco, M., Gaber, K. et al. Drivers, Barriers and Impacts of Digitalisation in Rural Areas from the Viewpoint of Experts // Journal of Rural Studies. 2021. Vol. 85. P. 79–90.

[162] Источник: составлено автором на основе Ferrari, A., Bacco, M., Gaber, K. et al. Drivers, Barriers and Impacts… 2022.

услугам онлайн (рисунок 2)[163]. Авторы выделяют барьеры цифровой трансформации сельских территорий в Российской Федерации:

– отсутствие единых стандартов предоставления услуг в цифровом формате;

– фрагментированное использование цифровых технологий в сельском хозяйстве;

– низкий уровень цифровой грамотности населения;

– дефицит цифровой инфраструктуры в удаленных сельских районах[164].

Рисунок 4 – Модель цифровой трансформации Н.В. Мурашовой и Е.Г. Коваленко[165]

Шведские исследователи А.С. Лундгрен и А. Йоханссон[166] вводят в научный дискурс понятие «цифровая сельскость» (digital rurality), позволяющее понять, как сельская местность и сельский образ жизни репрезентируются в цифровом пространстве через онлайн-активность и цифровые практики. Они выделяют три основных дискурса цифровой сельскости: дискурс мобилизации действий, дискурс репрезентации и

[163] Мурашова Н. В., Коваленко Е. Г. Концепция цифровой трансформации… 2022.
[164] Там же.
[165] Источник: Мурашова Н. В., Коваленко Е. Г. Концепция цифровой трансформации… 2022.
[166] Lundgren A. S., Johansson A. Digital Rurality: Producing the Countryside in Online Struggles for Rural Survival // Journal of Rural Studies. 2017. Vol. 51. 73–82.

дискурс фрустрации. Через эти дискурсы в цифровом пространстве создаются два противоположных образа сельской местности: как умирающей и как живой. Использование сельскими сообществами и жителями социальных сетей и цифровых технологий становится важным инструментом в борьбе за выживание сельской местности: привлечение внимания к проблемам сельской местности, создание новых форм экономики (развитие агротуризма, продвижение и продажа сельских продуктов и др.), формирование новой сельской идентичности через сохранение традиций и адаптацию к новым условиям[167].

В этой связи возрастает роль видеохостингов и социальных сетей в развитии сельских территорий. По мнению Э. А. Калафатова, сельские блогеры создают контент, который способствует популяризации сельского образа жизни, сохранению культурного наследия и традиций, путем рекламы продуктов местного производства поддерживают сельский бизнес. Видеохостинги (RuTube, VKвидео) и социальные сети (VK, Одноклассники) позволяют сельским жителям устанавливать связи с другими людьми и внешним миром, что способствует преодолению социальной изоляции, особенно в отдаленных сельских районах.[168]

В зарубежном научном дискурсе в последние годы набирает популярность концепция умных деревень (smart village), которая рассматривается как альтернатива концепции устойчивого развития. Единого определения «умной деревни» не существует, поскольку оно зависит от конкретных условий, культурных особенностей, географического положения и вызовов, с которыми сталкиваются конкретные сельские сообщества. Основная идея концепции умной деревни заключается в том, чтобы

[167] Там же.

[168] Калафатов Э. А. Влияние видеохостингов на социальное развитие населения села // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Курск, 06 февраля 2025 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 243–245.

использовать современные технологии, знания и инновации для повышения качества жизни в сельских территориях.[169]

Основные компоненты умной деревни составляют:

– цифровая инфраструктура (высокоскоростной Интернет, доступ к цифровым сервисам в сельской местности);

– образование и цифровая грамотность (повышение уровня образования, развитие дистанционных форм обучения, развитие цифровых навыков);

– экономическое развитие (создание новых форм занятости, поддержка малого бизнеса, развитие цифрового сельского предпринимательства, внедрение «умного» сельского хозяйства);

– социальная интеграция (укрепление местного сообщества, развитие сетевого взаимодействия, привлечение молодежи и высококвалифицированных специалистов в сельскую местность, развитие культуры и туризма через цифровые платформы);

– экологическая устойчивость (использование возобновляемых источников энергии, развитие «зеленых технологий» в сельском хозяйстве)[170].

Отдельного внимания заслуживает опыт китайских ученых по исследованию сельских территорий. Китайские исследователи в последние годы активно изучают вопросы развития сельских территорий, что связано с масштабными социальными, экологическими, экономическими и социальными вызовами, стоящими перед сельскими районами. Многие исследователи отмечают, что для каждых сельских территорий необходимо разрабатывать индивидуальные стратегии развития с учетом комплексной оценки развития территории, которая бы учитывала различные аспекты (экономические, геопространственные, социальные, политико-

[169] Zavratnik V., Kos A., Stojmenova Duh E. Smart Villages: Comprehensive Review of Initiatives and Practices // Sustainability. 2018. Vol. 10, Is. 7. Art. 2559.

[170] Stojanova S., Lentini G., Niederer P. et al. Smart Villages Policies: Past, Present and Future // Sustainability. 2021. Vol.13. Art. 1663.

управленческие, культурные и др.). А. Цзя, Х. Юнь, Х. Чжэн и др. предлагают комплексную систему оценки жизнеспособности традиционных деревень, включающую культурные, природные, экономические, социальные и экологические факторы. Данная методика позволяет выявить наиболее уязвимые сельские территории, определить приоритеты сельского развития, проанализировать пространственные закономерности, разработать сбалансированные стратегии сохранения и развития сельских территорий[171]. Дж. Ван, Ю. Ван и Г. Линь, обосновывая необходимость дифференцированной политики развития сельских территорий, предлагают систему индексов устойчивости сельских территорий, в основу которой легли промышленные, инфраструктурные, природно-климатические, социально-экономические и геопространственные данные[172]. Данная система позволяет разрабатывать точеные меры поддержки для отдельных сельских территорий и повышать эффективность политики возрождения села.

Развитие сельских территорий все в меньшей степени определяется исключительно материальными ресурсами и в большей степени – нематериальными. Представителями кубанской научной школы «Публичная политика и государственное управление» под руководством И.В. Мирошниченко предложена концепция пирамиды нематериальных ресурсов, которая предполагает системный взгляд на эту проблему. В структуру пирамиды нематериальных ресурсов включены ресурсы первого порядка (лидерство, локальная идентичность, человеческий потенциал), ресурсы второго порядка (институты развития, социальный капитал) и ресурсы третьего порядка (социально-психологические ресурсы)[173]. Важно

[171] Jia A., Yun X., Zheng X. et al. Towards Sustainable Rural Revitalization: A Multidimensional Evaluation of Rural Vitality in China's Traditional Villages // Sustainability. 2024. No. 16. Art. 5408.

[172] Wang J., Wang Y., Lin G. Study on Rural Classification and Resilience Evaluation Based on PSR Model: A Case Study of Lvshunkou District, Dalian City, China // Sustainability. 2024. Vol. 16, Is. 15. Art. 6708.

[173] Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Русия Н. Т., Шпиро Л. А. Комплекс нематериальных ресурсов в политике развития сельских территорий (на материалах Краснодарского края) // Передовые исследования Кубани : Сборник материалов Ежегодной отчетной конференции грантодержателей Кубанского научного фонда, Сочи, 29–31 мая 2024 года. Краснодар: Кубанский научный фонд, 2024. С. 213–216.

отметить, что если в конкретной территории не сформированы ресурсы первого порядка, то и остальные группы ресурсов будут отсутствовать (рисунок 5).

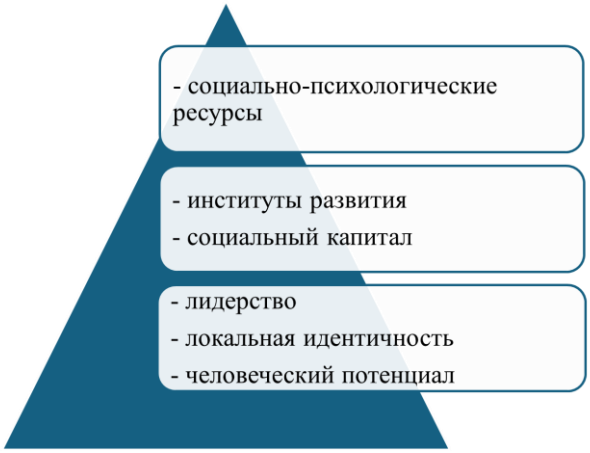

Рисунок 5 – Пирамида нематериальных ресурсов развития сельских территорий[174]

На основе эмпирического исследования в сельских территориях Краснодарского края были выявлены и охарактеризованы модели политики развития сельских территорий, которые наглядно демонстрируют, как наличие или отсутствие нематериальных ресурсов определяет способность территории к формированию эффективных сетевых структур:

– модель ответственного развития (ориентирована на участие сельского сообщества и его ответственность за развитие территории);

– модель фрагментарного развития (не имеет системного подхода к развитию, характеризуется случайными или частичными мерами поддержки);

– дистантная модель развития (характеризуется отстраненностью и разобщенностью локальных акторов в развитии);

– стагнирующая модель развития (характеризуется отсутствием развития, застоем, потерей населения и ресурсов)[175].

[174] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.
[175] Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Русия Н. Т. Нематериальные ресурсы… 2025.

В этой связи Т. Гандруп обосновывает роль социального капитала в развитии сельских территорий как ключевого нематериального ресурса. Социальный капитал может быть использован как ресурс для сельского социально-экономического развития. В сельских районах часто наблюдается высокий уровень социального капитала, поскольку высокий уровень доверия, взаимопомощи и готовности к совместным действиям. Именно социальный капитал позволяет запускать и поддерживать проекты развития сельских территорий, направленные на решение важных проблем[176].

Сельская идентичность и проблемы ее формирования также находятся в фокусе внимания социально-политических исследований сельских территорий. Исследования сельской идентичности являются перспективными не только с теоретической точки зрения, но и практической, так как она является значимым нематериальным ресурсом развития и без понимания ее сущности невозможно осуществлять стратегическое планирование развития территорий. Важными маркерами сельской идентичности выступают место жительства, локальная мифология, особенности природного ландшафта и климата, экономическая специализация и уровень социально-экономического развития территории. Следует отметить, что в политику формирования сельской идентичности вовлечено множество субъектов: органы власти, сельский бизнес, СМИ, культурно-просветительские сети (школы, библиотеки, музеи и др.), сельские блогеры[177].

Молодежь как особая социально-демографическая группа занимает важное место в социально-политических исследованиях. Молодежь является будущим государства, выступает движущей силой в развитии государства, способна генерировать инновационные идеи для решения сложных проблем, создавать позитивные изменения. Особое место уделяется сельской

[176] Gandrup T. Can Social Capital Be Exchanged for Rural Development? Potentials and Limits Explored Through the Case of Citizen-Initiated Rural Grocery Stores in Denmark // Sociologia Ruralis. 2025. Vol. 65, Is. 2. Art. e70000. P. 45.

[177] Морозова Е. В. Сельская идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Москва : ООО «Издательство “Весь Мир”», 2023. С. 350–358.

молодежи. Вовлечение молодежи в социально-экономическое развитие сельских территорий и повышение привлекательности сельского образа жизни является одним из направлений реализации государственной молодежной политики[178]. Все вышесказанное актуализирует проблематику исследования сельской молодежи.

Еще одним значимым направлением сельских исследований являются социально-демографические аспекты развития сельских территорий. В Российской Федерации сельские территории развиваются неравномерно. Наиболее развитые сельские районы либо расположены рядом с городами, либо обладают туристической привлекательностью. Исследователями выделяется ряд тенденций в динамике населения сельских территорий: снижение численности населения, отток молодежи в города, снижение рождаемости, старение населения и увеличение доли нетрудоспособного населения, рост безработицы, острый дефицит квалифицированных кадров[179]. Решение указанных выше проблем возможно путем переориентации государственных программ с материальных ресурсов на человеческий капитал, учета географических, социальных и культурных особенностей сельских территорий, развития качества жизни и устойчивости сельских жителей, опоры на цифровизацию, социальные инновации и нематериальные ресурсы в развитии сельских территорий[180].

Важный вклад в понимание специфики сельских сетевых сообществ внесла О. В. Нечипоренко, изучающая роль социальных сетей и неформальных практик в адаптации сельского населения к институциональным изменениям. Анализ адаптационных стратегий сельских локальных сообществ в постсоветский период демонстрирует, что сетевые

[178] Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ // Консультант Плюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 12.04.2025).

[179] Ракачев В. Н. Сельские территории Краснодарского края… 2023; Зубова, О. Г. Население сельских территорий: состояние и тенденции демографического развития / О. Г. Зубова // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4(45). С. 115–121.

[180] Ракачев В. Н. Сельские территории Краснодарского края… 2023.

структуры выступают не просто формой коммуникации, а базовым механизмом выживания и социального воспроизводства в условиях институциональной неопределенности и сокращения государственной поддержки. Сельские сообщества, аккумулируя социальный капитал, выполняют функцию «амортизатора», снижая риски обнищания и компенсируя несостоятельность формальных институтов рынка и государства.[181]

Как обоснованно отмечает И. С. Семененко, расширение поля сельских исследований необходимо, поскольку сельские сообщества не только обладают социально-экономическим потенциалом, но и являются хранителями культурного и природного ландшафта, которые вместе с сельскими реалиями выступают значимыми маркерами национальной идентичности[182]. Расширение сельских исследований может способствовать рассмотрению проблем не только с экономической точки зрения, но также под углом политического, управленческого и ценностного измерений.

Подводя итог анализа социально-политических исследований сельских территорий, можно сделать вывод, что сельские территории – это территории, включающие сельские населенные пункты и прилегающие к ним территории, имеющие свою специфику образа жизни, экономики и культуры. Сельские территории становятся динамичным пространством для политической жизни, социальных инноваций, гражданской активности, формирования идентичности. В научном дискурсе и политической повестке существует потребность в научном осмыслении развития сельских территорий, поскольку они играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности, сохранении природных ресурсов и экологического равновесия, культурного и исторического наследия современных государств. Сельские территории больше не рассматриваются

[181] Нечипоренко О. В. Сельские сообщества… 2010.

[182] Семененко И. С. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 15.

как периферии, а напротив, становятся объектом исследования как сложные системы со своими уникальными особенностями. Сельские территории сегодня находятся на перепутье. С одной стороны, они сталкиваются с серьезными вызовами: отток и старение населения, дефицит материальных ресурсов, с другой – получают новые возможности для своего развития благодаря цифровизации и актуализации нематериальных ресурсов. В то же время развитие сельских территорий необходимо признать многоуровневым, многоакторным и многогранным процессом, укорененным в традициях.

Теоретическая эволюция – от экзогенного через эндогенный к неоэндогенному подходу – отражает переход от линейных иерархических моделей управления к сетевым моделям со-управления. Современные социально-политические исследования сельских территорий фиксируют растущую роль нематериальных ресурсов по сравнению с материальными. Однако наряду с новыми возможностями сохраняются системные проблемы: социально-демографический кризис, дефицит инфраструктуры, слабость институтов гражданского общества и фрагментированность государственной политики. Ключевым выводом для настоящего диссертационного исследования является то, что все обозначенные проблемы и перспективы развития сельских территорий сходятся в точке эффективных сетевых взаимодействий. Способность акторов выстраивать устойчивые, доверительные и результативные сетевые связи выступает тем интегрирующим фактором, который определяет успешность применения неоэндогенного подхода и конвертации нематериальных ресурсов в реальное развитие. Таким образом, сетевые ресурсы оказывают влияние на формирование современной политики развития сельских территорий, что обосновывает необходимость их дальнейшего теоретического осмысления и эмпирического анализа.

1.3 Сетевые ресурсы политики развития сельских территорий: понятие и структура

Современные процессы развития сельских территорий происходят в условиях усиления роли сетевых взаимодействий, цифровизации государственного управления и роста значимости горизонтальных связей между субъектами развития. В этих условиях традиционные вертикальные механизмы реализации государственной политики все чаще дополняются или замещаются сетевыми формами координации, основанными на сотрудничестве, обмене ресурсами и совместном принятии решений. В свою очередь, это обуславливает необходимость теоретического осмысления феномена сетевых ресурсов как ключевого элемента политики развития сельских территорий.

Понятие «ресурсы» является одним из ключевых в политической науке, однако его содержание претерпело существенную трансформацию, отражая смену парадигм, методологических подходов и вызовов современности. В классической политической науке ресурсы понимались в основном как материальные и административные активы, обеспечивающие функционирование государственных институтов и реализацию политических решений[183]. К материальным ресурсам относились финансовые средства, земля, инфраструктура, природные богатства, к административным – бюрократический аппарат, правовые полномочия, механизмы принуждения и контроля.

Со второй половины XX в. в рамках структурно-функционального подхода понятие ресурсов существенно расширяется. Понятие «ресурсы» трактуется не столько в экономическом или материальном смысле, как средства, необходимые для поддержания и функционирования политической системы. Так, Д. Истон ресурсы политической системы разделяет на

[183] Вебер М. Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. и вступ. ст. А. Ф. Филиппова. Москва : РИПОЛ-классик, 2018. 288 с.

внутренние и внешние. Внешние ресурсы включают материальные блага, используемые для достижения желаемого, поступающие из окружающей среды, а внутренние ресурсы воспроизводятся самой системой. Ресурсы начинают включать нематериальные компоненты: поддержка населения, легитимность власти, доступ к коммуникационным каналам, информация.[184]

Важной составляющей в рассмотрении эволюции понятия «ресурсы» являются взгляды А. Этциони, который выделяет три типа ресурсов, которые взаимосвязаны между собой:

– экономические (утилитарные) ресурсы (деньги, капитал, технологии, сырье, собственность, инфраструктура);

– политические (принудительные) ресурсы (власть, сила, закон, право применять санкции);

– нормативные (символические) ресурсы (ценности, убеждения, нормы, доверие, солидарность)[185].

А. Этциони подчеркивает, что ресурсы не существуют изолированно, а взаимосвязаны и могут конвертироваться в другие в зависимости от контекста[186]. С точки зрения понимания сетевых ресурсов, подход А. Этциони позволяет их рассматривать не как статичный набор активов, а как динамическую систему, в которой взаимосвязь и взаимозаменяемость различных типов ресурсов определяют потенциал сельских территорий к саморазвитию и интеграции в более широкие политические и экономические процессы.

Значительный вклад в понимание природы политических ресурсов внес Р. Даль – основоположник концепции плюралистической демократии. Он трактует ресурсы как средства влияния, которые акторы используют для достижения своих целей в процессе политического взаимодействия[187].

[184] Easton D. The Political System… 1953..
[185] Etzioni A. The Active Society… 1968. P. 8-12.
[186] Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations : On Power, Involvement, and Their Correlates. New York : Free Press, 1975. P. 34-37.
[187] Dahl R. A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2, No. 3, P. 203.

Важной особенностью подхода Р. Даля является акцент на множественности и диффузности ресурсов в демократическом обществе. По его мнению, ни одна социальная группа не обладает монополией на ресурсы власти. Экономические, организационные, символические, информационные и др. ресурсы равномерно распределены между различными акторами, а их эффективность зависит от конкретной политической ситуации, «правил игры», способности акторов мобилизовать их в нужный момент.[188] Подход Р. Даля позволяет рассматривать сетевые ресурсы как инструмент влияния, позволяющий акторам политики развития сельских территорий участвовать в принятии решений, отстаивать свои интересы и реализовывать проекты развития.

С конца XX в. в рамках неоинституционального подхода понимание ресурсов расширяется. В рамках неоинституционализма ресурсы понимаются не как внутренние факторы, а как социально сконструированные и институционально легитимированные формы власти, доверия, знания и координации, возникающие в процессе взаимодействия акторов. Согласно Д. Норту, институты – это «правила игры» в обществе, а ресурсы – это те инструменты и возможности, которые акторы получают в рамках этих правил для реализации своих стратегий[189]. Неоинституциональный подход также акцентирует внимание на знаниях и информации как ключевых ресурсах. Информация, легитимированная через институты, превращается в ресурс легитимности и эффективности политики[190]. Через призму неоинституционализма развитие сельских территорий можно рассматривать не только с точки зрения экономических возможностей, но и через социальную сплоченность, уровень доверия, информированность и участие местных сообществ. Институциональная среда, включая формальные законы

[188] Dahl R. Who governs? Democracy and Power in an American City. New Haven : Yale University Press, 1961. P. 64–67.

[189] North D. C. Institutions, Institutional Change... 1990.

[190] Ostrom E. Understanding institutional diversity… 2005.

и неформальные нормы, создает рамки[191], в которых формируются и циркулируют сетевые ресурсы.

Параллельно с неоинституциональным подходом в политической науке сформировался коммуникативный подход, который акцентирует внимание на процессуальной природе ресурсов, возникающих в ходе диалога, понимания и совместного конструирования смысла. Так, Ю. Хабермас ввел понятие коммуникативного действия как формы социального взаимодействия, ориентированного не на успех, а на достижение взаимопонимания через рациональный дискурс[192]. В этой логике ресурсы политики – это не внешние активы, а продукты коммуникативных процессов: доверие, признание, коллективная идентичность и общая интерпретативная рамка. Именно такие ресурсы помогают акторам преодолевать конфликты интересов и формировать устойчивые кооперативные практики. Применительно к развитию сельских территорий это означает, что ресурсами становятся способности формулировать и продвигать локальные нарративы, участвовать в публичных дискуссиях, формировать территориальную идентичность.

Особое значение для переосмысления ресурсов имеет концепция «возможностей», разработанная А. Сеном в рамках подхода к развитию как расширению свободы. А. Сен предложил оценивать развитие не через обладание ресурсами как таковыми (уровень доходов, накопленные активы), а через реальные возможности людей и сообществ выбирать образ жизни, который они ценят[193]. Применительно к государству и территориальным сообществам фокус внимания смещается на функциональные возможности – способности государства эффективно взаимодействовать с гражданами, обеспечивать публичные блага, адаптироваться к вызовам, а также способности сообществ самоорганизоваться, участвовать в принятии решений и реализовывать проекты развития.

---

[191] Ostrom E. Governing The Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. New York: Cambridge University Press, 2015. 316 p.

[192] Habermas J. The Theory of Communicative Action…1984.

[193] Sen A. K. Development as Freedom… 2001.

На рубеже XX–XXI вв. в условиях глобализации, цифровизации и усложнения социально-политических систем понятие «ресурсы» приобретает сетевой, динамичный и контекстуальный характер. Ресурсы все чаще понимаются как:

– сетевые ресурсы (доступ к узлам влияния, способность формировать и использовать информационные, институциональные и социальные связи);

– цифровые ресурсы (данные, платформы, цифровая грамотность, доступ к Интернету);

– когнитивные и эмоциональные ресурсы (способность формировать нарративы, управлять вниманием, мобилизовать поддержку через эмоции и идентичность).

С возникновением сетевого подхода понимание природы публичного управления претерпело изменения. Сетевой подход поставил под сомнение доминировавшие в XX в. иерархические и бюрократические модели государственного управления. Традиционная модель, основанная на вертикали власти, четком разделении функций и централизованном контроле функций, оказалась неспособной эффективно реагировать на сложность, неопределенность и фрагментацию современных политических проблем – особенно в контексте территориального развития, где интересы множества акторов переплетаются, а ресурсы распределены неравномерно[194].

В сетевом подходе критика иерархических моделей основывается на том, что в условиях многоуровневого управления, децентрализации и роста роли негосударственных акторов (бизнес, некоммерческие организации, гражданские инициативы) государство утрачивает монополию на ресурсы и легитимность[195]. Как отмечает Р. Родс, современное управление все чаще осуществляется через сети, а не через команды: государство управляет не напрямую, а посредством переговоров, компромиссов и координации с

[194] Rhodes R. A. W. Understanding Governance : Policy Networks, Governance, Reflexivity, and Accountability. Buckingham ; Philadelphia : Open University Press, 1997, P. 4-6.

[195] Сморгунов Л. В. Сетевой подход… 2001.

другими центрами власти[196]. В этой связи политическая власть становится реляционной, а не институционально-фиксированной.

Теория политических сетей рассматривает политику как результат взаимодействия устойчивых, но гибких конфигураций акторов, которые обмениваются между собой ресурсами: информацией, влиянием, знаниями, финансами и легитимностью[197]. Сети выступают не только как каналы коммуникации, но, как и институциональная среда, в которой формируются повестки, принимаются решения и реализуются политики, а также новые типы ресурсов: социальный капитал (доверие, солидарность), политический капитал (влияние, репутация), институциональная гибкость. Эти ресурсы не принадлежат отдельным акторам, а являются продуктом сетевого взаимодействия, что делает их особенно значимыми для политики, ориентированной на многоуровневое и многоакторное управление. В этой логике ресурсы понимаются не только как материальные или финансовые активы, но и как информационные, социальные, символические и организационные активы, которые циркулируют в сетях и используются для достижения индивидуальных или коллективных целей в политической сфере[198]. Вместе с тем сетевой подход особенно актуален для сельских территорий, где формальные институты часто слабы, а неформальные связи, локальные элиты и сообщества играют ключевую роль в распределении ресурсов и реализации проектов.

Дальнейшее развитие сетевая теория политики получила в концепции совместного управления (collaborative governance), предложенной К. Анселлом, А. Гашем. Совместное управление предполагает целенаправленное, формализованное сотрудничество между государственными органами, бизнесом и гражданским обществом для решения комплексных общественных проблем, основанное на равноправном

[196] Rhodes R. A. W. Understanding Governance…1997. P. 53.

[197] Bernd M., Renate M. Policy Networks: Empirical Evidence and Theoretical Considerations. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1991. P. 21.

[198] Мирошниченко И. В. Сетевая публичная политика… 2016.

участии, совместной разработке целей и распределении ответственности[199]. Такой подход предполагает горизонтальную координацию, взаимное доверие и обмен ресурсами между участниками, что особенно актуально для развития сельских территорий, поскольку позволяет мобилизовать скрытый потенциал местных сообществ, компенсировать институциональную слабость органов местного самоуправления и оптимизировать использование ограниченных ресурсов.

Эмпирическим подтверждением действенности принципов совместного управления и роли сетевых ресурсов в развитии сельских территорий служит опыт реализации европейской инициативы LEADER+, подробно проанализированной М. Бёхером[200]. Данная программа была специально разработана для поддержки сельских регионов на основе принципов регионального управления, которое, по сути, представляет собой форму сетевого взаимодействия. LEADER+ институционализировала создание локальных групп действий (Local Action Groups – LAGs), в которые на паритетных началах должны были входить представители государства, бизнеса и гражданского общества[201]. В рамках программы создана формализованная сетевая структура, призванная аккумулировать и мобилизовывать разнородные ресурсы участников – от локальных знаний и социального капитала до финансовой поддержки ЕС – для разработки и реализации интегрированных стратегий развития[202].

Тесно связана с концепцией совместного управления концепция совместного производства публичных благ, разработанная Э. Остром[203] и в дальнейшем получившая развитие в работах Т. Боварда. Совместное

---

[199] Ansell C., Gash A. Collaborative Governance… 2008.

[200] Böcher M. Regional Governance and Rural Development in Germany: The Implementation of LEADER+ // Sociologia Ruralis. 2008. Vol. 48, No . 4. P. 372–388.

[201] Петрова М. В. Отечественный и зарубежный опыт развития сельских территорий на основе общественного самоуправления и сельского туризма // Экономические исследования и разработки. 2020. № 7. С. 38–45.

[202] Böcher M. Regional Governance and Rural Development… 2008.

[203] Ostrom E. Crossing The Great Divide: Coproduction, Synergy and Development // World Development. 1996. Vol. 24, No. 6. P. 1073–1087.

производство публичных благ предполагает взаимодействие, при котором граждане и сообщества – это не просто получатели публичных услуг и благ, но и активные сопроизводители этих услуг и благ. При этом ресурсами в этом сопроизводстве являются не только труд и деньги, но и локальные знания, социальная сплоченность и готовность к коллективному действию[204]. В сельском контексте это может проявляться в форме инициативного бюджетирования, совместного управления природными ресурсами, экологических практик и др.

Истоки концептуализации сетевых ресурсов лежат в теории сетевого управления, получившей широкое распространение в 1990–2000-х гг. в работах западных исследователей. Сетевое управление рассматривается как форма координации деятельности множества независимых, но взаимозависимых акторов, объединенных общими целями и ресурсами[205]. В отличие от иерархических моделей, где доминирует централизованное принятие решений, сетевое управление предполагает горизонтальные связи, взаимное доверие, обмен информацией и совместное создание публичных ценностей. Ключевым элементом сетевого управления является наличие «сетевого менеджера», который не обладает формальной властью, но способен облегчать взаимодействие, наращивать доверие и разрешать конфликты.[206]

Однако по мере развития теории стало очевидно, что сама возможность и эффективность сетевого взаимодействия обусловлены наличием определенного ресурсного потенциала, накопленного внутри сетей. Таким образом, возникла необходимость в переходе от описания механизмов взаимодействия к анализу ресурсной базы, которая делает это взаимодействие возможным и продуктивным. Именно здесь формируется понятие сетевых ресурсов как совокупности материальных, нематериальных,

[204] Bovaird T. Beyond Engagement… 2007.

[205] Agranoff R., McGuire M. Collaborative Public Management: New Strategies for Local Governments. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 2003. 232 p.

[206] Там же.

институциональных и социальных активов, мобилизуемых и трансформируемых в процессе сетевой координации для достижения целей развития. При этом разные типы сетей аккумулируют различные комбинации ресурсов.

Концептуализация понятия «сетевые ресурсы» невозможна без обращения к работам М. Кастельса, в которых идеи о понимании сетевого (информационного) общества легли в основу понимания современных социальных структур как сетевых. М. Кастельс утверждал, что в условиях информационной эпохи власть и ресурсы перестают быть привязанными к территориям или иерархиям, а начинают циркулировать в сетях. Эти сети становятся «новой социальной морфологией нашего общества», а доступ к ним – ключевым условием участия в социально-экономической и политической жизни.[207] Для сельских территорий это означает, что даже при ограниченных локальных ресурсах включение в региональные, национальные или наднациональные сети открывает доступ к знаниям, технологиям, финансированию и др.

Не менее важен вклад П. Бурдье, предложившего многомерную модель капитала, которая включает не только экономический, но и социальный, культурный и символический капиталы. П. Бурдье рассматривал социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»[208]. При этом подчеркивается, что социальный капитал не является нейтральным – он воспроизводит социальное неравенство, поскольку доступ к сетям и их ресурсам неравномерно распределен между различными социальными группами[209].

[207] Castells M. The Rise of the Network Society… 2000. P. 248.
[208] Bourdieu P. The Forms of Capital… 1986. P. 241–258.
[209] Там же.

Д. Колман развивает идею социального капитала, акцентируя внимание на его функциональной роли в поддержании социальных структур и коллективного действия. Он определяет социальный капитал как «аспекты социальной структуры, которые способствуют действиям индивида в рамках этой структуры»[210]. Д. Колман выделяет три основные формы социального капитала: доверие и ожидания, нормы и санкции, сети и обязательства. В отличие от П. Бурдье, Д. Колман считает, что социальный капитал является нейтральным ресурсом: принесет он вред или пользу – зависит от методов его использования.

В свою очередь, Р. Патнэм вводит различие между «связывающим» (bonding) и «связующим» (bridging) социальным капиталом. «Связывающий» социальный капитал часто связан с плотными гомогенными связями внутри группы, «связующий» – с более слабыми, но разнообразными связями с различными группами и институтами. Устойчивое развитие возможно лишь при балансе между двумя этими формами: внутренняя солидарность обеспечивает мобилизацию ресурсов на местах, а внешние связи открывают доступ к знаниям, технологиям и финансированию[211]. Для сельских территорий важно преодоление замкнутости на внутренних связях и наращивание «связующего» социального капитала через участие в межмуниципальных проектах, профессиональных ассоциациях, сетевых сообществах и т.д. В этой связи сетевые ресурсы политики развития можно понимать как совокупность ресурсов, мобилизуемых через социальные сети, основанные на доверии, нормах взаимности и институционализированных связях. Однако данные ресурсы имеют сложную многоуровневую природу.

Ф. Фукуяма обосновал, что именно уровень доверия как ключевого компонента социального капитала определяет способность общества к самоорганизации и кооперации[212]. Введенное им понятие «радиус доверия»

[210] Coleman J. S. Social Capital… 1988.
[211] Putnam R. D. Bowling Alone… 2000.
[212] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина; под общ. ред. М. Колопотина. Москва : АСТ : Ермак, 2004. 730 с.

позволяет дифференцировать сообщества: узкий радиус (доверие лишь к семье) препятствует созданию крупных ассоциаций, тогда как широкий радиус формирует «спонтанную социализированность» – готовность людей объединяться для совместных проектов за пределами родственного круга. Применительно к сельским территориям и сетевым сообществам это означает, что доверие выступает ключевым ресурсом развития, так как в цифровой среде оно снижает трансакционные издержки, компенсирует дефицит формальных институтов и через механизмы репутации и прозрачности способствует восстановлению дефицита доверия, характерного для постсоветских сельских сообществ. Таким образом, сетевое сообщество обретает качество политического субъекта лишь при наличии достаточного «радиуса доверия», позволяющего перевести виртуальную коммуникацию в реальные коллективные действия по развитию территории.

Представители Копенгагенской школы управления Э. Сёренсен и Я. Торфинг отмечают, что природа публичного управления претерпела кардинальные изменения: государство утрачивает монополию на принятие решений, уступая место управленческим сетям (governance networks), которые представляют собой относительно устойчивые горизонтальные взаимодействия между акторами из разных секторов (государство, бизнес, НКО)[213]. Такие сети взаимозависимы, а участники в них обмениваются ресурсами для достижения общих целей.

Вместе с тем, как подчеркивают исследователи, сами по себе управленческие сети не являются универсальным решением. Фрагментация социальной и политической жизни и усложнение сферы публичного управления требуют расширения сетевых форм координации. Однако, спонтанное сетевое взаимодействие без внешней корректировки может приводить к негативным эффектам: конфликтам, тупиковым ситуациям в переговорах, снижению прозрачности и подотчетности публичного

[213] Sørensen E., Torfing J. Making Governance Networks… 2009.

управления. Ответом на данный вопрос стала концепция метауправления (metagovernance)[214].

Е. Сёренсен и О. Торфинг определяют метауправление как «целенаправленное управление самоуправлением», осуществляемое для обеспечения того, чтобы сетевые структуры вносили вклад в эффективное и демократическое управление обществом[215]. С точки зрения ресурсного подхода, метауправление представляет собой специфический вид институционального и организационного ресурсов, позволяющий государству и другим центрам власти не разрушать сетевую самоорганизацию прямым администрированием, а «настраивать» ее: формировать повестку, перераспределять финансовые потоки, легитимировать результаты сетевых обсуждений и устанавливать «правила игры», стимулирующие доверие и кооперацию[216]. Особую значимость метауправление приобретает в контексте развития сельских территорий. Специфика сельских сообществ такова, что неформальные сети здесь часто сильнее формальных институтов, однако их «связывающий» социальный капитал может блокировать инновации и препятствовать установлению внешних связей. Метауправление позволяет региональным и национальным органам власти деликатно перенаправлять активность локальных сетей в русло приоритетов государственной политики, одновременно усиливая «связующий» социальный капитал территорий.

Развитие сельских территорий происходит в условиях многоуровневого управления, где взаимодействуют акторы локального, регионального, национального и даже международного уровней[217]. Соответственно сетевые ресурсы также существуют на разных уровнях:

---

[214] Sørensen E., Torfing J. Making Governance Networks… 2009.

[215] Там же.

[216] Torfing J., Peters B. G., Pierre J., Sørensen E. Metagovernance: The Art of Governing Interactive Governance // Interactive Governance: Advancing the Paradigm. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 122–144.

[217] Hooghe L., Marks G. Unraveling the Central State, but How? Types of Multilevel Governance // The American Political Science Review. 2003. Vol. 97, No. 2. P. 233–243.

– локальный уровень (Здесь ключевыми ресурсами являются ресурсы, основанные на плотных неформальных связях, локальной идентичности, традициях взаимопомощи, доверии, которые служат основой для «связывающего» социального капитала и совместного производства благ.);

– муниципальный уровень (На этом уровне формируются сети между различными поселениями, местными предприятиями, районной администрацией. Ресурсами становятся возможности координации, обмена опытом, лоббирования общих интересов, доступа к муниципальным программам.);

– региональный и национальный уровни (Включение в ассоциации муниципалитетов, отраслевые союзы, взаимодействие с региональными и национальными органами власти открывает доступ к более значительным финансовым ресурсам, экспертной информации, лучшим практикам, нормативным изменениям.);

– международный уровень (Участие в международных программах и сетях, цифровых платформах глобального обмена знаниями предоставляет доступ к инновациям, иностранным инвестициям и рынкам сбыта).

Способность локальных акторов выстраивать «мосты» между этими уровнями, выступая посредниками, является важным сетевым ресурсом. Отсутствие таких посредников ведет к изоляции территории, даже при наличии внутренней сплоченности.[218]

На основе синтеза рассмотренных теоретических подходов сетевые ресурсы политики развития сельских территорий можно определить как совокупность мобилизованных и потенциальных материальных и нематериальных активов, аккумулируемых, трансформируемых и распределяемых через устойчивые формальные и неформальные взаимодействия между разнородными акторами (государство, бизнес, некоммерческие организации, местные сообщества, внешние партнеры) на

[218] Granovetter M. S. The Strenght of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, No. 6. P. 1360–1380.

различных уровнях управления, направленные на достижение целей территориального развития.

Сетевые ресурсы политики развития сельских территорий следует рассматривать как сложную многоуровневую динамическую систему взаимодействий, где каждый элемент играет важную роль в достижении целей развития сельских территорий. В то же время сетевые ресурсы возникают в результате эффективного сетевого взаимодействия, но также служат его основой. С одной стороны, устойчивые связи, доверие, совместные нормы и практики, формирующиеся в процессе кооперации, сами становятся ресурсами для будущих взаимодействий, с другой – наличие определенного набора ресурсов определяет способность акторов вступать в сети и влиять на их повестку. Эта двойственная природа сетевых ресурсов создает потенциал для позитивного развития, при котором успешное взаимодействие усиливает ресурсную базу, что, в свою очередь, делает возможными сложные и масштабные формы кооперации.

В контексте развития сельских территорий сетевые ресурсы приобретают особую значимость, поскольку они обеспечивают:

– координацию действий различных акторов развития сельских территорий;

– обмен информацией и опытом между участниками процесса;

– мобилизацию и оптимизацию использования разрозненных ресурсов для решения локальных проблем;

– формирование адаптивных и гибких механизмов взаимодействия между различными акторами;

– снижение транзакционных издержек и рисков за счет доверия и общих норм;

– доступ к внешним ресурсам и возможностям, выходящим за пределы территории.

Особенности сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий заключаются в их способности объединять разнородных акторов (органы государственной власти, бизнес-структуры, сельские сообщества, некоммерческие организации и др.) в единую систему, направленную на решение комплексных задач развития сельских территорий. В сельских территориях, где плотность социальных связей часто выше, чем в городах, сетевые ресурсы могут стать катализатором устойчивого развития при условии их институционализации и поддержки со стороны государственной власти, играющей роль равноправного партнера.

В этой связи можно выделить ключевые характеристики категории «сетевые ресурсы политики развития сельских территорий»:

– реляционный характер (ценность сетевых ресурсов возникает не из самого обладания ими, а из их включенности в систему связей и способности быть мобилизованными через эти связи);

– нематериальная основа (хотя материальные активы важны, ядро сетевых ресурсов составляют доверие, репутация, знания, общие нормы, социальный капитал и др.);

– динамичность и способность к саморазвитию (сетевые ресурсы не являются статичным конструктом, а воспроизводятся и приумножаются в процессе взаимодействия);

– контекстуальная зависимость (эффективность конкретных сетевых ресурсов сильно зависит от социально-экономического развития, институциональной среды, природно-климатических условий, культуры конкретной территории);

– двойственная природа (сетевые ресурсы выступают одновременно как необходимое условие и как результат успешного сетевого взаимодействия);

– многоуровневость (сетевые ресурсы формируются и используются на стыке локального, муниципального, регионального, национального и международного уровней).

Структура сетевых ресурсов политики развития, представленная в таблице 3, отражает их комплексный характер, где каждый вид ресурсов взаимосвязан с другими. Например, эффективное использование материально-технических ресурсов часто зависит от наличия мобилизационно-организационных ресурсов и институциональных ресурсов. Инновационно-репутационные ресурсы строятся на успешных практиках, которые, в свою очередь, основаны на информационно-коммуникативных и социокультурных ресурсах.

Таблица 3 – Структура сетевых ресурсов политики развития[219]

Название ресурсов	**Содержание сетевых ресурсов политики развития**
Социокультурные ресурсы	Локальная идентичность Ценности Культурный капитал территории Символический капитал, основанный на уникальности территории
Институциональные ресурсы	Сети и их структура Конфигурация сетей Социальный капитал Вовлеченность ключевых акторов (органы власти, НКО, бизнес, местные жители, местные сообщества) Качество взаимодействия между акторами Лидерство
Мобилизационно-организационные ресурсы	Способность к самоорганизации и коллективным действиям Механизмы координации усилий для решения общих проблем Способность привлекать и распределять дополнительные ресурсы

[219] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 3

Название ресурсов	**Содержание сетевых ресурсов политики развития**
Информационно-коммуникативные ресурсы	Цифровые платформы и сервисы Цифровые профили в публичном дискурсе Доступ к знаниям Общие нарративы и разделяемое видение будущего развития, в том числе отраженные в программах и стратегиях
Материально-технические ресурсы	Инфраструктура, созданная и используемая совместно
Инновационно-репутационные ресурсы	Способность генерировать и адаптировать инновации Репутация территории, формируемая через сетевые коммуникации

Сетевые ресурсы – категория, находящаяся на стыке теорий сетевого управления, социального капитала, информационного общества и др. Понимание сетевых ресурсов как инструмента и одновременно как результата эффективного взаимодействия между акторами сельского развития позволяет выстроить более целостную концептуальную основу для анализа политики в данной сфере. Оно смещает фокус с простого перераспределения материальных средств на создание условий для возникновения и укрепления связей, доверия и коллективной способности к действию, что в долгосрочной перспективе является основой устойчивого и инклюзивного развития сельских территорий в условиях сложности и неопределенности современного мира.

Анализ сетевых ресурсов был бы неполным без рассмотрения разнообразия самих сетей, в которых эти ресурсы формируются и циркулируют. В зависимости от состава акторов, целей, характера связей и институционального контекста сети, влияющие на развитие сельских территорий, можно классифицировать на несколько ключевых типов. Понимание специфики каждого типа сети позволяет более точно идентифицировать доступные ресурсы, потенциальные точки входа для

воздействия и возможные конфликты между различными сетевыми структурами.

Типология политических сетей, представленная в современной научной литературе, позволяет структурировать и классифицировать формы сетевого взаимодействия, имеющие значение для сельского развития. Основываясь на анализе существующих подходов[220], можно выделить следующие типы сетей, релевантных для данной сферы:

1. По структурной организации и характеру связей:

– горизонтальные сети основываются на принципах равноправного сотрудничества и кооперации между участниками;

– вертикальные (иерархические) сети формируются вокруг властных или ресурсных центров по принципу «патрон-клиент»[221].

2. По функциональной направленности и содержанию деятельности:

– проблемно-ориентированные сети возникают для решения конкретных задач развития территории;

– экспертно-аналитические сети объединяют ученых, консультантов, аналитиков для выработки обоснованных решений и оценки эффективности политик;

– сети местных сообществ базируются на территориальной идентичности и общих интересах жителей;

– политико-административные сети связывают представителей государственной власти, местного самоуправления и лоббистских групп[222].

3. По степени формализации и институционализации:

– формализованные сети имеют четкую структуру, устав, процедуры;

---

[220] Чирун С. Н., Будаев А. С., Боброва Е. А. Типология и диагностика эффективности политических сетей: институциональный аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 1. С. 152–158; Саворская, Е. В. Политические сети в процессах надгосударственного регулирования: европейский и мировой опыт. Москва: ИМЭМО РАН, 2018. 128 с.; Börzel T. A. Organizing Babylon – On The Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998. Vol. 76, Is. 2. P. 253–273.

[221] Михайлова О. В. Сети в политике и государственном управлении. Москва : Университетская книга, 2013. 330 с.

[222] Чирун С. Н., Будаев А. С., Боброва Е. А. Типология и диагностика эффективности… 2018.

– неформальные сети основываются на личных контактах, доверии и общих ценностях.

4. По характеру обмена ресурсами:

– симметричные сети предполагают сбалансированный и взаимовыгодный обмен ресурсами;

– асимметричные сети характеризуются доминированием одного или нескольких узлов, концентрирующих ключевые ресурсы и определяющих правила их распределения.

5. По пространственному охвату и уровню:

– локальные сети фокусируются на проблемах конкретного поселения или района;

– региональные сети интегрируют акторов в масштабах субъекта федерации для согласования стратегий развития;

– национальные и транснациональные сети обеспечивают связь локальных инициатив с федеральными программами или международными проектами и стандартами[223].

Особый интерес для анализа ресурсов сельского развития представляет типология политических сетей, предложенная И. В. Мирошниченко, которая выделяет четыре типа актуальных сетевых структур, отражающих различные стадии и логики социально-политической организации:

– домодерные сети – характеризуются опорой на традиционные, нередко патриархальные или клановые связи, личную преданность и локальную идентичность;

– модерные сети отражают логику индустриального общества и рационального управления, это формализованные, часто иерархические структуры, связанные с государственными институтами, партиями, крупными агропромышленными предприятиями;

[223] Börzel T. A. Organizing Babylon… 1998.

– антимодерные сети представляют собой реакцию на модернизацию и часто носят протестный, антисистемный характер, мобилизация происходит на основе общей идеологии или угрозы;

– постмодерные сети наиболее гибкие и сложные структуры, возникающие в информационном обществе, для которых характерны множественность идентичностей, горизонтальные связи, использование цифровых платформ, временные коалиции для решения конкретных задач[224].

Эта типология позволяет учитывать не только структурные, но и ценностно-культурные основания формирования сетевых ресурсов, что крайне важно для понимания специфики сельских сообществ, где зачастую одновременно сосуществуют и взаимодействуют сети разных типов. В условиях современной реальности сельских территорий часто сосуществуют и взаимодействуют сети разных типов, что необходимо учитывать при анализе их ресурсного потенциала.

Таким образом, проведенный в данном параграфе анализ позволяет концептуально оформить понимание сетевых ресурсов, возникающих в процессе эффективного взаимодействия. Это, в свою очередь, смещает фокус политики развития с простого перераспределения материальных средств на создание условий для укрепления связей, доверия и коллективной способности к действию. Именно этот потенциал лежит в основе обеспечения устойчивого и инклюзивного развития сельских территорий в условиях сложности и неопределенности современного мира.

Сетевые ресурсы представляют собой сложную, многоуровневую и динамическую категорию, находящуюся на стыке теорий сетевого управления, социального капитала и информационного общества. В современной управленческой практике фиксируется устойчивый запрос на нефинансовые механизмы регулирования территориального развития. В этом контексте сетевые ресурсы приобретают статус стратегического актива,

[224] Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар : ООО «Просвещение-Юг», 2013. 295 с.

способного компенсировать ограниченность бюджетных средств, кадровый дефицит и инфраструктурную отсталость сельских территорий. Их специфика заключается в том, что они не убывают в процессе использования, а напротив, накапливаются при условии поддержания доверительных коммуникаций. Тем самым сетевые ресурсы выступают не просто дополнением к традиционным инструментам государственной политики, но качественно иным механизмом согласования интересов и легитимации властных решений на локальном уровне.

Уточнение понятийно-категориального аппарата позволило сформулировать авторское определение. В рамках настоящего исследования под сетевыми ресурсами политики развития сельских территорий предлагается понимать совокупность мобилизованных и потенциальных материальных и нематериальных активов, аккумулируемых, трансформируемых и распределяемых через устойчивые формальные и неформальные взаимодействия между разнородными акторами (государство, бизнес, некоммерческие организации, местные сообщества, внешние партнеры) на различных уровнях управления, направленные на достижение целей территориального развития. Данное определение фиксирует ресурсную природу сетей, их политическую функциональность и территориальную специфику, что позволяет использовать его в качестве операциональной модели на последующих этапах исследования.

Сетевые ресурсы, таким образом, не являются статичным конструктом, а формируются и перераспределяются в процессе повседневных практик взаимодействия между акторами политики развития сельских территорий. Их наличие или отсутствие непосредственно детерминирует успешность реализации государственных программ, уровень конфликтности при принятии решений и степень доверия населения к институтам публичной власти. Предложенная структурная модель выступает теоретической рамкой

для дальнейшего эмпирического анализа сетевых ресурсов в контексте политики развития сельских территорий.

2 Политика развития сельских территорий в современной России: роль и потенциал сетевых ресурсов

2.1 Сетевые сообщества как субъекты политики развития сельских территорий: институциональные, социокультурные и технологические аспекты

Трансформация системы публичного управления, вызванная цифровизацией и распространением сетевых принципов организации социально-политического пространства, актуализирует вопрос о появлении новых акторов политического процесса. В контексте политики развития сельских территорий данный тренд приобретает особую значимость, поскольку традиционные вертикальные механизмы зачастую не способны учитывать локальную специфику, мобилизовать эндогенные ресурсы и обеспечивать устойчивость преобразований на селе. В этих условиях сетевые сообщества – устойчивые конфигурации взаимодействия множества акторов, объединенных общими целями развития и функционирующие на основе горизонтальных связей кооперации – становятся ключевыми субъектами реализации политики развития сельских территорий в современной России. Их возрастающая роль определяется способностью интегрировать разнородные ресурсы, снижать транзакционные издержки коллективных действий и обеспечивать адаптивность управленческих решений к быстро меняющимся локальным условиям[225]. Анализ практик в сельских территориях субъектов Российской Федерации позволяет выявить

[225] Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А., Ячменник К. В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 1. С. 150–163; Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества в публичном пространстве политики: субъектные характеристикии ресурсы управляемости // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы : Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 27–28 ноября 2020 года / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 339–340.

разнообразие форм функционирования сетевых сообществ, их ресурсный потенциал и ограничения.

Субъектность сетевых сообществ в политике развития проявляется в их способности формулировать и артикулировать интересы территории, участвовать в принятии управленческих решений, мобилизовывать ресурсы, реализовывать конкретные проекты развития, а также формировать и транслировать позитивный образ территории[226]. Характеристика сетевых сообществ как полноценных субъектов политики развития требует комплексного рассмотрения трех взаимосвязанных и взаимодополняющих измерений: институционального, социокультурного и технологического. Институциональная составляющая определяет «правила игры», легитимность участников и устойчивость сетевых связей, социокультурная на основе общих ценностей, доверия и локальной идентичности превращает совокупность акторов в сплоченное сообщество, способное к самоорганизации и коллективным действиям, тогда как технологическая обеспечивает оперативность взаимодействия, снижает барьеры вхождения новых акторов, расширяет географию охвата сельских сообществ и тиражирует успешные практики сельских сообществ. Взаимодействие этих аспектов формирует специфическую сетевую архитектуру политики развития сельских территорий в российских условиях. В соответствии с разработанной в диссертации структурой сетевых ресурсов политики развития сельских территорий анализ будет осуществляться через призму социокультурных, институциональных, мобилизационно-организационных, информационно-коммуникативных, материально-технических и инновационно-репутационных ресурсов.

Политика развития сельских территорий в Российской Федерации реализуется в рамках сложной институциональной системы, включающей федеральный, региональный и муниципальный уровни. Ключевыми

[226] Мирошниченко, И. В. Сетевые сообщества в… 2020. С. 340.

документами, задающими институциональные рамки, являются Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»[227], Стратегия пространственного развития Российской Федерации[228], стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

Статистические данные территориальных органов Росстата, публикации в социальных медиа, сборники лучших муниципальных практик за 2017–2025 гг. стали эмпирической основой данного параграфа диссертационного исследования. Всероссийский конкурс «Лучшая муниципальная практика» нацелен на выявление, поощрение и распространение органов местного самоуправления по организации муниципального управления и решению вопросов местного значения. По итогам ежегодного конкурса публикуются, систематизирующие практики-победители по двум категориям (муниципальные округа, городские округа (городские округа с внутригородским делением) и городские поселения и сельские поселения) по номинациям: муниципальная экономическая политика и управление муниципальными финансами (2017–2024 гг.); градостроительная политика, обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности населения и развитие жилищно-коммунального хозяйства (с 2017 г.); обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению (участию в осуществлении) местного самоуправления в иных формах (2017–2024 гг.); укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне (с 2018 г.); модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений (умный город) (с 2020 г.); повышение узнаваемости муниципального образования («бренд

[227] Об утверждении государственной программы Российской Федерации…
[228] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации…

территории») (с 2025 г.); повышение эффективности управления территорией муниципального образования (с 2025 г.). Всего с 2017 г. поддержку получили сотни практик из десятков регионов Российской Федерации, что делает сборники репрезентативным источником для изучения современных моделей сетевого взаимодействия в сельских территориях.

Методика исследования строилась на качественном анализе конкурсных материалов с применением метода структурированного наблюдения. Для обработки и систематизации обширного массива текстовых данных (179 практик), описывающего механизмы взаимодействия акторов, их ресурсы и институциональные решения, в диссертационном исследовании использовались методы автоматизированного анализа с использованием больших языковых моделей (LLM), адаптированные для задач политического анализа. Применение больших языковых моделей (GPT-4) позволило унифицировать процедуру извлечения ключевых признаков сетевого взаимодействия: идентификацию состава участников, типов горизонтальных связей, характера отношений и типов сетевых инструментов. Это повысило репрезентативность выборки, снизило субъективность исследователя при первичной категоризации и обеспечило возможность обработки больших объемов информации в сжатые сроки. Идентификация сетевого компонента осуществлялась на основе четырех критериев: состав участников сетевого взаимодействия, наличие горизонтальных связей, характер отношений между акторами, используемые сетевые инструменты.

Результаты анализа показали, что сетевой компонент присутствует в 109 из 179 проанализированных практик (61 %) (таблица 4). Отсутствие сетевого компонента зафиксировано в 70 практиках, относящихся преимущественно к технологическим решениям в рамках номинаций «градостроительная политика, обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности населения и развитие жилищно-коммунального хозяйства», «муниципальная экономическая политика и управление

муниципальными финансами», «модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений (умный город)». Данные практики строятся по жесткой схеме «заказчик – подрядчик», не предполагающей вовлечения жителей, общественных организаций и бизнеса в совместное планирование и управление.

В остальных номинациях сетевая архитектура является доминирующей. Типичная конфигурация включает администрацию муниципального образования как инфраструктурный центр; территориальные общественные самоуправления и институт сельских старост как формализованные каналы обратной связи; местный бизнес и инвесторов как источники внебюджетного финансирования; собрания граждан и инициативное бюджетирование как механизмы совместного принятия решений; школы, библиотеки, учреждения культуры как площадки для обучения и трансляции ценностей; цифровые платформы (мобильные приложения, чаты, порталы) как средства оперативной коммуникации и координации.

В практиках, в которых был выявлен сетевой компонент, взаимодействие строится на принципах партнерства, со-участия и взаимной ответственности. Широко используются механизмы софинансирования (грантовые конкурсы, самообложение, инициативное бюджетирование), совместного планирования (сходы, конференции, стратегические сессии), совместного контроля (общественные/координационные советы, отчеты перед населением). По итогам анализа сетевое взаимодействие доказывает свою результативность в решении широкого спектра проблем – от благоустройства и энергосбережения до сохранения этнокультурного наследия и развития туризма. Вовлеченные акторы становятся носителями изменений, а не пассивными получателями услуг.

Таблица 4 – Сетевой компонент в муниципальных практиках политики развития сельских территорий РФ[229]

Номинация	Количество практик	Доля практик с сетевым компонентом	Ключевые акторы	Типичные инструменты
Муниципальная экономическая политика и управление муниципальными финансами	45	20 (44,4 %)	Местные жители, предприниматели, администрации муниципальных образований, ТОСы, кооперативы, инвесторы	Инициативное бюджетирование, общественные/координационные советы, собрания/сходы граждан, соглашения о сотрудничестве, самообложение
Градостроительная политика, обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности населения и развитие жилищно-коммунального хозяйства	27	3 (11,1 %)	Местные жители, инициативные группы, общественные активисты, администрации муниципальных образований, депутаты	Координационные советы, программы поддержки местных инициатив
Обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению (участию в осуществлении) местного самоуправления в иных формах	38	38 (100 %)	Местные жители, предприниматели, администрации муниципальных образований, ТОСы, общественные организации, волонтеры, казачьи общества, религиозные организации, молодежные движения	Инициативное бюджетирование, уличные советы/комитеты, общественные/координационные советы, публичные слушания, мессенджеры/социальные сети, мобильные приложения, межсекторные соглашения, собрания/сходы граждан, опросы, самообложение
Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне	31	29 (93,5 %)	Местные жители, администрации муниципальных образований, ТОСы, религиозные организации, учреждения,	Фестивали и праздники, программы этнокультурного образования, грантовые конкурсы, соглашения о межмуниципальном

[229] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 4

Номинация	Количество практик	Доля практик с сетевым компонентом	Ключевые акторы	Типичные инструменты
			культуры, образования, спорта, предприниматели, волонтеры, творческие коллективы, СМИ, туристы, общественные организации	сотрудничестве / межсекторном взаимодействии, общественные/координационные советы, инициативное бюджетирование, мессенджеры/социальные сети
Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений (умный город)	28	9 (32,1 %)	Местные жители, ТОСы администрации муниципальных образований, управляющие компании, ресурсоснабжающие организации	Цифровые платформы, мобильные приложения, мессенджеры/социальные сети, инициативное бюджетирование
Повышение узнаваемости муниципального образования («бренд территории»)	5	5 (100%)	Местные жители, администрации муниципальных образований, предприниматели, туристы, фермеры, учреждения культуры и образования, ремесленники, фермеры	Фестивали и праздники, образовательные программы, маркетплейсы
Повышение эффективности управления территорией муниципального образования	5	5 (100 %)	Местные жители, администрации муниципальных образований, ТОСы, предприниматели, региональные органы власти, университеты, инвесторы	Общественные/координационные советы, инициативное бюджетирование, самообложение, собрания/сходы граждан, соглашения о межсекторном сотрудничестве
Итого:	179	109 (61 %)		

Для верификации теоретических положений о субъектности сетевых сообществ и конфигурации их ресурсов в данном параграфе проведен качественный анализ шести эмпирических кейсов, репрезентирующих различные модели функционирования сетевых сообществ в Российской Федерации: Бурунгольская модель сетевого партнерства, Табар-Черкийская модель самообложения и инвестиционного развития, Теньгушевская семицветка (бренд территории как ресурс развития), цифровая деревня Брусянка, умное село Териберка, Экосистема «Свое» как общероссийская цифровая среда для сельских сообществ.

Отбор представленных эмпирических кейсов осуществлялся на основе следующих критериев, обеспечивающих репрезентативность выводов:

– территориально-географическое разнообразие – кейсы охватывают различные субъекты Российской Федерации, что позволяет учесть региональную и этнокультурную специфику, различия в климатических и инфраструктурных условиях;

– институциональное разнообразие – отобраны сообщества с разной степенью формализации: от полностью институционализированных до спонтанно возникших цифровых сообществ, а также гибридные формы и надмуниципальные структуры;

– доминирующий тип сетевых ресурсов – в каждом кейсе представлены характерные конфигурации сетевых ресурсов согласно разработанной в диссертационном исследовании структуре;

– масштаб и уровень действия – эмпирические кейсы охватывают локальный, муниципальный, региональный и федеральный уровни, что позволяет проследить трансформацию сетевых ресурсов в зависимости от масштаба сообщества;

– наличие цифрового измерения – отобраны как кейсы с высоким уровнем технологизации, так и кейсы, где цифровые ресурсы играют вспомогательную роль, что позволяет оценить вклад технологического измерения в разных контекстах.

Институционализация сетевых сообществ в пространстве российской публичной политики представляет собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, сетевая природа таких образований подразумевает гибкость, горизонтальные связи и спонтанность возникновения. С другой стороны, для полноценного участия в общественно-политическом процессе и взаимодействия с институтами публичной власти им необходима формализация, закрепляющая их правовой статус и определяющая допустимые организационные формы.

Правовые основания деятельности сетевых сообществ как субъектов политики развития сельских территорий формируются на стыке нескольких отраслей законодательства. Базовые конституционные гарантии, закрепляющие право граждан на объединение (ст. 30) и право на участие в управлении делами государства (ст. 32), создают фундаментальную основу для самоорганизации сельских жителей[230]. Развитие этих положений находит отражение в Гражданском кодексе РФ и федеральных законах, регулирующих деятельность некоммерческих организаций. Как отмечают исследователи гражданской активности, становление «низовых» инициатив невозможно без признания государством их легитимности и права на существование вне жестких бюрократических структур, а также взаимодействия между гражданскими группами и представителями власти[231].

Однако специфика сельских территорий и характер решаемых задач вносят свои коррективы. Правовое поле задает не только возможности, но и ограничения. Ключевым законом, создающим институциональную среду для многих форм локальной активности, является Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного

[230] Российская Федерация. Конституция. Конституция Российской Федерации : с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.02.2026).

[231] Соколов А. В. Бабаджанян П. А., Прусов Д. А. Низовая гражданская активность в Ярославской области: проблемы и тенденции развития // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 3. С. 184–203.

самоуправления в единой системе публичной власти»[232]. Именно в нем введено понятие и правовой статус территориального общественного самоуправления (ТОС), которое, по мнению ряда авторов, может рассматриваться как одна из наиболее институционализированных форм существования сетевого сообщества на локальном уровне[233]. Территориальное общественное самоуправление, будучи формой самоорганизации граждан по месту их жительства, получает право представлять интересы населения, вносить проекты муниципальных правовых актов и самостоятельно распоряжаться средствами, что превращает его из простого объединения в полноценного субъекта локальной политики.

Другим важным правовым основанием является Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», который предоставляет сельским сообществам возможность регистрации в качестве юридического лица для реализации социально значимых проектов, включая развитие сельской инфраструктуры, сохранение культурного наследия или поддержку местных инициатив[234]. В контексте политики развития сельских территорий особое значение приобретает Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», который, хотя и ориентирован прежде всего на экономическую кооперацию, создает базу для формирования устойчивых профессиональных сетей, способных артикулировать и агрегировать экономические интересы сельских товаропроизводителей[235]. Таким образом, правовое поле фрагментировано: оно предлагает различные «ниши» для институционализации в зависимости

[232] Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ // Консультант Плюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 01.03.2026).

[233] Шомина Е. С. Самоорганизация жителей… 2020.

[234] Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ // Консультант Плюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.03.2026).

[235] Российская Федерация. Законы. О сельскохозяйственной кооперации : Федеральный закон от 08 декабря 1995 года № 193-ФЗ // Консультант Плюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8572/ (дата обращения: 01.03.2026).

от доминирующей функции сообщества (политическое представительство, социальное развитие, экономическая деятельность).

Наиболее формализованной и интегрированной в систему публичного управления является упомянутое выше территориальное общественное самоуправление. ТОС обладает четкой структурой, подотчетен населению и может взаимодействовать с органами местного самоуправления на договорной основе. Это делает его важным субъектом в реализации муниципальной политики, позволяя транслировать локальные запросы лицам, принимающим решения. Анализ практик функционирования ТОС в сельских территориях позволяет выделить несколько ключевых тенденций. Во-первых, в Российской Федерации наблюдается количественный рост ТОС, особенно в сельской местности. По данным Общероссийской ассамблеи развития территорий и общественного самоуправления, в России насчитывается 40 788 таких объединений, из них треть действует в сельских территориях (по состоянию на 2024 год)[236]. Во-вторых, происходит расширение функционала ТОС: от традиционной деятельности по благоустройству территорий они переходят к реализации комплексных проектов развития, включая создание социальных предприятий, развитие туризма, сохранение культурного наследия. В-третьих, формируются региональные и межрегиональные ассоциации ТОС, обеспечивающие координацию, обмен опытом и защиту интересов (26 региональных ассоциаций ТОС[237]).

Показательным примером институционального развития сельских сообществ является опыт Бурунгольского сельского поселения Окинского района Республики Бурятия. Бурунгольское сельское поселение расположено на крайнем западе Бурятии в горах Восточного Саяна, граничит с Монголией. Территория характеризуется удаленностью от регионального

[236] Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления. Наша история // Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления : [сайт]. URL: https://oatos.ru/o-nas (дата обращения: 01.03.2026).

[237] Там же.

центра, суровыми климатическими условиями и традиционным укладом жизни населения. Численность постоянного населения составляет 711 человек[238], проживающих в двух селах – Хужир и Алаг-Шулун. В рамках проекта «Поддержка гражданских инициатив» администрацией сельского поселения была создана среда для самореализации жителей и развития партнерства между населением и местной властью. Два раза в год проводятся конференции граждан, где обсуждаются крупные проекты и вопросы деятельности администрации поселения. При этом 4 раза в неделю ведется личный прием у главы сельского поселения. При невысоких затратах совместное участие горожан, администрации и ТОС в проектировании и реализации делает любой проект «своим»[239].

Институциональные ресурсы в представленном эмпирическом кейсе выражены в формировании горизонтальной сети, объединяющей жителей сельского поселения, представителей органов местного самоуправления, ТОС и общественных объединений. Администрация сельского поселения выступает инфраструктурным центром, обеспечивающим методическую и организационную поддержку. Мобилизационно-организационные ресурсы демонстрируют высокую самоорганизацию сельского сообщества. Жители привлекают средства для реализации проектов развития территории из республиканского и районного бюджетов через грантовые конкурсы. Социокультурные ресурсы проявляются в совместной деятельности по благоустройству территории, что укрепляет локальную идентичность и ценности взаимопомощи. Информационно-коммуникативные ресурсы

[238] Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия : [официальный сайт]. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Население%20по%20МО%20СП_20250429.xlsx (дата обращения: 20.04.2026).

[239] Сборник лучших муниципальных практик 2024 года в номинации «Обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению (участию в осуществлении) местного самоуправления в иных формах» // Министерство экономического развития Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/c8296115422f4090771693c16c680cee/sbornik_LMP_2024_2.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

используются для информирования жителей о реализации проектов развития территории и деятельности администрации сельского поселения.

При непосредственном участии жителей Бурунгольского сельского поселения реализованы общественно значимые проекты: отремонтированы 4 моста, созданы зоны отдыха у родников, открыта борцовская юрта, благоустроены общественные пространства. В сельском поселении сформирована система мотивации активистов.[240] Практика Бурунгольского сельского поселения признана одной из лучших в России по итогам конкурса «Лучшая муниципальная практика» в 2024 г., что подтверждает эффективность институционализации сетевых сообществ в отдаленных сельских территориях.

Успешным примером институционального развития сельских сообществ является и опыт Табар-Черкийского сельского поселения Апастовского района Республики Татарстан. Табар-Черкийское сельское поселение находится на юго-западе Республики Татарстан. Численность постоянного населения составляет 711 человек[241], проживающих в трех сельских населенных пунктах – д. Табар-Черки, д. Тюбяк-Черки и с. Починок-Енаево. Основной состав населения – чуваши. Опыт гражданской активности Табар-Черкийского сельского поселения сочетает механизм привлечения граждан и частных инвестиций в агропромышленный комплекс. Этот подход позволяет не только решать вопросы местного значения силами сообщества, но и осуществлять масштабные инфраструктурные преобразования. В поселении ежегодно проводятся собрания граждан, где решаются вопросы использования денежных средств. По итогам проведения собраний разрабатываются нормативно-правовые акты, закрепляющие решения о конкретных мероприятиях и направлениях финансирования. В

[240] Там же.

[241] Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2025 года (Статистический бюллетень) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан : [официальный сайт]. URL: https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/МОчисл2025.docx (дата обращения: 22.04.2026).

сельском поселении уделяется внимание созданию комфортной среды, сохранению культурных традиций и формированию новых рабочих мест. Отдельным направлением стала волонтёрская деятельность.[242]

Институциональные ресурсы проявляются в ежегодных собраниях граждан, которые выступают формализованной площадкой для коллективного принятия решений. Мобилизационно-организационные ресурсы: жители поселения демонстрируют высокую способность к самоорганизации. В 2024 г. привлечено 1,5 млн рублей средств самообложения, которые направлены на благоустройство сельского поселения. Социокультурные ресурсы проявляются в волонтерских практиках производства продукции для военных, которые формируют ценности гражданской ответственности и солидарности. Информационно-коммуникативные ресурсы используются для информирования жителей о собраниях через местные каналы, что обеспечивает высокую явку и легитимность принятых решений.

Консолидация жителей Табар-Черкийского сельского поселения позволила реализовать инвестиционные проекты, направленные на развитие агропромышленного комплекса, строительство сопутствующей инфраструктуры и локальное благоустройство территорий на сумму 743 млн рублей, а также отремонтировать дороги, улучшить социальную инфраструктуру, повысить комфортность среды и сохранить местные культурно-образовательные традиции.

Социокультурное измерение сетевых сельских сообществ охватывает ценности, локальную идентичность, культурный и символический капитал, выступающие основой для консолидации и мобилизации. По замечанию В. Н. Блохина, устойчивое развитие сельских территорий невозможно без учета социокультурных факторов, определяющих специфику локальных

[242] Сборник лучших муниципальных практик 2025 года (повышение эффективности управления территорией) // Министерство экономического развития Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/c751efb716eba03578f9755d8c203a25/sbornik_ypravleniya_territoriey_2025.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

сообществ[243]. Как отмечают исследователи Института аграрных проблем РАН, социокультурные ресурсы современной российской деревни представляют собой «совокупность смыслов, духовной деятельности людей, результатом которой является возрастание степени освоения актуальной культуры, позитивного влияния на производство, трудовую сферу и среду общения»[244]. В постсоветский период культурные ориентиры сельских жителей претерпели значительные изменения, т.е. адреса культурной активности сместились из традиционных институтов (клубов, библиотек) в домашнюю и виртуальную сферы[245], что актуализирует исследование сетевых форм освоения культурных ценностей.

Социокультурное измерение жизненного мира сельского социума включает несколько взаимосвязанных компонентов. Во-первых, это ценностно-нормативный комплекс, в котором наряду с общероссийской идентичностью сохраняют значимость традиционные для сельской культуры ценности взаимопомощи, уважения к старшим и трудовой этики[246]. Во-вторых, ключевым компонентом выступает локальная идентичность – чувство сопричастности к «малой Родине», которое проявляется в киберпространстве в тесной связи с этнической идентичностью и служит основой для самоорганизации[247]. В-третьих, важную роль играет символический капитал территории, формируемый через историко-культурное наследие, природные особенности и коллективные достижения сообщества.

Особое значение имеет социальная инфраструктура, которая в современных условиях трансформируется в многофункциональные центры общественной жизни. Как отмечают И.С. Гуменюк и В.О. Юстратова,

---

[243] Блохин В. Н. Стратегия устойчивого развития – условие успешного управления сельскими территориями // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 1. С. 56–63.

[244] Великий П. П., Шабанов В. Л. Социокультурные ресурсы как фактор…2022.

[245] Великий П. П., Вяльшина А. А. Социокультурные и политические аспекты… 2025.

[246] Там же.

[247] Ягафова Е. А., Роговой А. С. Этническая vs локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники») // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 91–106.

модернизация сельских библиотек в рамках национального проекта «Культура» (2019-2024 гг.) привела к значительному увеличению их посещаемости и расширению спектра благ: они выступают не только хранилищами книг, но и социальными коммуникаторами, обеспечивающими доступ к цифровым ресурсам, правовую помощь, взаимодействие местного сообщества с органами власти, организацию культурных мероприятий[248].

Современные исследования фиксируют дифференциацию социальных групп сельского населения по степени участия в общественной деятельности и характеру ценностных ориентаций. Наиболее активными выступают представители сельской интеллигенции (учителя, врачи, работники администраций поселений), тогда как молодежь привлекают экологические и патриотические акции, в которых они видят перспективы развития взаимодействия власти и граждан через современные коммуникационные методы[249]. Для работников бюджетной сферы характерна более высокая поддержка традиционных ценностей, домохозяйки, занятые воспитанием детей, ценят семейную безопасность и социальную справедливость, сельские предприниматели – равенство и социальный порядок, наемные сельскохозяйственные работники – социальную справедливость, сельская молодежь – коллективизм и социальную справедливость, сельские пенсионеры – традиционность и равенство[250]. Эта ценностная дифференциация непосредственно влияет на конфигурацию сетевых сообществ и их ресурсный потенциал.

В контексте постаграрного развития российского села, как подчеркивает Р.В. Кононенко, происходит смещение акцента с производства на воспроизводство социальных связей, культурных ценностей и

[248] Гуменюк И. С., Юстратова В. О. Социокультурная инфраструктура как инструмент сохранения сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 6. С. 123–133.

[249] Великий П. П., Вяльшина А. А. Предпосылки реализации потенциала социальной активности сельских жителей в современных формах гражданского участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 110–136.

[250] Великий, П. П., Вяльшина А. А. Социокультурные и политические аспекты… 2025.

коллективной идентичности[251]. Активисты, выступающие ядром сетевых сообществ, выполняют функцию посредников между государственной политикой и местным сообществом, конвертируя экономический, социальный и культурный капитал в символические ресурсы, укрепляющие устойчивость сельских территорий. Именно социокультурные ресурсы обеспечивают «связывающий» социальный капитал, необходимый для внутренней солидарности, и одновременно создают основу для «связующего» социального капитала через включение во внешние сети и взаимодействие с институтами публичной власти.

Репрезентативным является пример деятельности сельского сообщества Теньгушевского сельского поселения Теньгушевского муниципального района Республики Мордовия. Теньгушевское сельское поселение расположено на северо-западе Мордовии, в 200 км. от Саранска. Численность населения составляет 4172 человека[252]. Территория обладает уникальным ремесленным наследием – традиционным стилем вязания на спицах с использованием семи цветов пряжи, которое легло в основу ее бренда – «Теньгушевская семицветка». Изделия вяжут вручную, каждый рисунок имеет свой смысл. Администрация продвигает бренд посредством сотрудничества со СМИ, туристическими порталами и маркетплейсами. Культурное наследие популяризируется через музейные экспозиции, мастер-классы по вязанию, ежегодный фестиваль народных ремесел «Теньгушевское семицветье». Для жителей поселения организовано обучение вязанию на базе детской школы искусств и модельной этнобиблиотеки[253].

---

[251] Кононенко Р. В. Активизм и социальная политика в постаграрном развитии российского села // Журнал исследований социальной политики. 2025. Т. 23. № 3. С. 479–496.

[252] Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 г. по муниципальным образованиям Республики Мордовия // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия : [официальный сайт]. URL: https://13.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ Численность%20населения% 20на%201%20января%202025%20по%20МО%20РМ.xlsx (дата обращения: 22.04.2026).

[253] Сборник лучших муниципальных практик 2025 года (повышение узнаваемости муниципальных образований «Бренд территории») // Министерство экономического развития Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/dfb7c2a0ba65122353179f1 d8708 731f/ sbornik_brend_territorii_2025.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

Социокультурные ресурсы в данном примере выступают основой развития территории. Культурный капитал территории (уникальная техника вязания и орнаменты) превращен в бренд территории, а локальная идентичность укрепляется через обучение ремеслу и событийные мероприятия. Институциональные ресурсы позволили сформировать сеть взаимодействия между администрацией поселения, детской школой искусств, библиотекой и местными мастерицами. Посредством информационно-коммуникативных ресурсов продвигается бренд территории. Мобилизационно-организационные ресурсы проявляются в самоорганизации сообщества мастериц в клуб, который передает опыт молодежи, участвует в ярмарках и фестивалях.

Реализация практики способствовала росту инвестиционной привлекательности территории Теньгушевского сельского поселения, стимулированию предпринимательской активности, а фестиваль «Теньгушевское семицветье» стал точкой притяжения туристов из соседних регионов.

Кейс создания сообщества в социальной сети ВКонтакте жителями деревни Брусянка Тогучинского района Новосибирской области демонстрирует ключевую роль локальной идентичности в формировании сетевого сообщества. Численность населения деревни составляет около 150 жителей. Ключевым событием для социальной коммуникации жителей стало подключение к высокоскоростному Интернету благодаря базовой станции, построенной ПАО «Ростелеком» по программе «Устранение цифрового неравенства 2.0». Инициатором создания сообщества выступил уроженец Брусянки вице-мэр города Новосибирска Максим Останин.[254] На платформе социальной сети «ВКонтакте» создан паблик «Брусянка», который был задуман как площадка для реализации фермерской продукции, демонстрации

[254] Единство в сети: в Новосибирской области сельчане создали ВК-сообщество // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области : [официальный сайт]. URL: https://ведомостинсо.рф/2024-07-01-V-06 (дата обращения: 20.03.2026).

результатов труда ремесленников и публикации историй из деревенской жизни.

Социокультурные ресурсы представлены сильной локальной идентичностью, основанной на гордости за малую родину (*Мы живем в красивейшем месте, гордимся нашей малой родиной*[255]). Институциональные ресурсы включают сети взаимодействия между жителями деревни (включая тех, кто проживает за ее пределами), органами местного самоуправления, региональными властями и коммерческими структурами. Информационно-коммуникационные ресурсы реализуются через социальную сеть ВКонтакте, которая обеспечивает доступ к знаниям, формирование общих нарративов о развитии территории и разделяемое видение будущего.

При фактическом населении в 150 человек количество подписчиков превысило 2,6 тысячи пользователей. Особенность данного кейса заключается в трансформации традиционного для сельских сообществ механизма поддержания связей (через личные контакты, родственные связи) в современный цифровой формат, что позволило расширить границы сообщества за пределы географической локации. Подписчиками паблика стали бывшие жители деревни, их потомки, а также люди, не имеющие прямого отношения к Брусянке, но разделяющие ценности сельского образа жизни.

Технологическое измерение сетевых сельских сообществ охватывает цифровые платформы и сервисы, обеспечивающие коммуникацию, координацию и мобилизацию сетевых ресурсов. Как отмечается в научной литературе, цифровые территории – это прежде всего покрытие всей территории сетью Интернет, что является мощным ресурсом для получения государственных, образовательных, медицинских услуг, возможности ведения электронной торговли[256].

[255] Там же.
[256] Проскура Н. В. Цифровая трансформация… 2023.

Важнейшей государственной инициативой по созданию технологической основы для сетевых сельских сообществ является программа «Устранение цифрового неравенства 2.0» реализуемая ПАО «Ростелеком» по заказу Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в рамках национального проекта «Цифровая экономика». Программа была нацелена на обеспечение современной связью и Интернетом малонаселенных пунктов численностью жителей от 100 до 500 человек, с 2025 года – от 100 до 1000 человек. Реализация данной инициативы продолжается в рамках Национального проекта «Экономика данных» федерального проекта «Инфраструктура доступа в Интернет». Базовые станции строятся в населенных пунктах, перечень которых определяется на основании результатов голосования жителей региона на портале «Госуслуги». С 2021 года в голосовании поучаствовали около 3,2 млн жителей. В регионах уже установлено более 5200 базовых станций.[257] Значимость данной инициативы для формирования сетевых сельских сообществ заключается не только в обеспечении технической возможности подключения, но в создании условий для социальной коммуникации.

Репрезентативным примером цифровизации сельских территорий является опыт села Териберка. Териберка – арктическое прибрежное село на берегу Баренцева моря, входящее в состав Кольского района Мурманской области. Село известно как центр туризма и отдаленная территория с суровым климатом. Численность населения составляет 503 человека[258], однако туристический поток достигает десятков тысяч в год. Инфраструктура в селе была долгое время слабо развита, а связь

[257] Провести интернет в малонаселенные пункты // Национальные проекты России : [сайт]. URL: https://национальныепроекты.рф/new-opportunities/provesti-internet-v-malonaselennye-punkty/ (дата обращения: 20.03.2026).

[258] Численность населения по муниципальным образованиям Мурманской области на 1 января 2025 года и в среднем за 2024 год // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области : [официальный сайт]. URL: https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/05034_2025.xls (дата обращения: 25.04.2026).

нестабильна. Проект «Село Териберка. Цифровизация» стал победителем и занял 1 место во второй категории в номинации «Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений (Умный город)» всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» 2024 года. Реализации цифровых сервисов здесь уделяется особое внимание. На сегодняшний день действуют: туристический портал, платформа особо охраняемых природных территорий, система мониторинга уборки территорий, система общественного видеонаблюдения и аналитики, порталы «Наш Север» и «Молодая Арктика»[259]. Благодаря данным сервисам жители активно участвуют в развитии населённого пункта, а туристы – получают востребованные услуги.

Информационно-коммуникативные ресурсы включают цифровые платформы и сервисы. Они обеспечивают доступ к информации о безопасности, туристических услугах, культурных событиях и возможности участия в управлении, создают единое коммуникативное пространство для жителей, туроператоров, туристов, муниципальных и региональных властей. Инновационно-репутационные ресурсы реализуются через цифровой профиль территории, который формирует образ Териберки как современного, технологичного и привлекательного туристического кластера, что, в свою очередь, повышает конкурентоспособность и привлекает инвестиции. Материально-технические ресурсы представлены созданной в рамках проекта цифровой инфраструктурой – базовыми станциями связи, камерами видеонаблюдения, серверным оборудованием, обеспечивающими функционирование всех внедренных платформ. Институциональные ресурсы проявляются в выстраивании новых сетей взаимодействия между

[259] Сборник лучших муниципальных практик 2024 года (Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений (Умный город)) // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/e4c/ixbwbjqnqshnpuhb21xcqj3bt7ksssa2/Лучшая%20муниципальная%20практика%20Умный%20город%202024%20год.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

администрацией, региональными операторами связи, туристическим бизнесом и жителями через цифровые каналы обратной связи.

Проект «Село Териберка. Цифровизация» способствовал повышению безопасности жителей и гостей за счет видеонаблюдения и оповещения о чрезвычайных ситуациях, упростил доступ к информации о туристических услугах, что способствует повышению туристического потока. В свою очередь, молодежь получила цифровые каналы для самореализации и участия в жизни поселения.

Особое значение для развития сетевых сельских сообществ имеют специализированные платформы, ориентированные на потребности сельских территорий. Экосистема «Свое» от Росельхозбанка объединяет более 15 млн пользователей и предлагает широкий спектр цифровых решений для сельского хозяйства, туризма и фермерской торговли[260]. Ключевые компоненты экосистемы включают:

– «Свое Фермерство» – платформа с ассортиментом более 7 млн наименований, объединяющая более 17 тыс. поставщиков;

– «Свое Родное» – маркетплейс фермерских продуктов с 145 тыс. наименований и более 13 тыс. производителей;

– «Свое За городом» – платформа для агротуризма, на которой представлено более 2,5 тыс. агротуров;

– «Свое Село» – цифровая площадка для покупки и обустройства жилья в сельской местности, которую в 2024 году посетило более 4,5 млн уникальных пользователей;

– «Я в агро» – образовательная платформа для школьников, студентов и экспертов[261].

Информационно-коммуникативные ресурсы, представленные комплексом цифровых платформ и сервисов, обеспечивают доступ к

[260] Россельхозбанк подвёл итоги партнёрских проектов Экосистемы «Своё» за 2025 год // Росельхозбанк : [сайт]. URL: https://www.rshb.ru/news/29122025-000001 (дата обращения: 31.03.2026).

[261] Экосистема «Своё» от РСХБ : 7 млн предложений и более 15 млн пользователей // Росельхозбанк : [сайт]. URL: https://www.rshb.ru/news/24022025-000001 (дата обращения: 31.03.2026).

знаниям, рынкам сбыта, финансовым услугам. Важным элементом является формирование общих нарративов о развитии сельских территорий через продвижение успешных практик. Инновационно-репутационные ресурсы проявляются в способности генерировать и адаптировать инновации для персонализации предложений и формировать репутацию территории через цифровые коммуникации. Материально-технические ресурсы включают инфраструктуру цифровых платформ, созданную и поддерживаемую Россельхозбанком, что снижает барьеры входа для сельскохозяйственных производителей на рынки сбыта товаров.

В отличие от предыдущих кейсов, привязанных к конкретным муниципальным образованиям, данный пример представляет собой общероссийскую технологическую систему, формирующую цифровую среду для возникновения сетевых сообществ фермеров и сельских предпринимателей, объединенных общими экономическими интересами и ценностями сельского образа жизни.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институциональное, социокультурное и технологическое измерения сетевых сельских сообществ находятся в тесной взаимосвязи, образуя сложную конфигурацию ресурсов, обеспечивающих эффективность политики развития сельских территорий. Институциональные формы создают организационную основу для взаимодействия акторов. Однако их эффективность напрямую зависит от наличия социокультурных ресурсов – локальной идентичности, ценностей взаимопомощи, культурного и символического капитала. В свою очередь, реализация институциональных и социокультурных ресурсов в современном контексте невозможна без технологической составляющей – цифровых платформ и сервисов, обеспечивающих коммуникацию и координацию.

Рассмотренные эмпирические кейсы демонстрируют различные конфигурации сетевых ресурсов в зависимости от типа сетевого сельского

сообщества. Для формализованных локальных сообществ, действующих в форме ТОС или при активной поддержке администрации поселений, ключевыми являются институциональные и мобилизационно-организационные ресурсы, подкрепленные социокультурными. Сельские сообщества, ориентированные на социокультурное развитие территорий, опираются прежде всего на символический и культурный капитал территории, локальную идентичность, институционализируя их через культурно-просветительские сети и событийные мероприятия. Цифровые сообщества жителей возникают на стыке социокультурных и информационно-коммуникативных ресурсов, причем цифровые платформы способствуют консолидации членов сообщества. Высокотехнологичные муниципальные проекты демонстрируют значимость материально-технических и инновационно-репутационных ресурсов, формирующих современный образ территории. Наконец, отраслевые цифровые экосистемы реализуют потенциал инновационно-репутационных и информационно-коммуникативных ресурсов в масштабе всей страны, создавая условия для экономической самоорганизации сельских производителей.

Таблица 5 – Конфигурации сетевых ресурсов сельских сообществ в Российской Федерации[262]

Эмпирические кейсы	**Доминирующие виды ресурсов**	**Ключевые эффекты**
Бурунгольская модель сетевого партнерства (Республика Бурятия)	Институциональные, мобилизационно-организационные, социокультурные, информационно-коммуникативные	Реализация инфраструктурных проектов, привлечение внебюджетных инвестиций, сохранение культурных традиций
Табар-Черкийская модель самообложения и инвестиционного развития (Республика Татарстан)	Институциональные, мобилизационно-организационные, социокультурные, информационно-коммуникативные	Привлечение инвестиций, благоустройство территории, сохранение культурных традиций

[262] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 5

Эмпирические кейсы	**Доминирующие виды ресурсов**	**Ключевые эффекты**
Теньгушевская семицветка: бренд территории как ресурс развития (Республика Мордовия)	Социокультурные, институциональные, информационно-коммуникативные, мобилизационно-организационные	Рост туристической привлекательности территории, развитие ремесел, укрепление локальной идентичности
Цифровая деревня Брусянка (Новосибирская область)	Институциональные, социокультурные, информационно-коммуникативные	Расширение границ сообщества за пределы географической локации, сбыт фермерской продукции, поддержание связей с земляками
Умное село Териберка (Мурманская область)	Информационно-коммуникативные, инновационно-репутационные, материально-технические, институциональные	Повышение безопасности, упрощение доступа к услугам, рост туристического потока, вовлечение молодежи
Экосистема «Свое» как общероссийская цифровая среда для сельских сообществ (Россельхозбанк)	Информационно-коммуникативные, инновационно-репутационные, материально-технические	Снижение барьеров входа на рынки, доступ к знаниям и финансовым услугам, формирование сообществ фермеров и предпринимателей

На основе анализа представленных эмпирических кейсов можно выделить значимые факторы, определяющие эффективность сетевых сообществ как субъектов политики развития сельских территорий. Наличие лидерства способствует превращению разрозненных сельских инициатив в эффективное сетевое взаимодействие. Во всех рассмотренных примерах присутствуют лидеры, способные сформулировать цели, мобилизовать ресурсы и организовать взаимодействие. Результативность сетевых сообществ напрямую зависит от их способности привлекать и распределять дополнительные ресурсы. Участие в грантовых конкурсах выступает важнейшим механизмом привлечения дополнительных ресурсов для развития сельских территорий. Внешняя институциональная поддержка выступает катализатором развития сетевых сообществ либо тормозит эти процессы. Наличие благоприятной институциональной среды создает

условия для формирования и развития сетевых сообществ. Технологическая база является условием возникновения и функционирования сетевых сообществ. Доступ к современным цифровым технологиям и платформам необходим для формирования сетевых сообществ в современных условиях. Социокультурная основа обеспечивает жизнеспособность сетевых сообществ. Наличие разделяемых ценностей, сильной локальной идентичности, культурного и символического капитала территории обеспечивает устойчивость сетевых сообществ и их способность к самоорганизации.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о роли и потенциале сетевых сообществ как субъектов политики развития сельских территорий. Во-первых, сетевые сообщества представляют собой сложные многоуровневые образования, объединяющие различных акторов на основе общих ценностей и целей развития. Их субъектность проявляется в способности формулировать интересы территории, участвовать в принятии решений, мобилизовывать ресурсы и реализовывать различные проекты. Во-вторых, эффективность сетевых сообществ определяется взаимосвязью трех измерений: институционального, социокультурного и технологического. Их синтез создает сложную конфигурацию ресурсов, обеспечивающую результативность деятельности по развитию территорий. В-третьих, представленные эмпирические кейсы демонстрируют разнообразие форм сетевых сообществ в сельских территориях. Каждая из этих форм имеет специфическую конфигурацию сетевых ресурсов и механизмы реализации потенциала развития. В-четвертых, значимыми факторами эффективности сетевых сообществ выступают наличие лидерства, доступ к ресурсам, благоприятная институциональная среда, современная технологическая база и устойчивая социокультурная основа. Их сочетание позволяет компенсировать недостаточность государственных ресурсов и активизировать внутренний потенциал сельских сообществ. В-пятых,

цифровизация сельских территорий, реализуемая в рамках государственных и частных инициатив, создает новые возможности для формирования и развития сетевых сообществ. Цифровые платформы обеспечивают не только коммуникацию и координацию, но и доступ к знаниям, рынкам сбыта, финансовым услугам, что значительно расширяет потенциал развития. Сетевые сообщества в сельских территориях России демонстрируют способность к адаптации моделей сетевого управления к локальным институциональным и социокультурным условиям.

2.2 Цифровые профили сельских муниципальных образований Российской Федерации как сетевые ресурсы политики развития

Цифровая трансформация органов местного самоуправления является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации, закрепленным в системе национальных целей развития[263]. При этом ключевым индикатором успешности данной трансформации провозглашается сокращение цифрового разрыва между различными типами территорий, в первую очередь между городскими и сельскими муниципальными образованиями. Именно цифровая представленность органов местного самоуправления в интернет-пространстве становится сегодня одним из значимых каналов реализации политики развития сельских территорий: через информирование граждан о доступных мерах поддержки, привлечение к соучастию в решении местных проблем, создание обратной связи между властью и сельскими сообществами.

Эмпирическую базу данного параграфа диссертационного исследования составили результаты интерактивного контент-анализа официальных сайтов и аккаунтов в социальной сети ВКонтакте 24 сельских

[263] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 // Президент России : [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 01.08.2026).

муниципальных образований, расположенных на территории шести субъектов Российской Федерации: Ярославской, Свердловской, Ростовской, Волгоградской областей, Краснодарского края и Республики Татарстан. В каждом из указанных регионов были отобраны по четыре сельских муниципальных образования. Общий объем проанализированных интернет-ресурсов составил 24 официальных сайта администраций муниципальных образований, 24 аккаунта администраций муниципальных образований в социальной сети ВКонтакте, 23 аккаунта глав муниципальных образований в социальной сети ВКонтакте.

Отбор шести субъектов Российской Федерации на основе нескольких критериев, обеспечивающих репрезентативность исследования и возможность сравнительного анализа:

– Регионы охватывают различные макрорегионы страны: Центральный (Ярославская область), Уральский (Свердловская область), Поволжский (Республика Татарстан) и Южный (Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области) федеральные округа. Такое географическое разнообразие позволяет учесть региональную специфику политики развития сельских территорий, обусловленную как природно-климатическими, так и социально-экономическими факторами.

– Выбранные регионы существенно различаются по уровню социально-экономического развития аграрного сектора.

– Регионы различаются по административно-территориальному устройству и организации местного самоуправления, что позволяет выявить влияние институциональных факторов на цифровое присутствие муниципальных образований.

– Все шесть регионов являются преимущественно аграрными или имеют значительный сельскохозяйственный сектор в структуре экономики, что обеспечивает сопоставимость объектов исследования.

Отбор конкретных муниципальных образований в каждом регионе осуществлялся по следующим критериям:

– В исследование включались только муниципальные районы или муниципальные округа, отнесенные к сельским территориям в соответствии с официальной классификацией.

– Отбирались муниципальные образования, расположенные на различном удалении от административного центра субъекта РФ (как пригородные, так и периферийные), что позволяет оценить влияние фактора доступности на качество цифрового присутствия.

– Отбирались только те муниципальные образования, которые имеют одновременно официальный сайт, аккаунт администрации и аккаунт главы муниципального образования, что обеспечивало сопоставимость по всем трем типам цифровых ресурсов.

Исследование проводилось с использованием метода интерактивного контент-анализа, представляющего собой модификацию классического контент-анализа применительно к исследованию цифровых коммуникаций органов публичной власти. В отличие от традиционного контент-анализа, ориентированного на статистический учет содержательных единиц, интерактивный контент-анализ включает оценку функциональных и интерактивных характеристик цифровых ресурсов: наличия обратной связи, механизмов взаимодействия с гражданами, регулярности обновления и реакции на запросы аудитории. Данный подход позволяет не только зафиксировать формальное присутствие муниципальных образований в сети, но и оценить качество цифрового взаимодействия власти и общества.

Инструментарий исследования разработан на основе двухуровневой структуры, включающей анализ официальных сайтов и анализ социальных сетей. Первый блок инструментария предназначен для оценки официальных сайтов по пяти основным направлениям:

– доступность сетевого ресурса (наличие сайта, мобильная версия, структура сайта);

– интерактивность и сетевое взаимодействие (наличие интернет-приемной, публичных слушаний онлайн, реестра НКО и ТОС, информации об инициативном бюджетировании);

– коммуникативная политика и активность в социальных сетях (наличие и активность аккаунтов);

– экономический и аграрный блок (наличие раздела «Инвестору / АПК» с информацией о мерах поддержки, интерактивной карты территории).

Каждый индикатор оценивался по шкале от 0 до 2 баллов в зависимости от степени проявления.

Второй блок инструментария включает шесть категорий оценки:

– присутствие в социальных сетях (наличие официальных страниц, выбор платформ);

– частота и регулярность публикаций;

– содержательное наполнение (доля постов о решении проблем граждан, освещение проектов соучастия);

– интерактивность и обратная связь (реакция на комментарии, вовлеченность аудитории, тональность комментариев, наличие механизмов сбора обратной связи);

– символическая политика и имидж (стиль коммуникации главы, использование визуальных материалов);

– интеграция с официальным сайтом и платформами.

Оценка проводилась по шкале от 0 до 3 баллов с детализированными критериями.

Сбор данных производился через специальную лицензированную программу Screaming Frog SEO Spider 19.8. Перед началом анализа была настроена конфигурация сбора данных для каждого сайта. Настройка конфигурации состояла из следующих этапов:

1. Установка лимитов сбора данных. Всего на каждом сайте собиралось до 8000 страниц. Это связано с тем, что на большинстве государственных сайтов стоит жесткая защита от ботов, а также с тем, что на таких сайтах множество некорректных страниц и ссылок, которые либо не работают, либо уводят пользователя на нерелевантные ресурсы.

2. Установка исключений для сбора данных. Не собирались страницы, которые отвечают за регистрацию и вход для пользователей, строка поиска, версия сайта для слабовидящих, мобильная версия сайта, документы, архивы и изображения. Отмечались только ссылки, на которых они есть, но сами файлы никуда не сохранялись. Важно подчеркнуть, что никакая конфиденциальная информация с сайтов не собиралась. Вся собранная в ходе исследования информация находится в открытом доступе.

3. Установка скорости сбора данных. В связи с наличием у большинства подобных сайтов жесткой защиты от ботов, которые нагружают сервер, скорость была ограничена до двух ботов. каждый бот одновременно собирал по две ссылки в секунду.

4. Установка поведения ботов. Система защиты сайтов идентифицировала как обычных пользователей, зашедших на данный сайт с браузера Google Chrome с компьютера под управлением операционной системы Windows 10.

5. Поиск определенных данных. Ввиду огромного объема данных на подобных сайтах был настроен специальный поиск нужных ссылок по ключевым словам, которым боты отдавали наивысший приоритет.

После настройки конфигурации была написана программа на Python 3.12, которая последовательно для каждого сайта запускала сбор данных в соответствии с настроенной конфигурацией. По итогам работы данного алгоритма для каждого сайта были собраны следующие файлы в формате csv: текст ссылок, внутренние ссылки, внешние ссылки с отображением

статусов ссылок (работает/не работает/доступ заблокирован), сведения об источнике и адресате ссылки, текст подсказки и др.

Поскольку аккаунты администраций и глав муниципальных образований расположены на платформе ВКонтакте, от предыдущего подхода сбора данных пришлось отказаться ввиду многоступенчатой и жесткой защиты платформы от ботов (система проверяет, насколько пользователь похож на человека, используя сложные зашифрованные системы сканирования, которые крайне сложно обойти). В связи с данной особенностью платформы использовалось API VK для разработчиков, которое при помощи специального ключа позволяет собирать открытые данные с очень высокой скоростью и без риска блокировки IP-адреса. Сбор данных осуществлялся за последний год в формате csv.

Для аккаунтов администраций муниципального образования были собраны следующие данные: описание группы, динамические виджеты группы, посты группы (ID поста, дата публикации поста, ссылка на пост, автоматически переведенный (если необходимо) текст поста с сохранением оригинального текста в отдельной колонке, опрос внутри поста, количество фото и их описания, количество видео и их описания, количество лайков, репостов, просмотров, комментариев под постом, индикатор, показывающий, что пост закреплен); комментарии под постами (ID поста, ID комментария, ID автора комментария, ID пользователя, которому отвечают на комментарий, дата комментария, автоматически переведенный (если необходимо) текст комментария с сохранением оригинального текста в отдельной колонке, количество лайков под комментарием, индикатор количества стикеров в комментарии, индикатор, показывающий, что комментарий является ответом владельца группы). Для аккаунтов глав муниципальных образований были собраны следующие данные: общая информация, количество друзей и подписчиков, посты пользователя (ID поста, дата публикации поста, ссылка на пост, автоматически переведенный

(если необходимо) текст поста с сохранением оригинального текста в отдельной колонке, опрос внутри поста, количество фото и их описания, количество видео и их описания, количество лайков, репостов, просмотров, комментариев под постом, индикатор, показывающий, что пост закреплен), комментарии под постами (ID поста, ID комментария, ID автора комментария, ID пользователя, которому отвечают на комментарий, дата комментария, автоматически переведенный (если необходимо) текст комментария с сохранением оригинального текста в отдельной колонке, количество лайков под комментарием, индикатор количества стикеров в комментарии, индикатор, показывающий, что комментарий является ответом владельца группы).

Обработка массивов данных осуществлялась в среде Python 3.12 с применением различных библиотек. В вычислительном плане использовались следующие методы: поиск по регулярным выражениям для семантического извлечения сущностей, фильтрация по расширениям файлов для обнаружения нормативных документов, а также обработка текстов через локальные LLM с использованием специализированных промптов для классификации. Процедура автоматического расчета индикаторов реализована через присвоение каждому набору признаков (наличие ключевых слов, специфических тегов, фактов взаимодействия) дискретного значения или балла согласно заданной шкале оценивания конкретного индекса. Результаты анализа представляют собой частные таблицы для каждого индекса с присвоенными баллами, списками релевантных ссылок и комментариями и три сводных таблицы.

Цифровой профиль сельского муниципального образования в настоящем диссертационном исследовании понимается как совокупность количественных и качественных характеристик представленности муниципального образования в цифровой среде, включая официальный сайт и аккаунты в социальных сетях, отражающих уровень технической

оснащенности, информационной открытости и интерактивности взаимодействия с населением. Данное определение расширяет традиционное понимание цифрового присутствия как простого наличия веб-ресурса, акцентируя внимание на функциональных и коммуникативных аспектах.

Эмпирический анализ официальных сайтов муниципальных образований позволяет выявить как общие закономерности, так и существенные межрегиональные различия в уровне цифрового развития. Результаты анализа официальных сайтов сельских муниципальных образований представлены в таблицах 6–10.

Таблица 6 – Оценка официальных сайтов сельских муниципальных образований по индикаторам доступности сетевого ресурса[264]

Субъект РФ	**Муниципальное образование**	**Наличие сайта**	**Адаптивность для мобильных устройств**	**Структура**
Волгоградская область	Ольховский район	1	1	2
	Городищенский район	2	1	2
	Клетский район	2	0	2
	Нехаевский район	1	0	2
Краснодарский край	Выселковский район	1	1	2
	Каневской район	2	1	2
	Динской район	1	1	2
	Отрадненский район	1	1	2
Республика Татарстан	Тюлячинский район	2	1	2
	Актанышский район	2	1	2
	Пестречинский район	2	1	1
	Атнинский район	2	1	2
Ростовская область	Мясниковский район	1	1	2
	Неклиновский район	2	0	2
	Дубовский район	1	0	2
	Весёловский район	2	0	2
Свердловская область	Камышловский район	1	0	2
	Слободо-Туринский район	1	1	2
	Байкаловский район	2	1	2
	Таборинский район	2	0	2
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2	0	2
	Первомайский муниципальный округ	1	1	2

[264] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 6

Субъект РФ	Муниципальное образование	Наличие сайта	Адаптивность для мобильных устройств	Структура
Ярославская область	Брейтовский муниципальный округ	2	0	2
	Некрасовский муниципальный округ	1	0	2

По индикатору «доступность и базовое функционирование» все обследованные муниципальные образования имеют действующие официальные сайты (таблица 6). Распределение оценок следующее: 13 муниципальных образований получили 2 балла, 11 муниципальных образований получили 1 балл. Муниципальных образований с неработающим или отсутствующим сайтом в выборке не зафиксировано. Наибольшее количество сайтов с оценкой 2 балла наблюдается в Республике Татарстан (4 из 4 муниципальных образований), с оценкой в 1 балл – в Краснодарском крае (3 из 4 муниципальных образований). В остальных регионах оценки распределились поровну, что указывает на сохраняющиеся проблемы с техническим качеством ресурсов даже при формальном их наличии.

По индикатору «адаптивность для мобильных устройств» ситуация значительно хуже (таблица 6). Из 24 муниципальных образований адаптированными под смартфоны оказались лишь 14. Остальные 10 муниципальных образований не имеют мобильной адаптации. Это существенный недостаток, учитывая, что, по данным исследования Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, значительная доля пользователей в сельской местности выходит в Интернет преимущественно через мобильные устройства[265]. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Краснодарском крае и Республике Татарстан, где все четыре муниципальных образования имеют адаптированные сайты.

[265] Кузина Л. С., Попов Е. В., Щербаков Р. А. Девять из десяти российских семей подключены к интернету // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: Phttps://issek.hse.ru/news/1038792738.html (дата обращения: 06.08.2026).

Наименее благополучные – Ростовская и Ярославская области, где только по одному муниципальному образованию имеют адаптированные сайты. В Волгоградской и Свердловской областях оценки распределились поровну.

По индикатору «наличие раздела с муниципальными программами и стратегиями» подавляющее большинство муниципальных образований (23 из 24) получили максимальные 2 балла (таблица 6). Лишь Пестречинский район Республики Татарстан получил 1 балл. Это свидетельствует о высоком уровне формального соответствия требованиям к размещению стратегических документов, однако содержательное наполнение не всегда соответствует ожидаемому уровню.

Таблица 7 – Оценка официальных сайтов сельских муниципальных образований по индикаторам интерактивности и сетевого взаимодействия[266]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Интернет-приемная	Публичные слушания	Реестр НКО и ТОС	Инициативное бюджетирование
Волгоградская область	Ольховский район	0	1	0	0
	Городищенский район	2	2	1	2
	Клетский район	2	2	1	1
	Нехаевский район	2	2	1	2
Краснодарский край	Выселковский район	1	2	2	0
	Каневской район	1	2	2	0
	Динской район	1	1	2	1
	Отрадненский район	2	2	1	1
Республика Татарстан	Тюлячинский район	2	1	1	0
	Актанышский район	2	2	1	0
	Пестречинский район	2	2	1	1
	Атнинский район	2	2	1	0
Ростовская область	Мясниковский район	1	2	2	1
	Неклиновский район	2	2	1	0
	Дубовский район	2	1	0	2
	Весёловский район	2	2	2	0
Свердловская область	Камышловский район	1	2	2	0
	Слободо-Туринский район	2	1	1	0
	Байкаловский район	2	1	0	1
	Таборинский район	1	2	2	1
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2	2	1	1
	Первомайский муниципальный округ	1	2	1	0

[266] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 7

Субъект РФ	Муниципальное образование	Интернет-приемная	Публичные слушания	Реестр НКО и ТОС	Инициативное бюджетирование
	Брейтовский муниципальный округ	1	2	1	0
	Некрасовский муниципальный округ	2	2	0	0

По индикатору «наличие интернет-приемной» результаты демонстрируют значительную вариативность (таблица 7). Максимальные 2 балла получили 15 муниципальных образований. Восемь муниципальных образований получили по 1 баллу, что свидетельствует о наличии базовой контактной информации и отсутствии полноценной интерактивной формы обратной связи. Лишь в Ольховском районе Волгоградской области интернет-приемная отсутствует. При этом следует отметить, что даже в муниципальных образованиях с максимальной оценкой форма обратной связи часто реализована через сторонние государственные интернет-ресурсы (Госуслуги), а не через собственные формы на сайте. Важно отметить, что формальное наличие интернет-приемной не всегда означает ее реальную работоспособность и оперативную реакцию на обращения.

По индикатору «освещение публичных слушаний» максимальные 2 балла получили 18 муниципальных образований (таблица 7). Оценку 1 балл получили шесть муниципальных образований. Наиболее системно публичные слушания освещаются в Ярославской области (все 4 муниципальных образования получили 2 балла).

Разделы, посвященные ТОС и НКО, представлены менее равномерно. Полноценные разделы с реестрами имеют 7 муниципальных образований, разделы с общей документацией или упоминания в новостях – 13 муниципальных образований, отсутствуют соответствующие разделы у 4 муниципальных образований. Наиболее низкие показатели по данному индикатору демонстрируют Ольховский район Волгоградской области, Дубовский район Ростовской области, Байкаловский район Свердловской

области и Некрасовский муниципальный округ Ярославской области (таблица 7).

Раздел инициативного бюджетирования присутствует у 11 муниципальных образований, причем только два из них (Нехаевский район Волгоградской области и Неклиновский район Ростовской области) имеют разделы с голосованием и фотоотчетами (таблица 7). Остальные 13 муниципальных образований либо не имеют соответствующего раздела, либо ограничиваются новостями и положениями о конкурсе. Наибольшее количество муниципальных образований с оценкой 0 баллов зафиксировано в Ярославской области (3 муниципальных образования). Несмотря на активное внедрение практик инициативного бюджетирования на федеральном уровне, их цифровое отражение на сайтах сельских муниципальных образований остается недостаточным.

Таблица 8 – Оценка официальных сайтов сельских муниципальных образований по индикаторам наличия социальных сетей[267]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Наличие социальных сетей
Волгоградская область	Ольховский район	2
	Городищенский район	2
	Клетский район	2
	Нехаевский район	2
Краснодарский край	Выселковский район	2
	Каневской район	2
	Динской район	1
	Отрадненский район	2
Республика Татарстан	Тюлячинский район	2
	Актанышский район	2
	Пестречинский район	2
	Атнинский район	2
Ростовская область	Мясниковский район	2
	Неклиновский район	2
	Дубовский район	2
	Весёловский район	2
Свердловская область	Камышловский район	2
	Слободо-Туринский район	2
	Байкаловский район	2
	Таборинский район	2

[267] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 8

Субъект РФ	Муниципальное образование	Наличие социальных сетей
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2
	Первомайский муниципальный округ	2
	Брейтовский муниципальный округ	2
	Некрасовский муниципальный округ	2

По индикатору «наличие социальных сетей у администраций и глав муниципальных образований» максимальные 2 балла получили 23 из 24 муниципальных образований. Оценку 1 балл получил только Динской район Краснодарского края, так как у главы муниципального образования отсутствуют аккаунты в социальных сетях (таблица 8).

Таблица 9 – Оценка официальных сайтов сельских муниципальных образований по индикаторам экономического и аграрного блока[268]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Инвестиции/АПК	Карта территории
Волгоградская область	Ольховский район	1	2
	Городищенский район	1	2
	Клетский район	2	2
	Нехаевский район	1	0
Краснодарский край	Выселковский район	2	0
	Каневской район	2	2
	Динской район	1	2
	Отрадненский район	1	0
Республика Татарстан	Тюлячинский район	1	0
	Актанышский район	1	1
	Пестречинский район	1	0
	Атнинский район	1	0
Ростовская область	Мясниковский район	1	2
	Неклиновский район	2	2
	Дубовский район	1	0
	Весёловский район	2	2
Свердловская область	Камышловский район	1	0
	Слободо-Туринский район	1	1
	Байкаловский район	2	2
	Таборинский район	1	2
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2	0
	Первомайский муниципальный округ	1	2

[268] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 9

Субъект РФ	Муниципальное образование	Инвестиции/АПК	Карта территории
Ярославская область	Брейтовский муниципальный округ	2	2
	Некрасовский муниципальный округ	1	2

Разделы, посвященные инвестициям, сельскому хозяйству, присутствуют у всех исследуемых муниципальных образований (таблица 9). Однако качество их наполнения варьируется. Восемь муниципальных образований получили 2 балла и имеют информацию о грантах, конкурсах и мерах поддержки, тогда как 16 муниципальных образований ограничиваются наличием разделов без актуальной информации о мерах поддержки.

С наличием интерактивных карт ситуация сложилась хуже. Полноценные интерактивные карты имеют 13 муниципальных образований, 2 муниципальных образования – карты в виде изображений и 9 муниципальных образований не имеют никакой карты (таблица 9). Наиболее высокие показатели в Волгоградской, Ростовской и Ярославской областях (3 из 4 муниципальных образований имеют интерактивную карту). Наименее высокие показатели в Республике Татарстан (1 муниципальное образование имеет карту в виде изображения и 3 муниципальных образования не имеют карты).

Таблица 10 – Медианные значения официальных сайтов по 10 индикаторам[269]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Медиана
Волгоградская область	Ольховский район	1
	Городищенский район	2
	Клетский район	2
	Нехаевский район	1,5
Краснодарский край	Выселковский район	1,5
	Каневской район	2
	Динской район	1
	Отрадненский район	1
Республика Татарстан	Тюлячинский район	1
	Актанышский район	1,5

[269] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 10

Субъект РФ	Муниципальное образование	Медиана
Республика Татарстан	Пестречинский район	1
	Атнинский район	1,5
Ростовская область	Мясниковский район	1,5
	Неклиновский район	2
	Дубовский район	1
	Весёловский район	2
Свердловская область	Камышловский район	1
	Слободо-Туринский район	1
	Байкаловский район	2
	Таборинский МР	2
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2
	Первомайский муниципальный округ	1
	Брейтовский муниципальный округ	2
	Некрасовский муниципальный округ	1,5

Медианные значения по всем 10 индикаторам для каждого муниципального образования варьируются от 1 до 2 баллов (таблица 10). Муниципальные образования с медианой 2 (9 из 24) демонстрируют относительно высокий уровень развития официальных сайтов. Шесть муниципальных образований имеют медиану 1,5, девять муниципальных образований – 1. Необходимо учитывать, что медиана 2 при десяти индикаторах не означает отсутствие проблем. Она отражает скорее сбалансированность показателей на среднем уровне. Так, муниципальные образования с медианой 2 могут иметь нулевые значения по отдельным индикаторам (например, по мобильной адаптации, инициативному бюджетированию, публичным слушаниям).

Присутствие в социальных сетях является неотъемлемым компонентом цифрового профиля современного муниципального образования. Как отмечается в исследовании ВЦИОМ, государственные паблики служат основным каналом связи между жителями и государством и являются значимой частью государственной информационной политики[270]. С 2022 года ведение государственных пабликов в Российской Федерации закреплено

[270] Паблики с приставкой «гос». ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pabliki-s-pristavkoi-gos (дата обращения: 06.08.2026).

законодательно[271]. В соответствии с установленным порядком, главной площадкой для обратной связи с населением определена социальная сеть «ВКонтакте», где созданы аккаунты всех региональных и муниципальных органов власти[272]. Результаты анализа официальных сайтов сельских муниципальных образований представлены в таблицах 11–15.

Таблица 11 – Оценка официальных аккаунтов администраций сельских муниципальных образований по индикаторам присутствия в социальных сетях и частоте публикаций[273]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Наличие официальной страницы	Платформы	Периодичность публикаций
Волгоградская область	Ольховский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Городищенский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Клетский район	2	VK, TG, MAX	3
	Нехаевский район	2	VK, MAX	3
Краснодарский край	Выселковский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Каневской район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Динской район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Отрадненский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
Республика Татарстан	Тюлячинский район	1	VK	3
Республика Татарстан	Актанышский район	2	VK, MAX	3
	Пестречинский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Атнинский район	2	VK, MAX	3
Ростовская область	Мясниковский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Неклиновский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Дубовский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Весёловский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
Свердловская область	Камышловский район	2	VK, OK, MAX	3
	Слободо-Туринский район	1	VK	3

[271] Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» : Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 270-ФЗ // Консультант Плюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421796/ (дата обращения: 06.08.2026).

[272] Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02 сентября 2022 года № 2523-р // Консультант Плюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425889/ (дата обращения 06.08.2026)

[273] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 11

Субъект РФ	Муниципальное образование	Наличие официальной страницы	Платформы	Периодичность публикаций
Свердловская область	Байкаловский район	2	VK, TG, MAX	3
	Таборинский район	2	VK, MAX	3
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2	VK, OK, MAX	3
	Первомайский муниципальный округ	2	VK, OK, MAX	3
	Брейтовский муниципальный округ	2	VK, TG, MAX	3
	Некрасовский муниципальный округ	2	VK, OK, MAX	3

Все 24 муниципальных образования имеют официальные страницы в социальной сети ВКонтакте, при этом 22 муниципальных образования имеют аккаунты в двух и более социальных сетях (максимальная оценка 2 балла) (таблица 11). Только Тюлячинский район Республики Татарстан и Слободо-Туринский Свердловской области ограничиваются только ВКонтакте (1 балл). Наиболее распространенными дополнительными платформами являются MAX (22 МО), Одноклассники (15 МО) и Telegram (14 МО). Таким образом, в части диверсификации социальных сетей сельские муниципальные образования демонстрируют достаточно высокий уровень.

Таблица 12 – Оценка официальных аккаунтов администраций сельских муниципальных образований по индикаторам содержательного наполнения аккаунтов[274]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Доля постов о решении конкретных проблем граждан	Освещение проектов соучастия
Волгоградская область	Ольховский район	1	1
	Городищенский район	1	2
	Клетский район	1	1
	Нехаевский район	2	1
Краснодарский край	Выселковский район	1	2
	Каневской район	0	2
	Динской район	1	2
	Отрадненский район	1	1
Республика Татарстан	Тюлячинский район	1	2
	Актанышский район	1	0

[274] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 12

Субъект РФ	Муниципальное образование	Доля постов о решении конкретных проблем граждан	Освещение проектов соучастия
Республика Татарстан	Пестречинский район	2	2
	Атнинский район	0	2
Ростовская область	Мясниковский район	1	1
	Неклиновский район	1	2
	Дубовский район	2	2
	Весёловский район	0	2
Свердловская область	Камышловский район	1	1
	Слободо-Туринский район	2	1
	Байкаловский район	2	1
	Таборинский район	2	1
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	0	2
	Первомайский муниципальный округ	0	1
	Брейтовский муниципальный округ	0	2
	Некрасовский муниципальный округ	0	2

Частота публикаций, рассчитанная как медиана количества постов в неделю, у всех муниципальных образований превышает 3 поста в неделю, что соответствует максимальной оценке 3 балла (таблица 12). Данный показатель свидетельствует о выполнении минимальных нормативных требований к активности государственных пабликов, но содержательное наполнение и интерактивность публикаций существенно варьируются.

Доля постов о решении конкретных проблем граждан варьируется. Оценку 2 балла получили 6 муниципальных образований, 11 муниципальных образований ограничиваются разовыми упоминаниями (1 балл), 7 муниципальных образований не имеют упоминаний (0 баллов). Наиболее часто информация о решении конкретных проблем освещается в Свердловской области (3 МО получили 2 балла, 1 МО – 1 балл). Оценку 0 баллов получили все муниципальные образования Ярославской области, в пабликах которых нет упоминаний о решении проблем граждан.

Оценка системности освещения проектов соучастия показывает, что 13 муниципальных образований имеют отдельные рубрики и публикуют результаты (2 балла), 10 муниципальных образований ограничиваются

разовыми упоминаниями (1 балл) (таблица 12). Лишь в паблике Актанышского района Республики Татарстан нет упоминаний (0 баллов). При этом алгоритм автоматически повышал балл при обнаружении закрепленных постов, опросов или маркеров результатов голосования (итоги голосования, подвели итоги, завершилось голосование и др.). Наиболее системно проекты соучастия освещаются в Краснодарском крае, Ярославской и Ростовской областях (по 3 МО получили 2 балла, по 1 МО – 1 балл).

Таблица 13 – Оценка официальных аккаунтов администраций сельских муниципальных образований по индикаторам интерактивности и обратной связи[275]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Реакция на комментарии	Тональность комментариев
Волгоградская область	Ольховский район	0	протестная
	Городищенский район	2	поддерживающая
	Клетский район	0	протестная
	Нехаевский район	2	поддерживающая
Краснодарский край	Выселковский район	3	протестная
	Каневской район	3	поддерживающая
	Динской район	3	протестная
	Отрадненский район	2	протестная
Республика Татарстан	Тюлячинский район	1	поддерживающая
	Актанышский район	1	поддерживающая
	Пестречинский район	3	протестная
	Атнинский район	0	поддерживающая
Ростовская область	Мясниковский район	3	протестная
	Неклиновский район	3	протестная
	Дубовский район	3	конструктивная
	Весёловский район	2	поддерживающая
Свердловская область	Камышловский район	3	протестная
	Слободо-Туринский район	1	поддерживающая
	Байкаловский район	2	протестная
	Таборинский район	0	поддерживающая
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	3	поддерживающая
	Первомайский муниципальный округ	3	протестная
	Брейтовский муниципальный округ	2	протестная
	Некрасовский муниципальный округ	2	протестная

[275] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Индикатор реакции на комментарии рассчитывался на основе комментариев от владельца группы в общем количестве комментариев. Результаты демонстрируют значительную дифференциацию: 10 муниципальных образований получили максимальную оценку 3 балла, 7 – 2 балла, 3 – 1 балл, 4 – 0 баллов (таблица 13). Наиболее высокие показатели демонстрируют муниципальные образования Краснодарского края (Выселковский, Каневской, Динской районы – 3 балла, Отрадненский – 2 балла), Ростовской (Мясниковский, Неклиновский, Дубовский районы – 3 балла, Весёловский – 2 балла) и Ярославской (Большесельский, Первомайский муниципальные округа – 3 балла, Брейтовский и Некрасовский – 2 балла) областей. Наиболее низкие показатели зафиксированы в Волгоградской области (Городищенский, Нехаевский районы – 2 балла, Ольховский, Клетский – 0 баллов). Данный индикатор является важным показателем реальной вовлеченности органов местного самоуправления в диалог с населением. Его низкие значения свидетельствуют о том, что во многих муниципалитетах социальные сети используются преимущественно для односторонней трансляции информации.

Анализ тональности комментариев, осуществленный с использованием больших языковых моделей по трем категориям (протестная, поддерживающая и конструктивная) показывает, что наиболее распространенным типом тональности является протестная – 13 муниципальных образований (таблица 13). Поддерживающая тональность преобладает в 10 муниципальных образованиях. Конструктивная тональность зафиксирована лишь в Дубовском районе Ростовской области. Данное распределение может свидетельствовать о том, что социальные сети воспринимаются жителями преимущественно как канал для выражения недовольства, а не для конструктивного диалога.

Таблица 14 – Медианные значения показателей вовлеченности аудитории в аккаунтах администраций сельских муниципальных образований[276]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Всего постов	Медиана лайков	Медиана репостов	Медиана просмотров	Медиана комментариев
Волгоградская область	Ольховский район	1928	3	0	129	0
	Городищенский район	1394	20	0	477,5	5
	Клетский район	1158	0	0	129	0
	Нехаевский район	1110	1	0	70	0
Краснодарский край	Выселковский район	947	1	1	302	0
	Каневской район	2222	17	1	1373,5	0
	Динской район	3838	11	0	548	0
	Отрадненский район	761	0	0	184	0
Республика Татарстан	Тюлячинский район	942	6	0	740	0
	Актанышский район	1295	3	0	1228	0
	Пестречинский район	1147	7	0	2107	0
	Атнинский район	321	0	0	325	0
Ростовская область	Мясниковский район	653	3	0	282	0
	Неклиновский район	1570	7	1	346	1
	Дубовский район	977	1	0	68	0
	Весёловский район	1251	1	0	246	0
Свердловская область	Камышловский район	1387	1	0	346	0
	Слободо-Туринский район	1109	1	0	250	0
	Байкаловский район	700	1	0	198	0
	Таборинский район	692	1	0	147	0
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2412	5	0	351	0
	Первомайский муниципальный округ	998	2	0	681,5	0
	Брейтовский муниципальный округ	1623	5	0	1259	0
	Некрасовский муниципальный округ	1515	3	0	1014	0

Медианные значения лайков, репостов и комментариев под постами позволяют оценить реальный уровень интереса аудитории к контенту

[276] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

муниципальных образований (таблица 14). Анализ показывает значительную дифференциацию. Медиана лайков варьируется от 0 (Клетский район Волгоградской области, Отрадненский район Краснодарского края и Атнинский район Республики Татарстан) до 20 (Городищенский район Волгоградской области) и 17 (Каневской район Краснодарского края). Медиана репостов в подавляющем большинстве аккаунтов муниципальных образований равна 0, что свидетельствует о низком уровне распространения контента. Лишь в трех муниципальных образованиях (Выселковский и Каневской районы Краснодарского края, Неклиновский район Ростовской области) медиана репостов составляет 1. Медиана просмотров демонстрирует значительный разброс: от 68 в Дубовском районе Ростовской области до 2107 в Пестречинском районе Республики Татарстан. Медиана комментариев во всех муниципалитетах равна 0, за исключением Городищенского района Волгоградской области (5) и Неклиновского района Ростовской области (1). Это означает, что в подавляющем большинстве сельских муниципальных образований посты не вызывают комментариев. Данный факт свидетельствует о низкой вовлеченности аудитории или о недостаточно эффективной медиакоммуникационной стратегии.

Таблица 15 – Оценка официальных аккаунтов администраций сельских муниципальных образований по индикаторам символической политики и имиджа, интеграции с официальным сайтом и платформами[277]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Стиль коммуникации главы	Использование визуальных материалов	Наличие ссылок на официальный сайт, Госуслуги
Волгоградская область	Ольховский район	формально-отчетный	2	1/1
	Городищенский район	формально-отчетный	2	1/1
	Клетский район	формально-отчетный	2	1/1
	Нехаевский район	формально-отчетный	2	1/1
Краснодарский край	Выселковский район	формально-отчетный	1	0/1
	Каневской район	партнерский	1	1/1
	Динской район	формально-отчетный	1	1/1
	Отрадненский район	формально-отчетный	1	1/1
Республика Татарстан	Тюлячинский район	формально-отчетный	1	1/1

[277] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 15

Субъект РФ	Муниципальное образование	Стиль коммуникации главы	Использование визуальных материалов	Наличие ссылок на официальный сайт, Госуслуги
Республика Татарстан	Актанышский район	формально-отчетный	1	1/1
	Пестречинский район	формально-отчетный	2	1/1
	Атнинский район	формально-отчетный	1	1/1
Ростовская область	Мясниковский район	формально-отчетный	1	1/1
	Неклиновский район	формально-отчетный	2	1/1
	Дубовский район	формально-отчетный	2	1/1
	Весёловский район	партнерский	2	1/1
Свердловская область	Камышловский район	проблемно-ориентированный	2	1/1
	Слободо-Туринский район	проблемно-ориентированный	2	1/1
	Байкаловский район	формально-отчетный	1	1/1
	Таборинский район	формально-отчетный	1	1/1
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	партнерский	2	1/1
	Первомайский муниципальный округ	партнерский	2	1/1
Ярославская область	Брейтовский муниципальный округ	партнерский	2	1/1
	Некрасовский муниципальный округ	партнерский	2	1/1

Анализ стиля коммуникации, также проведенный с использованием больших языковых моделей, выявил доминирование формально-отчетного стиля (16 муниципальных образований) (таблица 15). Партнерский стиль зафиксирован в 6 муниципальных образованиях, проблемно-ориентированный – в 2 (Камышловский и Слободо-Туринский районы Свердловской области). Данные результаты свидетельствуют о том, что коммуникация органов местного самоуправления в социальных сетях носит преимущественно односторонний, информационно-отчетный характер, что ограничивает потенциал социальных сетей как инструмента диалога с населением.

Индикатор мультимедийности контента оценивает долю постов с медиа (фото, видео, прямые эфиры) (таблица 15). Результаты показывают, что 14 муниципальных образований регулярно используют прямые эфиры и видеообращения (2 балла). Десять муниципальных образований в своих

постах в основном используют фотоматериалы. Наиболее высокие показатели зафиксированы в Волгоградской и Ярославской областях (все 4 МО регулярно используют прямые эфиры и видеообращения). Наличие визуального контента положительно коррелирует с уровнем вовлеченности аудитории.

Индикатор наличия ссылки на сайт и виджета Госуслуг представляет собой бинарный показатель, который оценивает наличие ссылки на официальный сайт в описании аккаунта и наличие виджета Госуслуг для отправки обращений (таблица 15). Результаты показывают, что в 23 из 24 аккаунтов муниципальных образований имеют ссылку на официальный сайт в описании (отсутствует у Выселковского района Краснодарского края). Наличие виджета Госуслуг зафиксировано у всех 24 аккаунтов муниципальных образований. Это свидетельствует о высоком уровне интеграции с официальными ресурсами.

Отдельного анализа заслуживает присутствие в социальных сетях глав муниципальных образований. В исследованиях фиксируется, что персональные характеристики глав муниципальных образований оказывают влияние на активность госпабликов, а наличие личного блога у главы рассматривается как дополнительный канал коммуникации с населением[278]. Результаты анализа аккаунтов глав сельских муниципальных образований представлены в таблицах 16–20.

Таблица 16 – Оценка официальных аккаунтов глав сельских муниципальных образований по индикаторам присутствия в социальных сетях и частоте публикаций[279]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Наличие официальной страницы	Платформы	Периодичность публикаций
Волгоградская область	Ольховский район	2	VK, MAX	3
	Городищенский район	2	VK, MAX	3
	Клетский район	2	VK, MAX	2

[278] Олухов Н. В. Анализ вовлеченности пользователей официальных страниц глав муниципальных образований в социальной сети «ВКонтакте» // Управленческое консультирование. 2025. № 3(189). С. 25–39.

[279] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 16

Субъект РФ	Муниципальное образование	Наличие официальной страницы	Платформы	Периодичность публикаций
Волгоградская область	Нехаевский район	1	VK	2
Краснодарский край	Выселковский район	2	VK, TG	3
	Каневской район	2	VK, TG, VK	3
	Динской район	0	0	0
	Отрадненский район	2	VK, MAX	3
Республика Татарстан	Тюлячинский район	1	VK	3
	Актанышский район	2	VK, MAX	3
	Пестречинский район	2	VK, TG	3
	Атнинский район	2	VK, MAX	3
Ростовская область	Мясниковский район	2	VK, TG, MAX	2
	Неклиновский район	2	VK, TG, OK, MAX	3
	Дубовский район	1	VK	2
	Весёловский район	1	VK	3
Свердловская область	Камышловский район	2	VK, TG	3
	Слободо-Туринский район	2	VK, MAX	3
	Байкаловский район	2	VK, MAX	3
	Таборинский район	1	VK	2
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2	VK, TG, MAX	3
	Первомайский муниципальный округ	2	VK, TG, OK	3
	Брейтовский муниципальный округ	1	VK	3
	Некрасовский муниципальный округ	2	VK, TG, OK	3

Из 24 обследованных муниципальных образований 23 имеют аккаунты глав в социальных сетях. Единственным исключением является Динской район Краснодарского края, где аккаунт главы в социальных сетях отсутствует. Наиболее распространенной платформой является ВКонтакте. Дополнительно главы сельских муниципальных образований используют MAX (11 аккаунтов), Одноклассники (4 аккаунта) и Telegram (10 аккаунтов). Аккаунт только в социальной сети ВКонтакте имеют 6 глав. В целом главы муниципальных образований демонстрируют несколько меньшую диверсификацию социальных сетей по сравнению с администрациями.

Медианная частота публикаций глав варьируется. 18 глав публикуют более 3 постов в неделю (3 балла), 5 глав – 1–3 поста в неделю (2 балла). В

основном частота публикаций глав муниципальных образований сопоставима с частотой публикаций администраций, однако качественный состав постов существенно различается.

Таблица 17 – Оценка официальных аккаунтов глав сельских муниципальных образований по индикаторам и содержательного наполнения аккаунтов[280]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Доля постов о решении конкретных проблем граждан	Освещение проектов соучастия
Волгоградская область	Ольховский район	0	1
	Городищенский район	0	1
	Клетский район	2	0
	Нехаевский район	0	0
Краснодарский край	Выселковский район	1	2
	Каневской район	1	2
	Динской район	0	0
	Отрадненский район	2	2
Республика Татарстан	Тюлячинский район	0	0
	Актанышский район	0	0
	Пестречинский район	2	0
	Атнинский район	0	0
Ростовская область	Мясниковский район	1	1
	Неклиновский район	1	1
	Дубовский район	2	1
	Весёловский район	0	0
Свердловская область	Камышловский район	1	1
	Слободо-Туринский район	1	1
	Байкаловский район	1	1
	Таборинский район	0	0
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2	1
	Первомайский муниципальный округ	1	1
	Брейтовский муниципальный округ	1	1
	Некрасовский муниципальный округ	2	2

Доля постов глав, посвященных решению конкретных проблем, ниже, чем у администраций. Лишь 5 глав получили 3 балла, 11 глав – 2 балла и 10 глав – 0 баллов (таблица 17). Наиболее высокие показатели у глав муниципальных образований из Ярославской области (2 МО – 2 балла, 2 МО

[280] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

– 1 балл), наиболее низкие – в Волгоградской области и Республике Татарстан (1 МО – 2 балла, 3 МО – 0 баллов).

У глав муниципальных образований показатель освещения проектов соучастия значительно ниже, чем у администраций (таблица 17). Лишь 4 аккаунта глав получили 2 балла (Выселковский, Каневской и Отрадненский районы Краснодарского края, Некрасовский муниципальный округ Ярославской области). 11 аккаунтов глав получили 1 балл, 9 аккаунтов глав – 0 баллов. Это может свидетельствовать о том, что освещение проектов соучастия воспринимается как функция администрации муниципального образования, а не главы.

Таблица 18 – Оценка официальных аккаунтов глав сельских муниципальных образований по индикаторам интерактивности и обратная связь[281]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Реакция на комментарии	Тональность комментариев
Волгоградская область	Ольховский район	0	протестная
	Городищенский район	0	поддерживающая
	Клетский район	0	поддерживающая
	Нехаевский район	3	конструктивная
Краснодарский край	Выселковский район	0	нет комментариев
	Каневской район	1	конструктивная
	Динской район	0	нет аккаунта
	Отрадненский район	0	поддерживающая
Республика Татарстан	Тюлячинский район	0	поддерживающая
	Актанышский район	1	поддерживающая
	Пестречинский район	2	поддерживающая
	Атнинский район	0	поддерживающая
Ростовская область	Мясниковский район	0	поддерживающая
	Неклиновский район	0	конструктивная
	Дубовский район	0	конструктивная
	Весёловский район	2	конструктивная
Свердловская область	Камышловский район	2	протестная
	Слободо-Туринский район	0	поддерживающая
	Байкаловский район	1	поддерживающая
	Таборинский район	0	протестная
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	2	поддерживающая
	Первомайский муниципальный округ	1	поддерживающая
	Брейтовский муниципальный округ	0	нет комментариев
	Некрасовский муниципальный округ	1	конструктивная

[281] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

По индикатору реакции на комментарии ситуация более неблагополучная, чем у аккаунтов администраций (таблица 18). Оценку 3 балла получил только аккаунт главы Нехаевского района Волгоградской области. Четыре аккаунта глав получили 2 балла, пять аккаунтов глав – 1 балл и 14 аккаунтов глав – 0 баллов. Это указывает на крайне низкий уровень диалоговой активности глав муниципальных образований в социальных сетях.

В отличие от аккаунтов администраций, где доминирует протестная тональность, в аккаунтах глав доминирует поддерживающая (зафиксирована в 12 случаях) (таблица 18). Конструктивная тональность зафиксирована в 6 случаях, протестная – в 3. В 2 аккаунтах комментарии отсутствуют. Данное различие может свидетельствовать о том, что граждане воспринимают аккаунты глав муниципальных образований как канал для выражения поддержки и благодарности, а аккаунты администраций – как канал для критики и жалоб.

Таблица 19 – Медианные значения показателей вовлеченности аудитории в аккаунтах глав сельских муниципальных образований[282]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Всего постов	Медиана лайков	Медиана репостов	Медиана просмотров	Медиана комментариев
Волгоградская область	Ольховский район	187	27	0	1512	0
	Городищенский район	221	48	1	1738	0
	Клетский район	67	34	0	1996	0
	Нехаевский район	72	17,5	0	746	0
Краснодарский край	Выселковский район	213	12	2	682	0
	Каневской район	273	14	1	1076	0
	Динской район	–	–	–	–	–
	Отрадненский район	1193	13	0	1009	0
Республика Татарстан	Тюлячинский район	1319	12	0	529	0
	Актанышский район	288	31,5	1	1651	1
	Пестречинский район	212	13	1	948,5	0
	Атнинский район	252	36,5	0	1288,5	0

[282] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 19

Субъект РФ	Муниципальное образование	Всего постов	Медиана лайков	Медиана репостов	Медиана просмотров	Медиана комментариев
Ростовская область	Мясниковский район	100	19	1	897	0
	Неклиновский район	243	3	0	118	0
	Дубовский район	52	5	0	241	0
	Весёловский район	190	14	0	652	0
Свердловская область	Камышловский район	307	21	0	1039	0
	Слободо-Туринский район	425	8	0	509	0
	Байкаловский район	193	28	0	938	0
	Таборинский район	33	7	0	162	0
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	319	27	1	1683	0
	Первомайский муниципальный округ	448	16	1	1528,5	0
	Брейтовский муниципальный округ	335	53	3	2957	0
	Некрасовский муниципальный округ	785	17	1	1377	0

Медианные значения лайков под постами глав варьируются от 3 (Неклиновский район Волгоградской области) до 53 (Брейтовский муниципальный округ Ярославской области) (таблица 19). Медиана репостов в большинстве случаев равна 0, за исключением 7 аккаунтов глав, где она равна 1, и 1 аккаунта главы – 3. Медиана просмотров варьируется от 118 (Неклиновский район Ростовской области) до 2957 (Брейтовский муниципальный округ Ярославской области). Медиана комментариев почти во всех случаях равна 0, за исключением аккаунта главы Актанышского района Республики Татарстан. Аккаунты глав муниципальных образований демонстрируют более высокие показатели просмотров по сравнению с аккаунтами администраций, но столь же низкий уровень комментариев.

Таблица 20 – Оценка официальных аккаунтов глав сельских муниципальных образований по индикаторам символической политики и имиджа, интеграции с официальным сайтом и платформами[283]

Субъект РФ	Муниципальное образование	Стиль коммуникации главы	Использование визуальных материалов	Наличие ссылок на официальный сайт, Госуслуги
Волгоградская область	Ольховский район	проблемно-ориентированный	1	0
	Городищенский район	партнерский	1	0
	Клетский район	формально-отчетный	1	0
Волгоградская область	Нехаевский район	формально-отчетный	1	0
Краснодарский край	Выселковский район	формально-отчетный	1	0
	Каневской район	формально-отчетный	1	0
	Динской район	нет аккаунта	0	0
	Отрадненский район	формально-отчетный	2	0
Республика Татарстан	Тюлячинский район	формально-отчетный	2	0
	Актанышский район	формально-отчетный	1	0
	Пестречинский район	партнерский	2	0
	Атнинский район	формально-отчетный	1	0
Ростовская область	Мясниковский район	партнерский	0	0
	Неклиновский район	партнерский	2	0
	Дубовский район	формально-отчетный	1	0
	Весёловский район	формально-отчетный	2	0
Свердловская область	Камышловский район	формально-отчетный	2	0
	Слободо-Туринский район	формально-отчетный	2	0
	Байкаловский район	формально-отчетный	2	0
	Таборинский район	формально-отчетный	0	0
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	формально-отчетный	1	0
	Первомайский муниципальный округ	формально-отчетный	2	0
	Брейтовский муниципальный округ	проблемно-ориентированный	1	0
	Некрасовский муниципальный округ	формально-отчетный	2	0

У глав муниципальных образований, как и у администраций, доминирует формально-отчетный стиль коммуникации (17 аккаунтов) (таблица 20). Партнерский стиль зафиксирован у 4 глав (Городищенский район Волгоградской области, Пестречинский район Республики Татарстан, Мясниковский и Неклиновский районы Ростовской области), проблемно-ориентированный стиль – у 2 (Ольховский район Волгоградской области, Брейтовский муниципальный округ Ярославской области).

[283] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования

У глав муниципальных образований показатель мультимедийности контента ниже, чем у администраций (таблица 20). Оценку 2 балла получили 10 аккаунтов глав, 1 балл – 11 аккаунтов глав, 0 баллов – 2 аккаунта глав. Наиболее высокие показатели зафиксированы у аккаунтов глав Свердловской области (3 из 4 МО получили 2 балла).

Важной особенностью является то, что ни один глава не имеет в своем аккаунте ссылки на официальные сайты муниципальных образований и виджета Госуслуг (таблица 20). Это свидетельствует о том, что аккаунты глав муниципальных образований в меньшей степени интегрированы с официальными ресурсами муниципальных образований, что снижает их функциональность как инструмента публичного управления.

Для обобщения результатов по каждому муниципальному образованию был рассчитан интегральный показатель (сумма баллов по всем индикаторам официального сайта и социальных сетей администраций и глав муниципальных образований) (таблица 21).

Таблица 21 – Итоговые оценки цифровых профилей сельских муниципальных образований (суммарный балл по всем индикаторам официального сайта и аккаунтов администраций и глав муниципальных образований)[284]

Субъект РФ	**Муниципальное образование**	**Итоговая оценка**
Волгоградская область	Ольховский муниципальный район	35
	Городищенский муниципальный район	48
	Клетский муниципальный район	41
	Нехаевский муниципальный район	43
Краснодарский край	Выселковский муниципальный район	40
	Каневской муниципальный район	50
	Динской муниципальный район	31
	Отрадненский муниципальный район	43
Республика Татарстан	Тюлячинский муниципальный район	37
	Актанышский муниципальный район	39
	Пестречинский муниципальный район	49
	Атнинский муниципальный район	37
Ростовская область	Мясниковский муниципальный район	43
	Неклиновский муниципальный район	49

[284] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Продолжение таблицы 21

Субъект РФ	Муниципальное образование	Итоговая оценка
Ростовская область	Дубовский муниципальный район	44
	Весёловский муниципальный район	48
Свердловская область	Камышловский муниципальный район	43
	Слободо-Туринский муниципальный район	42
	Байкаловский муниципальный район	45
	Таборинский муниципальный район	36
Ярославская область	Большесельский муниципальный округ	49
	Первомайский муниципальный округ	45
	Брейтовский муниципальный округ	42
	Некрасовский муниципальный округ	47

Наибольшие суммарные значения получили Каневской район Краснодарского края (50), Большесельский муниципальный округ Ярославской области (49), Неклиновский район Ростовской области (49), Пестречинский район Республики Татарстан (49). Наименьшее значение – у Динского района Краснодарского края. Региональный разброс свидетельствует о том, что лидерские позиции занимают муниципалитеты разных субъектов РФ, что не позволяет говорить о безусловном преимуществе какого-либо одного региона. Однако внутрирегиональная вариативность также значительна. Например, в Волгоградской области разница между Городищенским (48) и Ольховским (35) районами составляет 13 баллов, в Краснодарском крае – между Каневским (50) и Динским (31) районами 19 баллов. Это обстоятельство указывает на важность локальных факторов (кадровый потенциал, активность руководства, институциональные условия) в формировании цифрового профиля.

Интегральный индекс цифрового присутствия позволил классифицировать цифровые профили сельских муниципальных образований по трем группам: высокий уровень цифрового развития (45–50 баллов), средний уровень цифрового развития (40–44 балла) и низкий уровень цифрового развития (менее 40 баллов) (рисунок 6). Данная классификация позволяет выявить закономерности, характерные для каждой группы, что имеет значение для дифференциации управленческих решений.

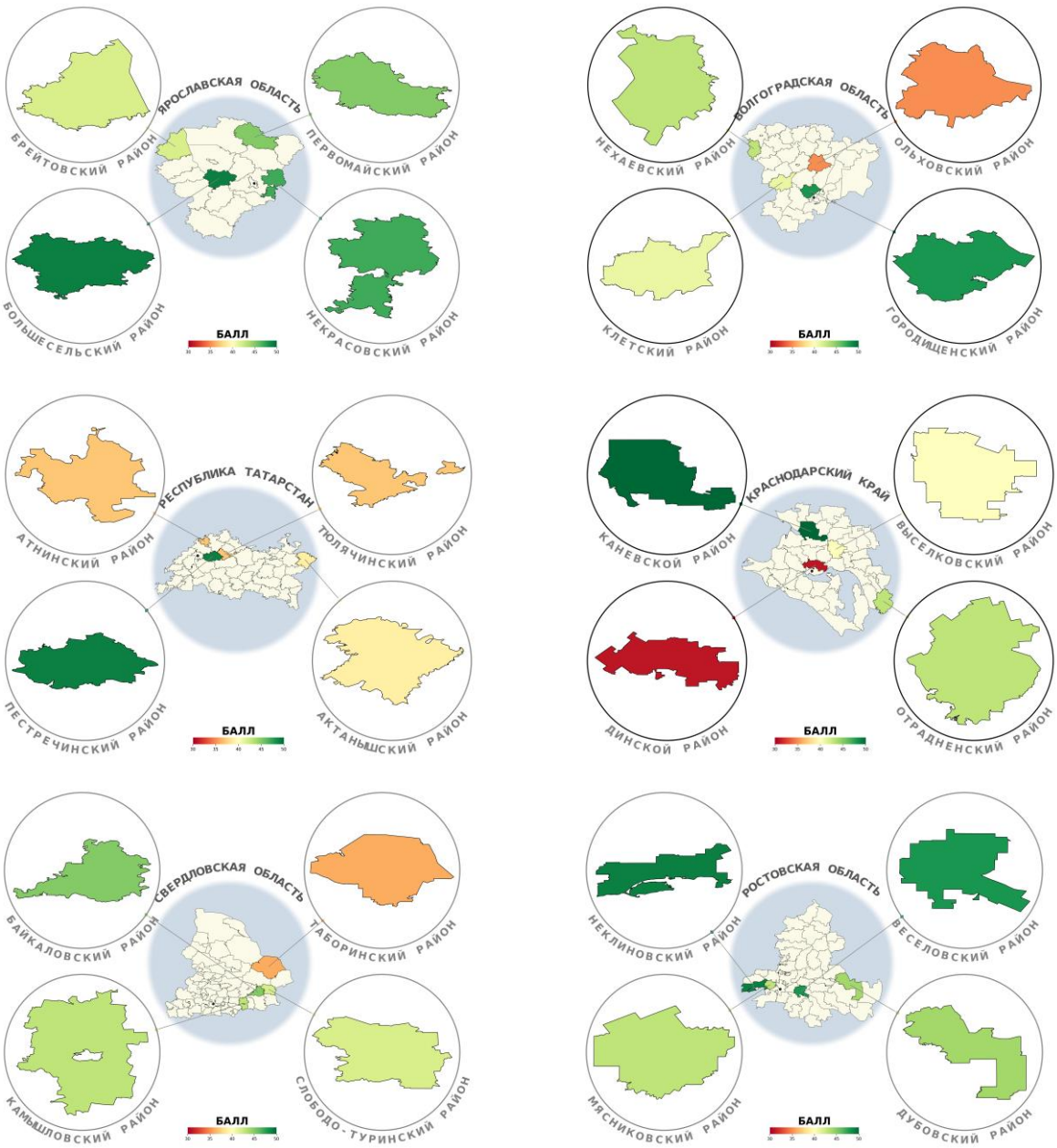

Рисунок 6 – Распределение интегральных оценок цифровых профилей сельских муниципальных образований по субъектам Российской Федерации[285]

К сельским муниципальным образованиям с высоким уровнем цифрового развития относятся Каневской район Краснодарского края; Большесельский, Некрасовский и Первомайский муниципальные округа Ярославской области; Неклиновский и Весёловский районы Ростовской области; Пестречинский район Республики Татарстан; Городищенский район

[285] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Волгоградской области; Байкаловский район Свердловской области. Все перечисленные муниципальные образования имеют официальные сайты, полностью адаптированные для мобильных устройств, с четкой структурой и работающими разделами. По индикатору доступности и базового функционирования они получили максимальные 2 балла, за исключением отдельных случаев, где оценка составляла 1 балл, однако это не снижает общего уровня. Интерактивные формы обратной связи работают в полном объеме, разделы инициативного бюджетирования, реестров ТОС/НКО и публичных слушаний содержат актуальные данные и результаты голосований. В социальных сетях администраций и глав муниципальных образований регулярная публикационная активность, освещение проектов соучастия и решения конкретных проблем носит системный характер. Стиль коммуникации в большинстве случаев характеризуется как партнерский. В целом для данной группы характерна сбалансированность всех компонентов цифрового профиля, что создает условия для эффективной обратной связи и реального вовлечения граждан в решение местных вопросов.

К сельским муниципальным образованиям со средним уровнем цифрового развития относятся Дубовский и Мясниковский районы Ростовской области; Камышловский и Слободо-Туринский районы Свердловской области; Нехаевский и Клетский районы Волгоградской области; Отрадненский и Выселковский районы Краснодарского края; Брейтовский муниципальный округ Ярославской области. Данные муниципальные образования имеют действующие официальные сайты, однако адаптивность мобильных устройств обеспечена лишь в части случаев. Информационная полнота разделов в целом соответствует минимальным требованиям, но интерактивные элементы представлены фрагментарно. В социальных сетях администраций и глав муниципальных образований доля постов о решении проблем менее 1,5 %, освещение проектов соучастия ограничивается разовыми упоминаниями. Комментарии либо отсутствуют,

либо носят преимущественно протестный характер, при этом власть на них отвечает нерегулярно. Стиль коммуникации в подавляющем большинстве формально-отчетный. Лишь в Камышловском и Слободо-Туринском районах Свердловской области зафиксирован проблемно-ориентированный стиль, в Брейтовском муниципальном округе Ярославской области – партнерский, что выделяет их на фоне группы.

К сельским муниципальным образованиям с низким уровнем цифрового развития относятся Актанышский, Атнинский и Тюлячинский районы Республики Татарстан; Таборинский район Свердловской области; Ольховский район Ростовской области; Динской район Краснодарского края. Для официальных сайтов данных муниципальных образований характерны отсутствие адаптированной мобильной версии, неоптимальная внутренняя архитектура, что затрудняет поиск информации. В социальных сетях страницы ведутся с минимальной активностью, часто ограничиваясь дублированием информации. Тональность комментариев преимущественно протестная или поддерживающая, но власть на них не отвечает. Стиль коммуникации формально-отчетный. Особого внимания заслуживает Динской район Краснодарского края, где у главы муниципального образования отсутствуют аккаунты в социальных сетях, что существенно снижает его итоговый балл и ограничивает каналы коммуникации. Муниципалитеты данной группы находятся как на периферии, так и в относительной близости к региональному центру. Это позволяет предположить, что низкий уровень цифрового развития определяется не только географическим положением, но и институциональными причинами (недостатоком кадровых ресурсов, низким приоритетом цифровой трансформации, отсутствием методической поддержки).

Предложенная типология отражает дифференциацию сельских муниципальных образований по качеству цифрового присутствия и позволяет сформулировать рекомендации для каждой группы. Для лидеров

важно поддержание достигнутого и внедрение инновационных форматов (например, регулярные прямые эфиры с жителями, развитие краудсорсинговых платформ). Для муниципалитетов со средним уровнем цифрового развития целенаправленная работа по устранению конкретных недостатков (развитие системы ответов на комментарии, переход к партнерскому или проблемно-ориентированному стилю коммуникации). Для аутсайдеров необходима институциональная поддержка, которая заключается в назначении ответственных за цифровое развитие, внедрение цифровых решений, обучение кадров.

Проведенный анализ цифровых профилей 24 сельских муниципальных образований из шести субъектов Российской Федерации позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов. Все исследованные муниципальные образования имеют официальные сайты и аккаунты в социальных сетях. Однако их наличие не гарантирует качественного цифрового взаимодействия между властью и сельским населением. Доминирование формального-отчетного стиля коммуникации и нерегулярные ответы на комментарии жителей фиксируются в большинстве муниципалитетов, что превращает социальные сети в инструмент одностороннего информирования и не трансформирует их в пространство для диалога. Результаты контент-анализа показали разрыв между высокими показателями присутствия в Интернете и низкой реальной вовлеченностью граждан, о чем свидетельствуют медианные значения лайков, репостов и комментариев, стремящиеся к нулю. Существенная дифференциация итоговых баллов внутри одного субъекта Российской Федерации, достигающая 19 баллов, указывает на определяющую роль локальных институциональных условий, а не только географического положения или региональной политики. Классификация цифровых профилей, в которой выделены три группы сельских муниципальных образований, позволила зафиксировать, что даже при схожих стартовых условиях качество

цифрового присутствия определяется кадровым потенциалом и приоритетами руководства. Выявленное преобладание протестной тональности к комментариям к постам администраций и поддерживающей – к аккаунтам глав муниципальных образований подтверждает, что жители дифференцируют каналы коммуникации в зависимости от адресата. Разработанный инструментарий и предложенная классификация могут служить основой для разработки адресных управленческих решений.

Полученные эмпирические данные позволяют утверждать, что цифровой профиль сельского муниципального образования влияет на реализацию политики развития сельских территорий. Прежде всего он обеспечивает переход от точечного информирования к системному мониторингу потребностей и предоставлению обратной связи. Именно через официальные сайты и государственные паблики жители могут оперативно сообщать о проблемах, а органы власти – фиксировать эти сигналы, что создает основу для более адресного планирования мер поддержки. Развитый цифровой профиль формирует канал для вовлечения граждан в проекты соучастия. Разделы инициативного бюджетирования, ТОС и НКО, содержащие актуальную и подробную информацию, публичные слушания в онлайн-формате позволяют сельским сообществам не только получать информацию, но и реально влиять на распределение ресурсов и принятие решений. Немаловажно и то, что цифровое присутствие органов местного самоуправления повышает прозрачность их деятельности. Регулярное обновление информации о муниципальных и региональных программах, инвестиционных возможностях и грантовых конкурсах снижает для сельхозпроизводителей и потенциальных инвесторов барьеры доступа к мерам государственной поддержки, а интерактивные карты помогают систематизировать данные о территории. Наконец, цифровой профиль создает площадку для выстраивания доверительных отношений между властью и населением. Там, где стиль коммуникации глав администраций

выходит за рамки формально-отчетного, а население получает реальные ответы на свои вопросы, создают условия для перехода к партнерской модели управления. В долгосрочной перспективе это способствует закреплению населения в сельских территориях и формированию устойчивых сельских сообществ.

3 Сетевые ресурсы в структуре политики развития сельских территорий Краснодарского края

3.1 Сельские территории Краснодарского края: институциональные, социально-экономические и социокультурные характеристики

Краснодарский край занимает особое место в социально-экономическом и политическом пространстве современной России. Регион, традиционно именуемый «житницей России», является одним из ключевых аграрных субъектов Российской Федерации, обеспечивающим значительную часть производства зерновых и масличных культур, овощей и плодово-ягодной продукции. Агропромышленный комплекс составляет основу производственных сил края, а сельские территории выступают не только пространственной основой для сельскохозяйственной деятельности, но и местом жительства значительной части населения региона.

Вместе с тем сельские территории Краснодарского края характеризуются значительной внутренней неоднородностью. Они различаются по географическому положению (предгорные, равнинные, приморские), уровню социально-экономического развития, демографической динамике, этнокультурному составу населения и институциональной организации. Одни муниципальные образования демонстрируют устойчивое развитие и привлекательность для мигрантов, другие сталкиваются с депопуляцией и инфраструктурной деградацией. Исследование этих различий и факторов, их обуславливающих, является необходимым условием для понимания потенциала и ограничений применения сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий.

Институциональная среда политики развития сельских территорий Краснодарского края определяется прежде всего сложившейся системой

административно-территориального устройства и организацией местного самоуправления. Краснодарский край является сложносоставным регионом, включающим в себя 395 муниципальных образований: 6 городских округов, 5 муниципальных округов, 34 муниципальных района, 26 городских поселений, 324 сельских поселения[286]. Всего в регионе насчитывается 1764 населенных пункта, из которых 1725 – сельские[287].

Правовые основы организации местного самоуправления в Краснодарском крае закреплены Конституцией Российской Федерации[288], Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[289], Уставом Краснодарского края[290], Законом Краснодарского края от 12 декабря 2025 г. № 5458-КЗ «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Краснодарском крае»[291]. Закон № 5458-КЗ регулирует отдельные вопросы организации местного самоуправления в Краснодарском крае, определяет полномочия органов государственной власти края в этой сфере и закрепляет смешанную модель местного самоуправления, сочетающую двухуровневую систему в муниципальных

[286] Административное деление // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1146/ (дата обращения: 30.04.2026).

[287] Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов на 27.02.2023 Краснодарский край // Роскадастр : [официальный сайт]. URL: https://cgkipd.ru/upload/iblock/99c/31mlfkat qyo6dd5t3ow0013kzmesbz4uw.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

[288] Российская Федерация. Конституция. Конституция Российской Федерации : с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.02.2026).

[289] Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ // Консультант Плюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 01.03.2026).

[290] Устав Краснодарского края // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/upload/admkrai/2026/Устав%20Краснодарского%20края%20(ред.%20от%2011.03.2025).docx (дата обращения: 30.04.2026).

[291] Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Краснодарском крае : Закон Краснодарского края от 12 декабря 2025 года № 5458-КЗ // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/upload/iblock/e06/ t4czsxt127m1yjg91jak8jbh70ymw3qn.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

районах (с сохранением сельских и городских поселений) и одноуровневую – в городских и муниципальных округах[292].

Институциональная структура сельских территорий включает также систему уставов муниципальных образований, которые закрепляют конкретные механизмы осуществления местного самоуправления на локальном уровне. Уставы детализируют полномочия органов местного самоуправления, порядок формирования и деятельности представительных и исполнительных органов, формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления. Уставы муниципальных образований разработаны на основе единых принципов, закрепленных федеральным и краевым законодательством, но в то же время отражают местную специфику: статус муниципального образования, его границы, структуру и наименование органов местного самоуправления, а также особенности участия населения в решении вопросов местного значения.

Ключевым документом, определяющим государственную политику в сфере развития сельских территорий, является государственная программа Краснодарского края «Комплексное развитие сельских территорий», утверждённая постановлением губернатора края от 28 декабря 2023 года №1170[293]. Программа рассчитана на 2024–2030 годы и направлена на сохранение доли сельского населения на уровне 42,87 % и достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельских домохозяйств в размере 103,41 % к 2031 году[294]. Для реализации программы из краевого и федерального бюджетов выделяются субсидии на развитие инженерной инфраструктуры, дорожной деятельности, благоустройства сельских территорий, закупку оборудования для медицинских учреждений, а также на улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской

[292] Там же.

[293] Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Комплексное развитие сельских территорий» : Постановление Губернатора Краснодарского края от 28 декабря 2023 года № 1170 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» : [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/407036897 (дата обращения: 30.04.2026).

[294] Там же.

местности[295]. В 2024 году в рамках государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» реализовали более 120 проектов благоустройства[296], в 2025 году реализовано 76 проектов, направленных на улучшение качества жизни в сельской местности[297], а в 2026 году планируется реализовать 29 проектов[298]. Финансирование программы в 2025 году составило более 400 млн рублей из федерального и регионального бюджетов. В 2025 году в рамках программы отремонтировали водопроводные сети, закупили оборудование для домов культуры и поликлиник, благоустроили общественные пространства, установили детские площадки, построили тротуары в сельских муниципалитетах[299].

Важным институциональным элементом является Ассоциация «Совет муниципальных образований Краснодарского края» (СМОКК), которая взаимодействует с органами государственной власти Краснодарского края на принципах законности, добровольности, сотрудничества, партнерства и социальной ответственности. Совет участвует в подготовке и обсуждении проектов законов, затрагивающих интересы муниципальных образований, представляет ежегодный доклад о состоянии местного самоуправления, содействует профессиональной подготовке муниципальных служащих и др.[300] В соответствии с последними изменениями краевого законодательства на СМОКК возложена обязанность давать заключения на проекты законов, предполагающие передачу государственных полномочий на местный

[295] Там же.

[296] Вениамин Кондратьев : На Кубани в 2025 году по госпрограмме «Комплексное развитие сельских территорий» реализуем более 70 проектов // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/781284/ (дата обращения: 30.04.2026).

[297] Более 400 млн рублей направили на развитие сельских территорий Кубани в 2025 году // Телеканал Краснодар : [сайт]. URL: https://tvkrasnodar.ru/obshchestvo/2026/01/08/bolee-400-mln-rubley-napravili-na-razvitie-selskikh-territoriy-kubani-v-2025-godu/ (дата обращения: 30.04.2026).

[298] Вениамин Кондратьев : На Кубани в 2026 году реализуем 29 проектов по комплексному развитию сельских территорий // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/819632/ (дата обращения: 30.04.2026).

[299] Более 400 млн рублей направили…

[300] Устав Ассоциации «Совет муниципальных образований Краснодарского края» // Ассоциация «Совет муниципальных образований Краснодарского края» : [официальный сайт]. URL: https://s3.smokk.ru/iblock/074/ustav.pdf (дата обращения: 02.05.2026).

уровень[301], что подчеркивает его роль как институциональной площадки согласования интересов региональной власти и муниципальных образований.

На уровне сельских поселений институциональный каркас дополняется деятельностью органов территориального общественного самоуправления (ТОС). По состоянию на 2026 год в Краснодарском крае насчитывается 41 союз ТОС, 5 ассоциаций ТОС и 6501 орган ТОС, из которых 210 имеют статус юридического лица[302]. ТОСы выступают значимой формой мобилизации местных сообществ для решения вопросов благоустройства и социального развития сельских населенных пунктов. Совокупность данных элементов – от краевого законодательства до уставов муниципальных образований и общественных инициатив – образует многоуровневую, но внутренне согласованную институциональную систему развития сельских территорий Краснодарского края.

Социально-экономическое развитие сельских территорий Краснодарского края представляет собой многомерный процесс, интегрирующий демографические, производственно-экономические и инфраструктурные аспекты.

Малый и средний бизнес является значимым компонентом экономического ландшафта сельских территорий Краснодарского края. В регионе по итогам 2025 года количество субъектов малого и среднего предпринимательства выросло на 19,1 тыс. единиц, или на 6,3 %[303], достигнув более 320 тыс.[304]. Субъекты малого и среднего предпринимательства составляют 88,5 % всех хозяйствующих субъектов

[301] ЗСК утвердил закон о смешанной модели местного самоуправления на Кубани // Краснодарские известия : [сайт]. URL: https://ki-news.ru/news/zsk-utverdil-zakon-o-smeshannoj-modeli-mestnogo-samoupravleniya-na-kubani/ (дата обращения: 02.05.2026).

[302] Ассоциация развития территорий и общественного самоуправления Краснодарского края: главное // Ассоциация развития территорий и общественного самоуправления Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://artoskk.ru/ (дата обращения: 02.05.2026).

[303] Число субъектов МСП на Кубани выросло на 6,3% в 2025 году // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8605102 (дата обращения: 06.06.2026).

[304] Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (Краснодарский край) // Федеральная налоговая служба : [официальный сайт]. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=3&ssrf=23 (дата обращения: 06.06.2026).

региона[305]. По этому показателю Краснодарский край лидирует в Южном федеральном округе и занимает четвертое место в Российской Федерации. Большинство представителей малого и среднего бизнеса в крае – индивидуальные предприниматели, их насчитывается 260 485 человек (79 %)[306]. Юридические лица составляют 21 % (69 207)[307]. Вклад малого и среднего предпринимательства в валовой региональный продукт составляет 27,6 %[308]. Отдельно выделяются самозанятые граждане, которых на Кубани, по данным Управления федеральной налоговой службы по Краснодарскому краю, на 31 марта 2026 года зарегистрировано 794 828 человек[309]. При этом наиболее востребованными направлениями малого бизнеса остаются торговля, транспортировка и логистика, строительство, операции с недвижимостью, сфера гостеприимства и сельское хозяйство. В Краснодарском крае действует более 210 мер государственной поддержки на общую сумму 51,1 млрд руб. Эти инструменты охватывают широкий спектр отраслей, включая сельское хозяйство, промышленность, ТЭК, транспорт, образование, спорт, социальную сферу, санаторно-курортный и IT-сектор.[310]

Сельское хозяйство, являясь системообразующей отраслью экономики сельских территорий Краснодарского края, характеризуется сложной многоукладной структурой, в которой переплетаются крупные агрохолдинги, сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства и сельскохозяйственные потребительские кооперативы. По итогам 2025 года Краснодарский край занимает лидирующие позиции в аграрном секторе России: объем продукции растениеводства превысил 152 млрд рублей, животноводства – 85,7 млрд

[305] Кубань установила рекорд по числу предприятий малого и среднего бизнеса // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7738513 (дата обращения: 06.06.2026).

[306] Количество юридических лиц…

[307] Там же.

[308] Кубань установила рекорд…

[309] Количество самозанятых в Краснодарском крае увеличилось на 22,9 % // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8608661 (дата обращения: 06.06.2026).

[310] Число субъектов МСП…

рублей[311]. Совокупный объем производства продукции сельского хозяйства в крае по итогам 2025 года составил 642 млрд рублей[312]. Доля Краснодарского края в общероссийском объеме сельскохозяйственной продукции составляет около 6 %.

Крупные сельскохозяйственные организации и агрохолдинги составляют основу производственной инфраструктуры аграрного сектора экономики Кубани. Среди крупнейших сельскохозяйственных производителей края ООО «Группа компаний “Русагро”», АО фирма «Агрокомплекс» имени Н.И. Ткачева, агрохолдинг «Степь», АО «Рассвет», ЗАО «Кореновский молочно-консервный комбинат», ООО фирма «Калория» и др. Крупные и средние сельскохозяйственные организации Краснодарского края продолжают наращивать производственные показатели, что отражает тенденцию консолидации аграрного сектора.

Структурной особенностью агарного сектора Кубани является высокая роль малых форм хозяйствования. Малые хозяйства обрабатывают треть посевных площадей края. В регионе зарегистрировано свыше 150 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, объединяющих более 2 тыс. участников. За последние три года объем выпускаемой ими продукции увеличился вдвое – примерно 2 млрд рублей.[313] По данным на 2025 год, в Краснодарском крае осуществляют свою деятельность более 13 тыс. крестьянско-фермерских хозяйств[314]. Доля фермеров в общем объеме урожая региона составила 37 %[315]. Личные подсобные хозяйства традиционно играют важную роль в обеспечении продовольственной самодостаточности сельских домохозяйств и формировании локальных продовольственных

[311] Вениамин Кондратьев : Краснодарский край занимает первое место в России по выпуску фермерской продукции // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/817998/ (дата обращения: 06.06.2026).

[312] Лидер российского агропроизводства. Обзор АПК Краснодарского края // Журнал «Агроинвестор» : [сайт]. URL: https://www.agroinvestor.ru/regions/article/45660-lider-rossiyskogo-proizvodstva-obzor-apk-krasnodarskogo-kraya/ (дата обращения: 06.06.2026).

[313] Там же.

[314] Фермеры собрали более трети урожая на Кубани в 2025 г. // Информационное агентство «РБК» : [сайт]. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/691dc87f9a79477d3ebb9654 (дата обращения: 06.06.2026).

[315] Там же.

рынков. В сельских территориях Краснодарского края насчитываются десятки тысяч личных подсобных хозяйств. Государственная поддержка малых форм хозяйствования является важным фактором их развития. За последние пять лет малым хозяйствам направлено 8,6 млрд рублей. В 2025 году на специальные программы для малых форм хозяйствования выделено 870 млн рублей.[316]

Таким образом, структура бизнеса сельских территорий Краснодарского края характеризуется доминированием аграрного сектора при одновременной диверсификации за счет развития торговли, услуг и других несельскохозяйственных видов деятельности; многообразием форм хозяйствования; активностью малого и среднего предпринимательства, составляющего основу экономической активности в сельских поселениях. Такая диверсифицированная производственная структура создает значительный потенциал для развития сетевых форм взаимодействия между субъектами аграрной экономики.

Вместе с тем аграрная специализация сельских территорий порождает ряд структурных проблем. Ключевыми ограничениями остаются дефицит квалифицированных кадров, недостаточный уровень развития инфраструктуры в удаленных районах и сложность доступа малых сельхозпроизводителей к финансовым ресурсам. Модернизация агропромышленного комплекса и диверсификация сельской экономики рассматриваются исследователями как базовые условия повышения устойчивости сельских территорий[317].

Человеческий капитал, понимаемый как совокупность знаний, компетенций, здоровья и социально-психологических характеристик населения, определяющих его способность к производительному труду и

[316] Краснодарский край увеличил объем господдержки фермерских хозяйств за пять лет // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/24818375 (дата обращения: 06.06.2026).

[317] Муха В. Н. Экономическое развитие сельских территорий Краснодарского края в условиях рурбанизации // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2025. № 118. С. 76–82.

инновационной деятельности, выступает ключевым нематериальным ресурсом политики развития сельских территорий[318]. Оценка его состояния на примере Краснодарского края позволяет выявить структурные диспропорции, ограничивающие переход от экзогенно-отраслевого подхода к сельскому развитию к неоэндогенно-территориальному, ориентированному на максимальное использование внутреннего потенциала локальных сообществ[319].

Краснодарский край является одним из крупнейших по численности населения субъектов Российской Федерации. Согласно данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея (Краснодарстат), по состоянию на 1 января 2025 года в Краснодарском крае проживает 5 842 238 человек, из них городское население составляет 3 353 537 человек, сельское – 2 488 701 человек[320] (рисунок 6). Доля сельского населения в общей численности края составляет около 43 %, что существенно превышает среднероссийский показатель (около 25 %[321]) и свидетельствует об особой значимости сельской местности в территориальной структуре региона.

[318] Ракачев В. Н., Морозова Е. В. Высшее образование как ресурс… 2022; Захарова О. В., Грязных Д. В., Суворова Л. Г., Иванов А. Г. Качество человеческого капитала и перспективы развития сельских территорий // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4(192). С. 39–48.

[319] Костяев А. И. Концептуальные подходы к развитию сельских территорий с учётом европейского опыта // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2018. № 6(67). С. 141–148; Белоусов С. А., Павлов А. Ю. Организация устойчивого развития сельских территорий на основе применения региональной неоэндогенной модели // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 50–53.

[320] Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.33.4(3).xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

[321] Предварительная оценка численности…

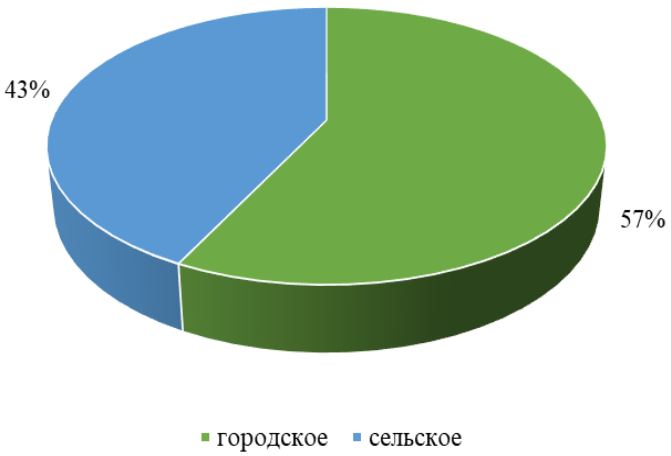

Рисунок 7 – Поселенческая структура населения Краснодарского края[322]

При этом за 2024 год численность сельского населения сократилась на 3,1 тыс. человек, что вписывается в общую тенденцию постепенного снижения, фиксируемую с 2020 года (рисунок 7)[323].

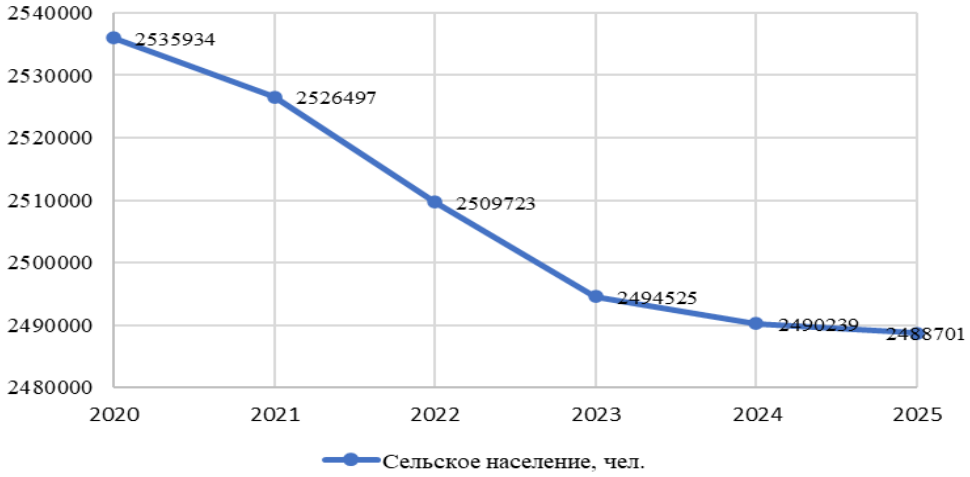

Рисунок 8 – Динамика численности сельского населения Краснодарского края (2020–2025 гг., млн чел.)[324]

[322] Источник: составлено автором на основе Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 года…

[323] Там же.

[324] Источник: составлено автором на основе Численность населения Краснодарского края по полу и возрасту на 1 января 2012-2022 годов (пересчет от итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2012-2021_1092348.xlsx (дата обращения: 02.05.2026).; Оценка численности постоянного населения по муниципальным образованиям Краснодарского края на 1 января 2023 г. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01.01.2023(1)_973831.htm (дата обращения: 02.05.2026).; Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. и компоненты ее изменения // Управление Федеральной службы государственной статистики по

Миграционные процессы играют значимую роль в динамике численности населения Краснодарского края. В целом по краю в 2024 году зафиксирован миграционный прирост на уровне 31,6 тыс. человек. (5,4 на 1000 человек), который частично компенсирует естественную убыль населения (–22,4 тыс. человек, или 3,8 на 1000 человек)[325]. Однако этот приток распределен крайне неравномерно: основными центрами притяжения мигрантов выступают крупные городские агломерации (Краснодарская, Сочинская, Новороссийская) и активно развивающиеся пригородные районы, которые демонстрируют устойчивый прирост за счет внутрирегиональной и межрегиональной миграции, что отражает процессы рурбанизации. Напротив, отдаленные сельские территории, особенно в северной и северо-восточной частях края, характеризуются устойчивым миграционным оттоком, что усугубляет процессы депопуляции[326]. Таким образом, внутрирегиональная дифференциация миграционных потоков становится одним из ключевых факторов, усиливающих пространственную поляризацию сельских территорий Краснодарского края.

Исследование, проведенное специалистами Южного научного центра РАН О. Е. Архиповой, Т. Т. Тарасовой, показало, что в прибрежной зоне восточного Приазовья сохраняется устойчивая естественная убыль населения, а ключевыми угрозами демографической безопасности являются критически высокий уровень старения жителей и активный процесс депопуляции. По степени напряженности демографической ситуации все изученные районы были разделены на две группы: с высоким уровнем проблем (Темрюкский и Славянский районы) и с очень высоким уровнем

Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.8.1(2).xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

[325] Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Краснодарстат. Краснодар, 2025. С. 8. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/egegodnik_24.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

[326] Сидорчукова Е. В., Агафонова Н. П., Белецкая Е. М., Яворская В. А. Оценка демографического состояния сельской местности Краснодарского края // Вестник Академии знаний. 2025. № 1(66). С. 467–472.

депопуляции и старения (Приморско-Ахтарский, Щербиновский и Ейский районы)[327].

Среди наиболее густонаселенных муниципальных районов Краснодарского края выделяются Динской (147 906 чел.), Ейский (132 763 чел.), Крымский (130 986 чел.), Темрюкский (126 625 чел.), Славянский (124 891 чел.), Северский (124 718 чел.), Кавказский (115 168 чел.), Тихорецкий (108 075 чел.), Белореченский (104 863 чел.), Красноармейский (101 022 чел.) (рисунок 8)[328]. В то же время северные и северо-восточные районы края испытывают устойчивую депопуляцию, что формирует выраженную пространственную неоднородность демографического ландшафта. Показательна плотность населения в сельских территориях Краснодарского края: в Динском районе она достигает 109 чел./км^2, тогда как в Мостовском лишь 18 чел./км^2, Белоглинском и Новопокровском – 24 чел./км^2, а в Отрадненском – 25 чел./км[329].

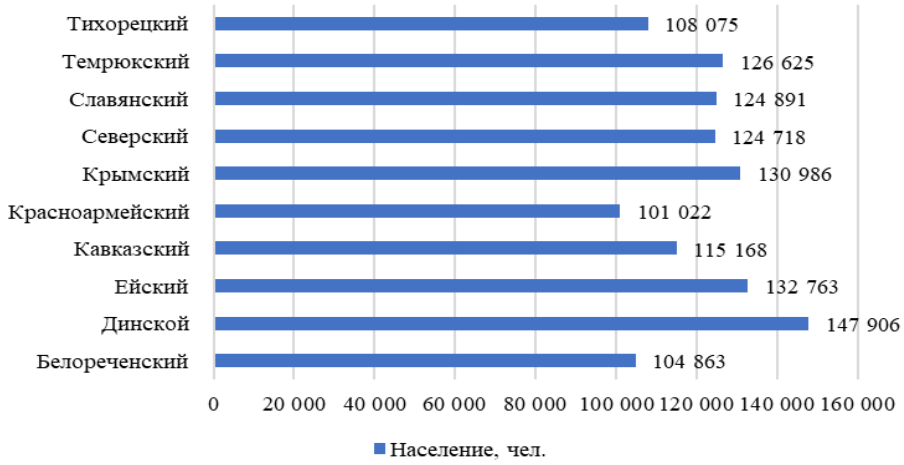

Рисунок 9 – Рейтинг муниципальных районов Краснодарского края по численности населения (2025 г., тыс. чел., топ-10)[330]

В сельском населении Краснодарского края усиливаются процессы старения. За период 2010–2020 гг. средний возраст сельских жителей вырос

[327] Архипова О. Е., Тарасова Т. Т. Комплексный анализ демографической безопасности прибрежной зоны Восточного Приазовья // Наука Юга России. 2025. Т. 21, № 2. С. 65–74.
[328] Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 года…
[329] Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2024… 2025. С. 13.
[330] По материалам: Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2024… 2025. С. 13.

на 2,1 года (с 39,4 до 41,5 года), что почти вдвое превышает темпы старения горожан[331]. Доля населения в возрасте 65+ лет в сельских территориях края достигает 18,7% (465 721 человек), а демографическая нагрузка (число нетрудоспособных на 100 трудоспособных) составляет 76 человек (по данным 2024 г.)[332]. Резкое сокращение численности населения наблюдается в возрастных группах 20–24 и 25–29 лет, что является следствием образовательной и трудовой миграции (рисунок 9). Коэффициент миграционного прироста сельских территорий в 2024 г. составляет 40,4 мигранта на 10 тыс. жителей[333] против 68,9 в 2015 году[334], что свидетельствует о неспособности миграции компенсировать естественную убыль населения.

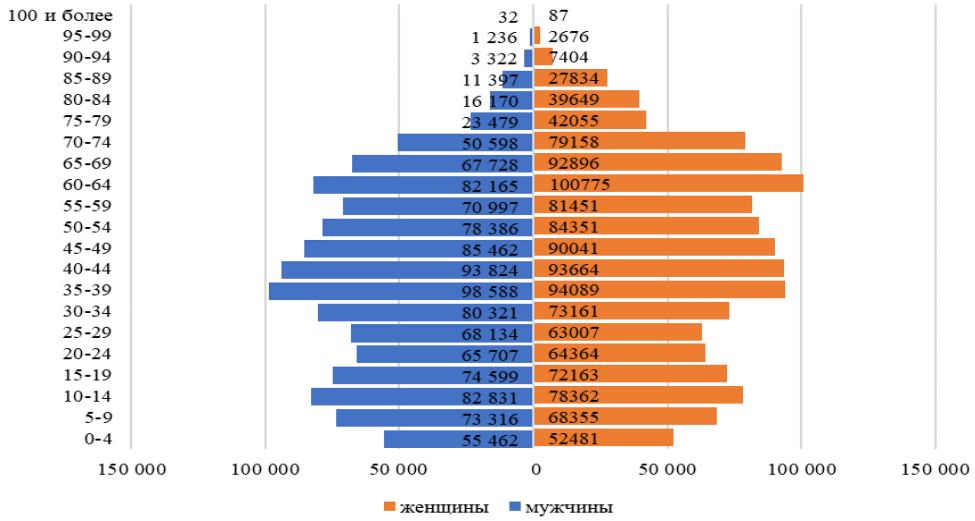

Рисунок 10 – Возрастная структура населения Краснодарского края, на 2024 г., чел.[335]

[331] Ракачев В. Н. Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 699–721.

[332] Численность населения Краснодарского края по полу и возрасту на 1 января 2024 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01.01.2024.xlsx (дата обращения: 07.06.2026).

[333] Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. и компоненты ее изменения // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.8.1(2).xlsx (дата обращения: 07.06.2026).

[334] Ракачев В. Н. Сельские территории… 2023.

[335] Источник: составлено автором на основе Численность населения Краснодарского края по полу и возрасту на 1 января 2024 года…

Уровень жизни сельского населения остается ниже городского. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в 2024 году составила 65 098 рублей, что на 7,5 % ниже среднекраевого показателя (70 410 рублей) и почти вдвое уступает доходам занятых в деятельности в области информации и связи (125 669 рублей) или финансовой и страховой деятельности (123 493 рублей)[336]. Данные выборочного обследования бюджетов домашних домохозяйств фиксируют различия в структуре потребления: сельские домохозяйства в 2024 г. потребляли в среднем 125 кг мяса и мясопродуктов, 270 кг молока и молочных продуктов, 130 кг овощей и бахчевых, 60 кг картофеля, 93 кг хлебных продуктов на человека в год[337]. По большинству позиций потребление на селе не уступает городскому, а по мясу и хлебу даже превышает, что отчасти объясняется более высокой долей продукции личных подсобных хозяйств в рационе сельских жителей.

Одним из индикаторов социального благополучия выступает ситуация на рынке труда. На конец 2024 года в органах службы занятости населения зарегистрировано 6,8 тыс. безработных, из которых 3,5 тыс. (51,4 %) проживали в сельской местности, при том, что доля сельского населения в общей численности населения Краснодарского края составляет около 43 %[338]. Наибольший дефицит кадров фиксируется в сельском хозяйстве. Региональной службой занятости в 2025 году было размещено 7,9 тыс. вакансий в этой сфере[339]. В социальной сфере сельских территорий высокий спрос на учителей, врачей, медсестер и воспитателей. Такая диспропорция свидетельствует о сохранении острой проблемы занятости в сельских территориях.

[336] Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2024… 2025. С. 34.
[337] Там же. С. 42.
[338] Там же. С. 22.
[339] Наибольший дефицит кадров на Кубани фиксируется в сельском хозяйстве // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8335387 (дата обращения: 07.06.2026).

Для решения кадровых проблем в сельских территориях реализуется комплекс государственных мер. С 2025 года в Краснодарском крае действует региональная программа «Медицинские кадры», благодаря которой в медицинские учреждения сельской местности привлечено более 2,3 тыс. специалистов, из них 1 529 врачей и 827 работников среднего звена[340]. По программам «Земский доктор» и «Земский фельдшер» врачи и фельдшеры получают выплаты. Для привлечения учителей в сельские школы также предусмотрены меры поддержки по программе «Земский учитель».

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, среди сельского населения Краснодарского края доля лиц с высшим образованием составляет 12,5 %, тогда как в городах – 22,4 %[341]. Доля кадров высшей квалификации в сельских территориях (0,8 %) практически вдвое ниже городского показателя (1,4 %)[342]. При этом удельный вес специалистов со средним профессиональным образованием практически идентичен: 33,5 % в сельских территориях против 30,8 % в городе[343]. Таким образом, в сельских территориях сохраняется дефицит высококвалифицированных кадров, что снижает адаптационный потенциал сельских сообществ к технологическим и институциональным изменениям.

Особую тревогу вызывает трансформация образовательных стратегий сельской молодежи. Социологическое исследование, проведенное в 2022 году Е. В. Морозовой и В. Н. Ракачевым среди студентов пяти вузов г. Краснодара (N=2400), показало, что доля «местных» студентов (уроженцев края) составила 61,1 %, причем значительную их часть представляет сельская молодежь[344]. Однако лишь минимальная доля опрошенных из числа

[340] Более 2 тысяч медиков устроились работать в сельские поликлиники Кубани // Краснодарские известия : [сайт]. URL: https://ki-news.ru/news/bolee-2-tys-speczialistov-trudoustroilis-v-selskie-meduchrezhdeniya-krasnodarskogo-kraya/ (дата обращения: 07.06.2026).

[341] Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Краснодарский край. Том 3. Образование // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom3_tab1_907101.xlsx (дата обращения: 07.06.2026).

[342] Там же.

[343] Там же.

[344] Ракачев В. Н., Морозова Е. В. Высшее образование как ресурс… 2022. С.837.

приехавших из районов края планируют вернуться для работы по месту жительства, тогда как 27,4 % намерены остаться в краевом центре, а 14 % планируют трудоустроиться за пределами города и края[345]. Высшее образование воспринимается сельскими жителями преимущественно как ресурс социальной мобильности, реализуемый за пределами сельской местности. Противоречие между государственным трендом на кадровое обеспечение сельских территорий и отсутствием мотивации выпускников к работе в сельских муниципальных образованиях является одним из ключевых вызовов политики развития.

Жилищные условия также отражают разрыв между городом и селом. По итогам 2024 года, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного сельского жителя, составила 27,3 м^2, что заметно ниже, чем в городской местности (35,3 м^2)[346]. При этом наблюдается значительное отставание сельского жилищного фонда по уровню благоустройства: водопроводом оборудовано 80,6 % площади (в городах – 89,3 %), водоотведением – 72,3 % (в городах – 87,3 %), отоплением – 75,3 % (в городах – 87,2 %), горячим водоснабжением – 63,2 % (в городах – 76,9 %), газом – 79,7 % (в городах – 76,8 %). Одновременно данными видами благоустройства обеспечено лишь 57,1 % сельского жилья против 72,9 % городского[347]. Отчасти этот разрыв компенсируется активностью индивидуального жилищного строительства: в 2024 году в сельской местности Краснодарского края введено 1748,0 тыс. м^2 общей площади жилых домов, из которых 95,3 % построено населением за счет собственных и заемных средств[348].

Социокультурные характеристики сельских территорий Краснодарского края определяются сложным переплетением историко-культурных традиций, этнического многообразия и современных социальных

[345] Там же. С. 849.
[346] Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2024… 2025. С. 46.
[347] Там же. С. 47.
[348] Там же. С. 146–147.

процессов. Этнический состав населения края отличается гетерогенностью. По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, русские составляют 2 073 458 человек, армяне – 122 800 человек, украинцы – 55 744 человека, белорусы – 12 131 человек, татары – 12 046 человек, турки и турки-месхетинцы – 11 557 человек, немцы – 10 943 человека (рисунок 9)[349]. Всего на территории Краснодарского края проживают представители более 120 народов. Для края характерно компактное расселение ряда этнических групп (армяне, греки, немцы, крымские татары, турки-месхетинцы), что придает сельским поселениям дополнительную этнокультурную мозаичность и формирует специфические модели социального взаимодействия, значимые для политики развития сельских территорий.

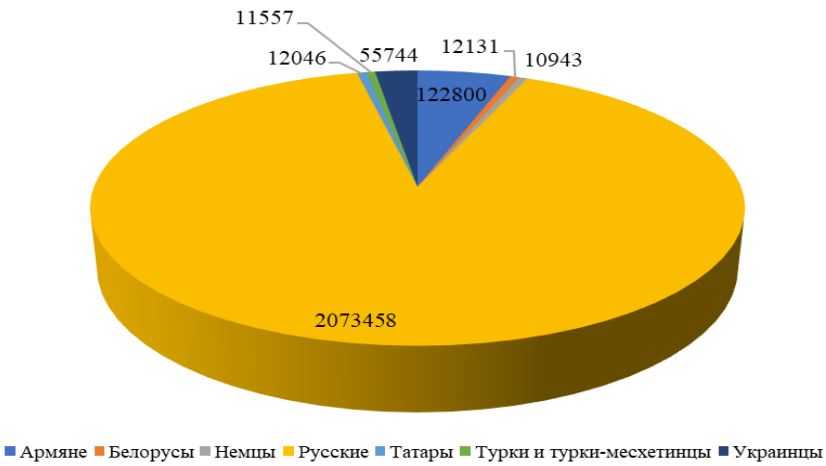

Рисунок 11 – Этнический состав сельского населения Краснодарского края (2020 г.)[350]

Социальная инфраструктура сельских территорий, несмотря на реализацию государственных программ, продолжает испытывать дефицит. Исследования фиксируют такие проблемы как скрытая безработица, низкий уровень занятости сельского населения, рост естественной убыли населения,

[349] Национальный состав населения Краснодарского края // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный%20состав%20Краснодарского%20края.html (дата обращения: 05.05.2026).

[350] Источник: Составлено автором на основе Национальный состав населения…

а также нехватку кадровых ресурсов, слабое материально-техническое оснащение объектов культурно-досуговой сети, отсутствие креативных культурно-досуговых площадок в сельских поселениях[351]. Вместе с тем реализуемые в Краснодарском крае меры государственной поддержки создают предпосылки для расширения социокультурного потенциала сельских сообществ. По итогам 2024 года в крае функционировало 1085 организаций культурно-досугового типа и 1053 общедоступные библиотеки, при этом значительная часть из них расположена именно в сельской местности, однако без масштабной модернизации их материальной базы сохраняется риск дальнейшего снижения качества культурных услуг для сельского населения[352].

В контексте политики развития сельских территорий особое значение приобретают креативные индустрии, которые рассматриваются современной наукой как совокупность видов экономической деятельности, основанных на индивидуальном творчестве, навыках и талантах и обладающих потенциалом для создания добавленной стоимости и рабочих мест за счет использования интеллектуальной собственности[353]. Креативные индустрии включают как традиционные практики (народные художественные промыслы, ремесла, исполнительские искусства), так и функциональные направления (дизайн, архитектура, реклама, мода), а также медийный сектор (кино, телевидение, издательское дело, IT, видеоигры)[354]. Для сельских территорий наибольший интерес представляют те виды креативной деятельности, которые способны интегрироваться в локальные социально-экономические системы – народные художественные промыслы, гастрономия, сельский туризм, культурное

[351] Плотичкина Н. В., Хмельницкая О. А. Молодежные досуговые солидарности в контексте политики сельского развития Краснодарского края // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 3. С. 53–68.

[352] Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2024… 2025. С. 71.

[353] Гохберг Л. М., Куценко Е. С., Лебедева С. А., Боос В. О. Методические рекомендации по формированию собирательных классификационных группировок и системы показателей креативной экономики / Под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. С. 11. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1064473627.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

[354] Там же. С 49–58.

наследие, а также прикладные творческие практики, формирующие уникальные локальные бренды.

Краснодарский край демонстрирует значительный, но крайне неравномерно распределенный потенциал креативных индустрий. Согласно данным рейтинга креативных регионов России за 2024 год, подготовленного Институтом стратегических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Краснодарский край относится к группе регионов с сбалансированной моделью поддержки креативных индустрий и занимает 29-е место в рейтинге субъектов Российской Федерации по значению российского регионального индекса креативных индустрий[355]. Вклад креативных индустрий и креативных кластеров в валовой региональный продукт в Краснодарском крае в 2025 году составил более 186 млрд рублей[356], а численность занятых в них – свыше 66 тыс. человек, что составляет 5 % от общей занятости в регионе[357]. Министерством экономики Краснодарского края утвержден перечень приоритетных креативных (творческих) индустрий в регионе. В перечень вошли 26 видов экономической деятельности по 14 направлениям креативных индустрий, в том числе производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, деятельность рекламных агентств, деятельность компьютерного программного обеспечения, производство изделий народных художественных промыслов и деятельность ресторанов и кафе с полным ресторанным обслуживанием[358]. 80 % всей креативной

[355] Гохберг Л. М., Боос В. О., Боякова К. Н. и др. Рейтинг креативных регионов России : 2024 / Под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 200 с. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1019255529.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

[356] Вклад креативных индустрий в ВРП Кубани превысил 186 миллиардов рублей // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/818750/ (дата обращения: 06.06.2026).

[357] Общая информация по креативным индустриям // ГКУ КК «Центр регионального развития» : [официальный сайт]. URL: https://crr23.ru/deyateljnostj/kreativnaya-tvorcheskaya-industriya/obschaya-informaciya-po-kreativnim-industriyam (дата обращения: 06.06.2026).

[358] Об утверждении перечня приоритетных креативных индустрий в Краснодарском крае : Приказ Министерства экономики Краснодарского края от 25 декабря 2025 года № 191 // Министерство экономики Краснодарского края : [сайт]. URL: https://economy.krasnodar.ru/activity/creative-economy/vidy-kreativnykh-industriy/538466 (дата обращения: 06.06.2026).

экономики Краснодарского края составляют 5 направлений: IT, гастрономия, реклама, архитектура и исполнительские искусства[359].

Пространственная проекция креативной активности обнаруживает ярко выраженную поляризацию. Муниципальными образованиями с наибольшим вкладом креативных индустрий в валовой региональный продукт являются г. Краснодар (7,4 %), города-курорты Геленджик, Сочи (по 5,3 %) и Анапа (4,4 %)[360]. Сельские районы (исключая пригородные зоны крупных городов) в этом рейтинге практически не представлены. Однако анализ данных по отдельным муниципальным районам, приведенный в исследовании Е. Н. Клочко и М. С. Ореховой, показывает, что в некоторых сельских территориях сосредоточено значительное число носителей креативных компетенций при крайне низкой доле выручки и вклада в валовой муниципальный продукт[361]. Например, в Ейском районе доля работников креативных индустрий составляет 8 % при доле выручки 2,3 %, в Туапсинском – 7,3 % и 1,8 % соответственно, в Абинском – 7,2 % и 1,1 %, в Кореновском – 7,1 % и 1,5 %, в Белореченском – 7,1 % и 1,7 %[362]. Эти данные свидетельствуют о наличии неиспользуемого потенциала креативных индустрий в сельской местности и о существовании системных барьеров, препятствующих монетизации творческой деятельности.

К числу основных проблем развития креативных индустрий в Краснодарском крае, актуальных и для сельских территорий, относят: слабый диалог между представителями отрасли и властью, недостаток инфраструктурных площадок и финансовых средств, аренды помещений, слабые бизнес-компетенции творческих работников, фрагментарность и разобщенность сообщества[363]. В сельской местности эти проблемы

[359] Общая информация по…

[360] Клочко Е. Н., Орехова М. С. Креативные индустрии Краснодарского края: обзор современного состояния // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5(55). С. 156–160.

[361] Там же.

[362] Там же. С. 158.

[363] Передерий Д. А. Развитие креативных индустрий в Краснодарском крае // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 6(87). С. 232–247; Зайцева М. В., Федотов А. А., Гайдаенко Н. Э., Мищенко П. В. Креативные

усугубляются пространственной рассредоточенностью, дефицитом квалифицированных кадров, низкой транспортной доступностью и ограниченным доступом к цифровой инфраструктуре.

Тем не менее потенциал креативных индустрий для сельских территорий Краснодарского края представляется весьма существенным. В соответствии с федеральным и региональным законодательством к креативным индустриям относятся такие виды деятельности как народные художественные промыслы и ремесла, гастрономия, культурное наследие, отдых и развлечения, дизайн[364]. Именно эти направления органично вписываются в сельский контекст. На Кубани насчитываются десятки традиционных ремесел, действуют организации народных художественных промыслов. Значительный потенциал заключен в гастрономическом туризме. Сельские территории Краснодарского края обладают уникальными природными и агрокультурными ландшафтами, объектами культурного наследия, что создает основу для развития креативного туризма.

Пространственная неоднородность сельских территорий Краснодарского края, охарактеризованная выше через демографические, экономические и социокультурные показатели, получает институциональное закрепление и содержательное наполнение в рамках Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года[365]. В соответствии со Стратегией территория края разделена на семь

индустрии как драйвер социально-экономического развития сельских территорий Краснодарского края // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 5(61). С. 203–206.

[364] Российская Федерация. Законы. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации : Федеральный закон от 08 августа 2024 года № 330-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 06.06.2026).; Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности : Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 апреля 2025 года № 266 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система : [официальный сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506355/ (дата обращения: 06.06.2026).; Об утверждении перечня приоритетных креативных индустрий в Краснодарском крае : Приказ министерства экономики Краснодарского края от 25 декабря 2025 года № 191 // Министерство экономики Краснодарского края : [сайт]. URL: https://economy.krasnodar.ru/activity/creative-economy/vidy-kreativnykh-industriy/538466 (дата обращения: 06.06.2026).

[365] О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года : Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года № 3930-КЗ // Информационно-правовой портал «Гарант» : [сайт]. URL: https://base.garant.ru/43693362/ (дата обращения: 07.06.2026).

экономических зон с подзонами[366]. Данное зонирование осуществлено по географическим, экономическим, социальным, демографическим и историко-культурным критериям. Четыре из семи – Северная, Восточная, Центральная и Предгорная – представляют собой типичные сельские территории Краснодарского края с преобладанием сельского образа жизни, рассредоточенной системой расселения и занятости в аграрном секторе[367]. Остальные три зоны – Черноморская (Таманская подзона), Краснодарская и Сочинская агломерации – характеризуются более высокой долей урбанизированных территорий и значительным влиянием туристско-рекреационного и транспортно-логистического комплексов.

Для целей политики развития сельских территорий наиболее значимые характеристики экономических зон представляются следующим образом:

– Северная экономическая зона объединяет восемь муниципальных районов (Ейский, Каневской, Крыловский, Кущевский, Ленинградский, Павловский, Староминский, Щербиновский) и характеризуется как территория с традиционной аграрной специализацией, где сельское хозяйство остается системообразующим видом деятельности. Сельские населенные пункты здесь сталкиваются с депопуляцией и высоким уровнем старения населения. Трансграничное положение с Ростовкой областью создает потенциал для межрегионального сотрудничества, однако одновременно усиливает и миграционный отток части трудоспособного населения.

– Центральная экономическая зона, включающая одиннадцать муниципальных образований (Абинский, Брюховецкий, Выселковский, Калининский, Кореновский, Красноармейский, Крымский, Приморско-Ахтарский, Славянский, Тимашевский, Усть-Лабинский), позиционируется в Стратегии как территория высокой транспортной доступности и комфортной

[366] Там же.

[367] Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г. Современные тенденции дифференциации социально-экономического развития сельских территорий в региональном пространстве // Modern Economy Success. 2022. № 2. С. 194.

среды проживания. Сельские поселения здесь активно вовлечены в агропромышленную кооперацию и маятниковую миграцию в краевой центр. Зона обладает потенциалом для развития сельского туризма.

– В Восточную экономическую зону входят девять районов (Белоглинский, Гулькевичский, Кавказский, Курганинский, Новокубанский, Новопокровский, Тихорецкий, Тбилисский, Успенский) и г. Армавир, образуя третью по численности населения экономическую зону Краснодарского края. Ее специфика состоит в сочетании мощного промышленного (машиностроение, пищевая и химическая промышленность) и аграрного потенциала. Отличительной чертой зоны является наличие крупных транспортных узлов на пересечении железнодорожных и автомобильных магистралей федерального значения. Сельские территории здесь сталкиваются с проблемой старения кадров и необходимостью внедрения сетевых форм взаимодействия для трансфера технологий.

– Предгорная экономическая зона, состоящая из пяти муниципальных районов (Апшеронский, Белореченский, Лабинский, Мостовский, Отрадненский), представляет собой территорию, разрезанную землями Республики Адыгея, но единую в силу природных и экономических приоритетов. Данная зона характеризуется многоотраслевой экономикой, базирующейся на лесоперерабатывающей промышленности, добыче и производстве строительных материалов, а также развитом туристско-рекреационном комплексе, сформированном на базе уникальных природных ландшафтов и исторической системы расселения. Эта экономическая зона с самой низкой плотностью сельского населения, но с высоким рекреационным потенциалом. Развитие сельского туризма и креативных индустрий здесь сдерживается низкой транспортной доступностью и дефицитом цифровой инфраструктуры.

Помимо четырех охарактеризованных экономических зон в состав Краснодарского края входятКраснодарская и Сочинская агломерации, а

также Черноморская экономическая зона, которые, несмотря на высокую степень урбанизации, включают сельские и пригородные территории, выполняющие рекреационные, сельскохозяйственные и транзитные функции. Однако в Северной, Центральной, Восточной и Предгорной экономических зонах сельский уклад жизни и аграрная специализация остаются доминирующими, что определяет особую значимость этих территорий для реализации государственной политики развития сельских территорий.

Представленная дифференциация сельских территорий по экономическим зонам демонстрирует единство и целостность Краснодарского края как региона с ярко выраженной структурной неоднородностью. Каждая зона обладает специфическим набором ресурсов, ограничений и траекторий развития, что создает предпосылки для реализации дифференцированной политики, учитывающей особенности пространственной организации, экономической специализации и социокультурного ландшафта. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для исследования сетевых ресурсов, поскольку потенциал и конфигурация сетевых взаимодействий будут существенно различаться в зависимости от принадлежности территории к той или иной экономической зоне.

Таким образом, сельские территории Краснодарского края представляют собой сложный социально-экономический и институциональный комплекс, характеризующийся высокой внутренней дифференциацией, наличием как зон динамичного роста, так и территорий депопуляции. Институциональная среда, сформированная многоуровневой системой правовых актов, программных документов, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, создает формальные предпосылки для реализации политики развития. В то же время ее эффективность в значительной степени зависит от способности аккумулировать и использовать сетевые ресурсы. Именно сетевые ресурсы

способны компенсировать инфраструктурные и кадровые дефициты, обеспечить более гибкое и адресное реагирование на запросы сельских жителей и в конечном счете повысить устойчивость сельских территорий Краснодарского края в условиях современных вызовов.

3.2 Потенциал сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий Краснодарского края

Политика развития сельских территорий в современной Российской Федерации сталкивается с системным вызовом ограниченности материальных и финансовых ресурсов. В этих условиях возрастает значение нематериальных ресурсов, и первую очередь – сетевых ресурсов. Сетевые ресурсы формируются, накапливаются и актуализируются в процессе взаимодействия между акторами: органами публичного управления, бизнес-структурами, некоммерческими организациями, местными сообществами и отдельными гражданами. В контексте политики развития сельских территорий анализ сетевых ресурсов приобретает особое значение, поскольку именно через сетевые структуры осуществляется координация усилий, трансфер знаний, мобилизация коллективных действий и формирование общих нарративов развития.

Данный параграф основан на результатах полевых исследований, проводимых в рамках грантового научно-исследовательского проекта, в котором автор являлся исполнителем: проект Российского научного фонда и Кубанского научного фонда № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» (руководитель – И.В. Мирошниченко), реализуемый в 2022–2024 гг. Эмпирическую основу составили транскрипты 12 фокус-групповых дискуссий с жителями сельских муниципальных образований Краснодарского края, 46 экспертных интервью с главами и заместителями

глав муниципальных образований, председателями районных Советов депутатов, атаманами, главными редакторами районных газет, председателями советов ветеранов, руководителями учреждений культуры, образования и молодежной политики и др.

Опираясь на предложенную теоретическую структуру сетевых ресурсов, можно выделить несколько типов, каждый из которых получает специфическое практическое воплощение в виде сообществ, институтов и практик взаимодействия. Эмпирический материал позволяет не только верифицировать данную типологию, но и выявить механизмы актуализации каждого типа ресурсов, а также факторы, способствующие или препятствующие их трансформации в действенный инструмент сельского развития.

Социокультурные сетевые ресурсы составляют основу политики развития, поскольку они формируют ценностно-смысловое пространство, в котором разворачиваются процессы территориального развития. Данный тип ресурсов включает локальную идентичность, ценности, культурный капитал территории и символический капитал территории, основанный на уникальности территории.

Локальная идентичность формирует чувство сопричастности к родному поселению и закреплению населения в сельских территориях. Именно локальная идентичность стимулирует возвращение молодых специалистов после получения образования, способствует преемственности трудовых династий в местных производствах и социальных учреждениях, а также дает импульс для развития семейного предпринимательства в аграрном и туристическом секторах: *Если ты не любишь свой район, если ты не желаешь тут жить, то ничего из этого не получится. Ты будешь агрессивен, ты будешь всем недоволен, ты будешь писать всякие кляузы. Это очень важно, чтобы тебе было комфортно здесь жить, чтобы тебе нравилось здесь жить, чтобы ты чувствовал, что ты как одно целое с тем*

местом, где ты живешь. Это очень важно, и если человек этого не чувствует, то надо убегать, искать место, где тебе будет лучше и комфортнее (эксперт, Крымский район).

В то же время локальная идентичность, выстроенная на основании отрицания своей принадлежности к месту, может выступать барьером к формированию сплоченных сельских сообществ, ориентированных на конструктивные практики развития территории[368]. Стратегия развития муниципального образования должна включать целенаправленную работу по формированию позитивной локальной идентичности.

Так, например, в Стародеревянковском сельском поселении Каневского района локальная идентичность жителей перспективная (жители гордятся своими достижениями, которые созданы здесь и сейчас), «где у жителей присутствует видение будущего территории с желанием и возможностями предпринимать конкретные шаги по усовершенствованию места жительства»[369], тогда как в Рязанском сельском поселении Белореченского района, напротив, она ретроспективная, и опирается на ностальгию по светскому прошлому (образ легендарного председателя колхоза А .Р. Лысенко), и не конвертируется в коллективные действия.

Культурный каптал территории трактуется как совокупность морально-нравственных и духовно-культурных характеристик населения, сформированных в контексте региональной культуры и определяющих систему ценностей, способы и характер жизнедеятельности конкретной территории[370]. Для политики развития сельских территорий культурный капитал приобретает особую значимость, поскольку именно через сети межличностных коммуникаций, институциональных взаимодействий и межпоколенческих связей осуществляется его воспроизводство, трансляция и

[368] Русия Н. Т. Позитивная идентичность как ресурс развития на локальном уровне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 2. С. 110–113.

[369] Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Русия Н. Т. Нематериальные ресурсы… 2025. С.106.

[370] Коровникова Н. А. Аксиологические факторы регионального развития современной России // Россия и современный мир. 2019. № 3(104). С. 171–180.

актуализация. Культурный капитал находит свое отражение как в материальных объектах культурного наследия, так и в нематериальном культурном достоянии (песни, танцы, обряды, традиции, народные ремесла, кулинария), что особенно важно для сельских территорий.

Институциональным каркасом, обеспечивающим функционирование данного сетевого ресурса, выступает разветвленная сеть сельских домов культуры и библиотек, а также этнокультурных объединений. Потенциал культурного капитала сельских территорий Краснодарского края как сетевого ресурса политики развития заключается в его способности выступать основой для формирования локальной идентичности и социальной сплоченности; в его конвертируемости в экономические ресурсы через развитие этнографического, сельского и гастрономического туризма; а также через включение объектов культурного наследия в хозяйственный оборот и создание рабочих мест.

Показательным примером актуализации и конвертации культурного капитала в конкретные формы социальной активности и сетевого взаимодействия служат два фестиваля, ежегодно проводимые в Новополянском сельском поселении Апшеронского района: неформальный фестиваль «Атмосфера» и официальный фестиваль-конкурс «Новые Поляны», которые могут служить наглядным примером актуализации и конвертации культурного капитала территории в конкретные формы социальной активности и сетевого взаимодействия. Фестиваль «Атмосфера», возникший как инициатива группы творческих жителей (местных музыкантов, поэтов, вокальных коллективов), изначально позиционировался как площадка для презентации культурного многообразия: *Фестиваль «Атмосфера», он был первый, можно сказать. Идея была собрать людей творческих, то есть это были музыканты, это были поэты, вокальные группы. То есть задача была собрать в нашем хорошем, красивом месте людей, действительно которые могут культуру представить более широко,*

чем есть у нас в Апшеронском районе (фокус-группа, Новополянское СП). Ключевая особенность данного фестиваля заключалась в неформальном характере и многожанровости (от рок-групп и авторской песни до академического вокала), что позволяло аккумулировать культурные практики разных поколений и стилей с использованием природной среды как сценической площадки.

В отличие от «Атмосферы», фестиваль «Новые Поляны», инициированный в 2015–2016 гг. местным священником, а затем в 2019 году возрожденный местным Домом культуры и депутатским корпусом, приобрел официальный статус конкурса-фестиваля с утвержденными номинациями (вокал, хореография, инструментальное искусство, прикладное творчество, фотография, изобразительное искусство). В 2020 году, в условиях пандемийных ограничений, фестиваль был успешно проведен в онлайн-формате на платформах Вкотакте, Одноклассники и YouTube, что позволило не только сохранить, но и расширить географию участников, собрав более 500 конкурсных работ: *Сообщество создавали этого фестиваля, туда выкладывали все конкурсные номера, у меня были члены жюри по семи номинациям. Но там у нас и Ханты-Мансийск был, там у нас и Питер был, и Москва, там было море всего* (фокус-группа, Новополянское СП). Социокультурный эффект данных проектов проявился в нескольких аспектах:

– фестивали выступили инструментом преодоления противостояния между «коренными» и «приезжими» жителями: *И очень жёсткая конкуренция была, но даже не конкуренция, а вот противостояние. Эти товарищи приехали со своими мыслями, наши со своими мыслями, вплоть до вражды* (фокус-группа Новополянское, СП);

– фестивали обеспечили включение различных социальных групп (от школьников до пенсионеров, от казаков до предпринимателей) в общее событийное пространство: *У меня была мысль более-менее сплотить наше*

поселение, чтобы они каким-то образом ближе друг с другом встречались, взаимодействовали (фокус-группа, Новополянское СП);

– фестивали стали площадкой для формирования творческих сообществ и каналов сетевой коммуникации: *Я в соцсетях выкидывала, нам нужен был субботник по подготовке Дома культуры к фестивалю, я там выкладывала информацию, люди собирались, просто читая там, собирались, и красили, и ремонтировали, было такое* (фокус-группа, Новополянское СП).

Символический капитал территории, основанный на уникальности территории, в сельских территориях Краснодарского края формируется через богатое историко-культурное наследие кубанского казачества, многонациональные традиции и природное разнообразие региона. Уникальные особенности каждого сельского поселения выступают основой для создания узнаваемых локальных брендов, чей потенциал может быть использован для формирования стратегии социально-экономического развития территории: *У нас как знаковый – это черный индюк, эмблема. Это потому что была выведена тихорецкая черная индейка и получили премию на ВДНХ* (фокус-группа, Хоперское СП); *Груша дичка. Символ наш главный. У нас тут реликтовая роща есть грушевая по берегу. Так вот, эта роща, она от голодовки спасала людей* (фокус-группа, Рязанское СП).

Институциональные ресурсы представляют собой совокупность формальных и неформальных норм, правил, организационных структур и сетей взаимодействия, обеспечивающих координацию деятельности акторов политики развития. Данный тип сетевых ресурсов включает сети и их структуру, конфигурацию сетей, социальный капитал, вовлеченность ключевых акторов, качество взаимодействия между ними и лидерство.

Сети и их структура в сельских территориях Краснодарского края характеризуются многоуровневостью и разнообразием акторов. Ключевыми участниками сетевого взаимодействия выступают органы государственной власти и местного самоуправления, некоммерческие организации, бизнес-

структуры, сельские сообщества и местные жители. Конфигурация сетей в сельских территориях края характеризуется преобладанием вертикальных связей над горизонтальными. В то же время наблюдается тенденция к развитию горизонтальных связей через механизмы инициативного бюджетирования, социального проектирования, программы поддержки местных инициатив: *Скажем так, есть инициативное бюджетирование, и очень много проектов на территории Краснодарского края реализуются. У нас последнийобъект в том году в Первенцах площадку построили. У нас была председатель ТОС – Аликова Галина Васильевна, она выступала организатором этого всего мероприятия. Мы помогли ей, направили в нужное русло, куда надо было обратиться, и для проекта, где сделать фотографии, сход граждан проводили. То есть люди сами активно используют эти возможности* (эксперт, Крымский район). Эти механизмы позволяют жителям напрямую участвовать в решении вопросов развития сельского поселения.

Эмпирическое исследование позволяет выделить несколько типов сетевых сельских сообществ, различающихся по своему практическому воплощению и влиянию на развитие.

Сетевые сообщества активных граждан (ТОСы, волонтерские группы, инициативные группы) представляют собой формальные и неформальные объединения жителей, направленные на решение локальных проблем. Инициативные сообщества «снизу» возникают вокруг конкретной проблемы или лидера-активиста: *А так у нас из Ахтанизовского поселения есть ТОС Галины Альбертовны, она четыре…уже пять лет назад приехала с Севера. Она на пенсии и обратилась в администрацию: мне нужно сделать дорожку, у соседей трава заросла. Ей предложили стать ТОС, и теперь она заведует несколькими кварталами и помогает жителям* (эксперт, Темрюкский район). Их путь к субъектности лежит через участие в государственных программах (инициативное бюджетирование, гранты для

ТОС и НКО). Институционализация здесь происходит путем формализации инициативы: создания ТОС, регистрации НКО, разработки проектно-сметной документации. В этом случае инициативная группа выступает в роли заказчика, а администрация – в роли технического исполнителя, что меняет саму природу их отношений. ТОСы являются основными проводниками инициатив снизу, организуя субботники и уборку территорий.

Эксперты отмечают ключевую роль председателей ТОС, которые являются *глазами, ушами и руками* (эксперт, Каневской район) администрации, инициируя решение локальных проблем и помогая в организации общественных работ. Ярким примером такого лидера-активиста является председатель ТОС в Пригородном сельском поселении Крымского района: *Вот у нас есть квартальный председатель ТОС. <…> Вот она в конкурсах участвует, там два раза – второе место, один раз – первое место, там по 500 тыс. рублей <…> и за эти деньги благоустроили там детские площадки. Сейчас она имеет ТОС с юридическим лицом, и в прошлом году грант губернатора выиграла* (эксперт, Крымский район). Однако успех таких инициатив сильно зависит от позиции и компетенций местной власти. Подготовка проектно-сметной документации является «входным билетом» в программы развития, и без этого ресурса даже самая активная инициатива может остаться нереализованной: П*оэтому, конечно, проектно-сметная документация – это входной билет в краевые целевые программы и путь решения очень многих проблем* (эксперт, Крымский район). Для превращения инициативы в реальный проект необходима не только настойчивость, но и умение преодолевать административные барьеры: *Я 6 лет ездил в департаменты с двумя своими проектами газификации. На 6-й год добро дали* (эксперт, Апшеронский район).

Наиболее структурированный тип сельских сообществ – это традиционные сообщества, получившие новый импульс развития, такие как казачество. Казачьи сообщества обладают исторически сложившейся

иерархией, культурным кодом, а также участвуют в охране порядка и патриотическом воспитании молодежи, принимают активное участие в грантовых конкурсах, участвуют в решении социальных проблем, оказывают гуманитарную помощь участникам СВО: *У нас больше сейчас направлено на гуманитарку. Примерно раз в месяц я отвожу гуманитарку* (эксперт, Тихорецкий район); *Казачество наше активно участвует. У нас 105 классов казачьих, у нас 2 казачьих школы … 3 садика, везде наставники, которые работают очень активно и находятся в каждой школе* (эксперт, Тихорецкий район); *В этом году подали на 5 млн. Хотели сделать небольшой стадион футбольный* (эксперт, Белореченский район). В современной политике развития казачьи сообщества выступают как мощная сетевая структура, способная мобилизовать значительные ресурсы и активно встраиваться в государственные механизмы поддержки. Эксперты отмечают высокую активность и открытость казачества, его способность интегрировать различные этнические группы: *Вот у нас в станице Юго-Северной есть школа небольшая … И вот в этой школе много корейцев, и все они казаки. А в Рождественской есть цыгане, и они тоже стали казаками* (эксперт, Тихорецкий район); *В садике есть очень хорошая, очень такая активная группа <…> Ну, естественно, там половина это, скажем так, нехристиане, но им очень нравится, почему нет* (эксперт, Белореченский район).

Предпринимательские сообщества демонстрируют различную степень интеграции в развитие сельских территорий. Этот тип сообществ включает как местных предпринимателей, вкладывающих средства в развитие сельских поселений, так и «неместный» бизнес, который может как интегрироваться в локальную среду, так и оставаться чужеродным элементом. На основе проведенного эмпирического исследования можно выделить несколько моделей участия предпринимательских сообществ в развитии сельских территорий.

Модель социально ответственного предпринимательского сообщества характеризуется интеграцией предпринимателей в жизнь сельских поселений, что выражается в систематической финансовой и организационной поддержке инфраструктурных проектов. Такая модель сложилась в Таманском сельском поселении Темрюкского района. Здесь выстроено эффективное взаимодействие между администрацией, местным бизнесом (агрофирма «Южная») и крупными корпорациями (группа компаний «ОТЕКО», «Тамань-Нефтегаз»): *Можно сказать, что бизнес работает на развитие и выделяет денежные средства* (фокус-группа, Таманское СП).

Вторая модель предполагает эпизодическую помощь по запросу администрации, преимущественно в рамках разовых акций или чрезвычайных ситуаций: *Те, кто вырос в этом посёлке, в Гуамке или Нижегородской, те, которые сейчас занимаются бизнесом, они непосредственно помогают. Их мотивируют. Добровольно-принудительно, но все помогают* (фокус-группа, Нижегородское СП); Б*ывает там, дороги, которые до кладбища чуть-чуть там, по-над кладбищем нашим. Предприниматель этого, человек-собственник, который работает на себя, а сейчас.... Ленится* (фокус-группа, Челбасское СП). Такая модель характерна для большинства исследуемых сельских поселений Краснодарского края.

Третья модель характерна для крупных собственников, часто проживающих в других городах, которые ограничиваются лишь уплатой налогов. Например, в Молдаванском сельском поселении Крымского района владельцы винодельческого комплекса «Лефкадия», зарегистрированного в Москве, участие в жизни поселения фактически не принимают и контакты выстраивают только с руководством района: *Мы просили… у нас от Лефкадии вот эта дорога, что наверх… просили, они ее подключили к своему, там 5 фонарей, по-моему. Сейчас они написали письмо, что даже*

вплоть до того, что отключить – мы не будем платить за ваши фонари; Они выкупили земли и там взяли в аренду, но за ними не ухаживают (фокус-группа, Молдаванское СП). Можно отметить, что потенциал предпринимательского сообщества раскрывается при условии наличия локальной идентичности и горизонтальных связей с администрацией и остается слабо используемым активом в политике развития сельских территорий.

Отдельным примером институционализации сетевых сельских сообществ является формирование сообществ на базе молодежных структур: *У нас же есть органы молодежного самоуправления. <…> Получается, что молодежный совет при главе это 14 человек в данном составе. И есть ученический совет... Там с ними тоже всегда встречается глава, всегда живой диалог. В общении с ними он говорит настолько просто, настолько открыто* (эксперт, Апшеронский район). Это демонстрирует наличие каналов прямой коммуникации и чувствительности власти к запросам сети. Именно через неформальное общение и диалог на равных удается вовлекать молодежь в общественную жизнь и стимулировать ее инициативы: *Начальник мой бывший и я. Мы пришли к тому мнению, что частенько, чтобы повлиять на мнение молодежи, им надо общаться не с дядями и тетями в классических пиджаках, а с такими же, как они. <…> У нас получается 100 вопросов взрослому либо диалог на равных. То есть мы туда приглашаем не только специалистов, там каких-то мощных взрослых. Вот у нас была девочка 16 лет, она чемпионка России по боксу. <…> И вот на таких примерах, может быть, что-то даже и получится* (эксперт, Тихорецкий район).

Лидерство в сельских территориях Краснодарского края играет ключевую роль в мобилизации сетевых ресурсов. На муниципальном уровне лидерские позиции занимают главы сельских поселений и активные представители сельских сообществ. Эмпирические данные свидетельствуют,

что ключевым фактором, определяющим успешность актуализации сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий, является наличие эффективного лидера, способного сформировать команду единомышленников и выстроить горизонтальные связи с различными группами акторов. Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить и охарактеризовать ряд типичных лидерских практик в исследуемых сельских сообществах.

«Так в Фастовецком сельском поселении Тихорецкого района Краснодарского края сложилось консолидированное лидерство. Молодой глава Фастовецкого сельского поселения благодаря своим личностным и деловым качествам в короткие сроки смог создать вокруг себя команду единомышленников, ориентированных на привлечение ресурсов и вовлечение активных граждан в решение проблем поселения: *Он как бы никогда не оставляет никакие проблемы без внимания, то есть к нему приходят люди, они просто идут постоянно к нему на приём; Он целеустремленный. Мне нравится, что вот если он поставил цели, он их выполняет* (фокус-группа, Фастовецкое СП). Дефицит материальных ресурсов в сельском поселении преодолевается за счет включения в различные грантовые программы, реализацию национальных проектов и программ, инициативного бюджетирования, что способствует интенсивному развитию социальной инфраструктуры в сельском поселении».[371]

«Противоположная ситуация сложилась в Рязанском сельском поселении Белореченского района Краснодарского края. В данном поселении сложилось конфликтное лидерское взаимодействие. На протяжении десятилетий главы поселения не смогли консолидировать локальные сообщества и граждан для включения в решение проблемы территории. Глава поселения закрыт для общения с активными неравнодушными

[371] Ячменник К. В. Лидерство в консолидации локальных сообществ // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск : материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием, Москва, 01–02 декабря 2023 года. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. С. 701–702.

жителями, вследствие чего сложился определенный уровень недоверия населения к местному руководству: *Между прочим, сейчас с населением администрация встречается один раз в год. Это отчетная сессия в марте. Все, больше никаких сборов не существует* (фокус-группа, Рязанское СП). Таким образом, мы видим, что лидерство является значимым сетевым ресурсом развития сельских территорий, определяющим их успешное будущее. От лидеров напрямую зависит консолидация локальных сообществ и их мотивация включаться в решение актуальных проблем территории».[372]

Практически во всех успешных сельских поселениях глава становится связующим звеном, которое координирует деятельность всех вовлеченных акторов. Данные экспертных интервью показывают, что эффективный глава:

– формирует команду из руководителей бюджетных учреждений, предпринимателей, казачества, ТОСов и активных граждан: *Сама фигура лидера, естественно, которая собирает вокруг себя. Стратегия развития этой команды, члены этой команды, то есть люди, которые знают свое дело, грамотные по направлениям, каждый отвечающий за свое собственное направление, ну и они умеют сотрудничать друг с другом, поэтому команда работает слаженно* (эксперт, Тихорецкий район);

– обладает не только административными ресурсами, но и лидерскими качествами, умеет мотивировать и распределять ответственность: *наш движок – это наш глава, который сам стремится, и мы стараемся не отставать* (фокус-группа, Стародеревянковское СП);

– выступает «добытчиком» ресурсов, активно участвуя в федеральных и краевых программах, используя личные связи и управленческий опыт: «*Глава у нас пришел. Вы посмотрите, как у нас облагородилась наша» станица* (фокус-группа, Фастовецкое СП).

Социальный капитал представляет сельских территорий представляет собой совокупность укорененных в сельских сообществах норм доверия,

[372] Ячменник К. В. Лидерство в консолидации… 2023. С. 702.

взаимопомощи и горизонтальных связей, которые обеспечивают координацию и кооперацию в целях достижения общего блага. В контексте политики развития сельских территорий Краснодарского края данный сетевой ресурс определяет способность сельских сообществ к самоорганизации, конструктивному взаимодействию и устойчивому развитию территории. В структуре социального капитала выделяют две взаимосвязанные, но функционально различные формы: «связующий» и «связывающий».

В сельских территориях доминирует «связывающий» социальный капитал, укорененный в исторической памяти, межпоколенческих связях и неформальных практиках взаимопомощи: *Если что-то где-то случалось, наши фастовчане не ждали каких-то предложений. Все шли и помогали друг другу* (фокус-группа, Фастовецкое СП); *Все, кто ни идет, от мала до велика, все здороваются, все приветливые, все друг другу помогают* (фокус-группа, Молдаванское СП). Данная форма обеспечивает высокий уровень внутригруппового доверия и устойчивость сельских сообществ, однако ее потенциал ограничен рамками гомогенных социальных сетей.

Напротив, «связующий» социальный капитал основывается на связях между разнородными группами (власть, бизнес, приезжие) и отвечает за выстраивание каналов мобилизации внешних ресурсов: *Я знаю, что многие главы с района злятся на нашего главу, на наше поселение, потому что мы каждый, практически каждый год мы выигрываем в какой-то программе. Ну наверное, потому что мы, если беремся за дело, то доводим его до конца* (эксперт, Тихорецкий район). Данная форма социального капитала слабо проявляется в сельских территориях Краснодарского края, а его состояние определяет успешность или неуспешность развития сельских территорий.

Однако эксперты отмечают, что потенциал социального капитала реализуется неравномерно и его дефицит создает барьеры для развития сельских территорий: *Из общей массы населения только 25 % обладают*

какой-то гражданской активностью. Остальные вот они живут своей жизнью, и им ничего не надо, лишь бы эта жизнь была нормальной, благоустроенной и никто им там не мешал жить (эксперт, Крымский район). Данный дисбаланс порождает фрагментацию сельских сообществ по линиям «местные–приезжие», «власть–бизнес», «власть–жители», что в депрессивных сельских поселениях трансформирует социальный капитал в частное благо – «замкнутые сети, ориентированные исключительно на внутренние интересы и блокирующие коллективные действия, тогда как в успешных сельских поселениях формируется социальный капитал как общественное благо с широкими горизонтальными и вертикальными связями»[373].

Мобилизационно-организационные сетевые ресурсы включают способность сельских сообществ к самоорганизации, коллективным действиям, координации усилий для решения общих проблем и привлечению дополнительных ресурсов. Данный тип ресурсов актуализируется в ситуациях, когда формальные институты власти оказываются недостаточно эффективными или оперативными, и жители вынуждены самостоятельно формировать механизмы реагирования на локальные вызовы. Ключевым инструментом мобилизации выступают мессенджеры и социальные сети, которые позволяют мгновенно распространять информацию, координировать действия и привлекать участников.

Сельские сообщества активно используют групповые чаты для решения широкого спектра задач: от оповещения о коммунальных авариях до организации субботников и сбора помощи: *Сейчас вот есть у нас группа «Уличное освещение», то есть фонарь не горит, все сразу пишут, все исправляют, реагируют* (фокус-группа, Фонталовское СП); *В соцсетях выкидывала, нам нужен был субботник по подготовке Дома культуры к фестивалю, я там выкладывала информацию, люди собирались, просто*

[373] Miroshnichenko I. V., Doroshenko O. V., Tereshina M. V. et al. Analysing Rural Development… 2024.

читая там, собирались, и красили, и ремонтировали (фокус-группа, Новополянское СП). Примечательно, что инициатива по созданию таких групп часто исходит не от администрации, а от самих жителей, что свидетельствует о развитых механизмах низовой самоорганизации: *Собрались мы по поводу улицы. Решили построить, собрали деньги, закупили материалы* (фокус-группа, Стародеревянковское СП). Эффективность организационно-мобилизационных ресурсов напрямую зависит от наличия лидеров, вокруг которых кооперируется активная часть сельского сообщества: *Наш движок – это наш глава, который сам стремится, и мы стараемся не отставать* (фокус-группа, Стародеревянковское СП); *Нас сплотил предыдущий глава* (фокус-группа Молдаванское СП). Однако потенциал этих ресурсов часто остается незадействованным ввиду дефицита у сельских жителей компетенций в области социального проектирования, что ограничивает трансформацию разовых инициатив в системные проекты развития.

Информационно-коммуникативные ресурсы включают цифровые платформы и сервисы, цифровые профили в публичном дискурсе, доступ к знаниям, а также общие нарративы и разделяемое видение будущего. Цифровые платформы и мессенджеры (ВКонтакте, Одноклассники, Max, Telegram) выступают не просто как средство коммуникации, а как необходимый инструмент для координации, мобилизации и обратной связи. Они позволяют поддерживать горизонтальные связи с минимальными издержками. Эксперты констатируют повсеместное распространение таких каналов, объединяющих людей по профессиональным и соседским интересам: <…> *предпринимательское сообщество. У них есть своя [группа]. Предприятия, я тоже уверен, люди общаются. У нас есть сайт администрации, сайт библиотечной системы. … плюс жители создают свои группы. В плане даже того, что собирают гуманитарную помощь, у них есть своя группа. У медиков своя, они общаются там.* <…> *Поэтому, в*

принципе, в плане общения и в плане того, чтобы поделиться какой-то информацией, проблем вообще никаких нет (эксперт, Каневской район).

Однако функционал этих каналов гораздо шире. Как отмечают эксперты, мессенджеры превратились в эффективный инструмент оперативного управления и решения проблем, а также важный канал оповещения при чрезвычайных ситуациях: *У нас есть официальный телеграм-канал поселения. Туда обращаются в основном со штатными вопросами: где отсыпка улиц, где рытье канав, водоотводов, замена перегоревших лампочек, вышедших из строя. Все это решается за дежурные сутки или за неделю* (эксперт, Крымский район); *Вот через эти группы запускаем информацию, что выпали сильные осадки, через час возможно подтопление, просим вас подготовить документы, поднять вещи повыше, что-то с улицы убрать* (эксперт, Крымский район). Кроме того, официальные страницы и группы используются не только для информирования, но и для проведения опросов населения, что повышает сопричастность граждан к решениям местных властей: *Уже завершается строительство центра единоборств, и мы решили в соцсетях сделать опрос населения, как же мы его назовём? Как это бурно обсуждалась. Ох, как они спорили там между собой. В итоге голосовали несколько раз* (эксперт, Тихорецкий район).

Именно в цифровой среде рождается общественное мнение и фиксируются проблемы. В то же время власть вынуждена мониторить и неофициальные паблики, которые часто являются источником «информационного шума» и негатива, но при этом позволяют выявлять реальные проблемы: *У нас есть две такие группы прямо на виду … называется Блокнот Крымск, сейчас это называется "Тема Кубани", там около 5000 подписчиков и "Крымск наш". Мы их внимательно отслеживаем. Кроме какой-то повестки политической, федеральной, обязательно там прописывают, что произошло в течение дня* (эксперт, Крымский район). В

то же время эксперты подчеркивают, что неофициальные паблики становятся площадкой для диалога, где администрация может оперативно реагировать на запросы граждан, комментируя проблемы и отчитываясь об их решении: *Если в этих социальных сетях, которые не имеют отношения к официальной власти, появляется какой-то комментарий, что ничего не делается, сразу администрация подключается и ниже под этим постом делает отчет. И это вот очень классно* (эксперт, Крымский район).

Наиболее дефицитным информационно-коммуникативным ресурсом являются общие нарративы и разделяемое видение будущего. Эмпирическое исследование показало, что жители многих сельских поселений Краснодарского края не могут сформулировать образ желаемого будущего, фокусируясь на текущих проблемах (дороги, освещение, вода). В успешных же поселениях (Страродеревянковское, Фастовецкое, Пригородное, Таманское) такое видение транслируется главой и его командой и становится основой для стратегического планирования и проектной деятельности: *Сохранить тот уровень, который наработан*; *улучшать, сохранять, добавлять* (фокус-группа, Страродеревянковское СП).

Материально-технические сетевые ресурсы представлены инфраструктурой, созданной и используемой совместно. В сельских территориях Краснодарского края этот сегмент характеризуется значительными инвестициями и модернизацией. Администрации сельских поселений активно участвуют в национальных проектах, федеральных и региональных программах: *Два дома культуры отремонтировали в рамках нацпроекта* (фокус-группа, Фонталовское СП); *Вот мы в позапрошлом году в поселке Комсомольском клуб 1952 года постройки, мы по программе Министерства культуры его капитально отремонтировали, сейчас на него смотришь, он как игрушечка, хотя это был сарай, ободранный там, с выбитыми окнами* (эксперт, Белореченский район); *Парковку рядом с амбулаторией и зону отдыха сделали по программе инициативного*

бюджетирования (эксперт, Крымский район). За последние годы построены и капитально отремонтированы десятки крупных социальных объектов: спортивные комплексы, школы, дома культуры, медицинские учреждения: *Новая школа прекрасная стоит, недавно построена* (фокус-группа, Новукраинское СП); Стадион, спорткомплексы новые, мы ходим в ногу со временем (фокус-группа, Стародеревянковское СП). Также построены сотни объектов инженерной инфраструктуры и благоустройства: *Сейчас нам опять 4 800 000 перечислили, осенью будем продолжать еще где-то новые парковые зоны делать, где-то улицы озеленять, объекты озеленять* (эксперт, Крымский район).

Инновационно-репутационные ресурсы включают способность генерировать и адаптировать инновации, а также репутацию территории, формируемую через сетевые коммуникации. Ключевым индикатором инновационного потенциала сельского поселения выступает его вовлеченность в конкурсные механизмы, предоставляемые федеральными и региональными институтами развития. Эксперты единодушно отмечают, что наиболее успешные сельские поселения активно участвуют в программах инициативного бюджетирования, национальных проектах, грантовых конкурсах: *Мы каждый, практически каждый год мы выигрываем в какой-то программе. Ну наверное, потому что мы, если беремся за дело, то доводим его до конца* (эксперт, Тихорецкий район); *У нас сейчас спорткомплекс построили по программе развития сельских территорий. Мы же были пионерами, мы первые в Краснодарском крае в эту программу вошли* (эксперт, Белореченский район). В то же время многие эксперты отмечают, что значительная часть поселений либо не знает о существующих механизмах поддержки, либо не обладает компетенциями для участия в конкурсах: *Сама система не предполагает быстрого роста сельских поселений, в моем представлении, мой жизненный опыт так подсказывает* (эксперт, Белореченский район); *Район помогает, на месте нет, на месте*

вообще специалистов нет. Зарплата маленькая (эксперт, Тихорецкий район).

Репутация территорий, формируемая через сетевые коммуникации, является важным нематериальным активом сельских территорий Краснодарского края. Регион позиционируется как один из лидеров агропромышленного комплекса Российской Федерации. Сельские территории края привлекательны для развития агротуризма. За последние пять лет туристический поток в сельские территории удвоился до 1 млн человек в год[374]. В Краснодарском крае работают более 100 объектов агротуризма, включая 35 экскурсионных виноделен, страусиные ранчо, улиточные фермы и горные пасеки.

Важным элементов в формировании репутации сельского поселения выступает участие в конкурсах на звание «Лучшего сельского поселения», что, в свою очередь, не только укрепляет репутацию территории, но и приносит инвестиции: *Придорожное сельское поселение. Когда они подались впервые на конкурс лучших поселений. Попадались и попадались, надо и надо. А тут раз и сразу такая успешная… У них было первое место, потом 2 место. Вот они стали получать эти деньги за свое участие, но, конечно, это интересно, это неожиданно* (эксперт, Каневской район); *Мы 4 раза занимали первое место в крае в конкурсе на лучшие поселения по благоустройству, получали пятимиллионный грант четырежды и один раз мы заняли 2 место – получили 4,5 млн* (эксперт, Каневской район). Однако репутация территории может быть и негативной, что создает барьеры для развития, формирует негативный имидж территории как бесперспективной для жизни, отталкивает инвесторов и молодых специалистов: *Если бы была работа, молодёжь бы отсюда не бежала* (фокус-группа, Рязанское СП); *Мы участвуем во всех краевых программах. Больше ничего* (фокус-группа, Хоперское СП).

[374] Мед, улитки и альпака // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8814894 (дата обращения: 15.07.2026).

Таким образом, инновационно-репутационные ресурсы сельских территорий Краснодарского края характеризуются значительной дифференциацией. Успешные сельские поселения демонстрируют высокую инновационную активность, активно участвуя в грантовых конкурсах, региональных и федеральных программах, и формируют позитивную репутацию через сетевые коммуникации и общественное признание. В то же время значительная часть сельских территорий остается вне этих процессов, что усугубляет их отставание и создает репутационные барьеры для привлечения ресурсов и населения.

Для верификации предложенной типологии и выявления факторов успешности актуализации сетевых ресурсов рассмотрим четыре эмпирических кейса, представляющих различные траектории развития сельских территорий.

Фастовецкое сельское поселение Тихорецкого района представляет собой пример максимальной интеграции сетевых ресурсов в политику развития сельской территории. В сельском поселении сформирована институциональная сеть, объединяющая администрацию, депутатский корпус, казачество, предпринимателей и активных граждан: *Напротив ДК вот мельницу построил [глава], мы с казаками там помогаем тоже за ним ухаживать, там траву покосить. Плотно идем с нашим местным самоуправлением, потому что много что делается* (эксперт, Тихорецкий район). Ключевую роль в этой сети играет глава поселения, который, по словам экспертов, *вовремя пришел <…> вот под все эти программы региональных средств на развитие* (эксперт, Тихорецкий район) и сумел выстроить эффективную команду: *Мы работаем командой, у нас командная работа* (эксперт, Тихорецкий район).

В Фастовецком сельском поселении активно используются мобилизационно-организационные сетевые ресурсы. ТОСы здесь не просто существуют формально, а являются реальными субъектами развития: *ТОСы*,

конечно, особенно мне нравится их работа, когда проводим субботники. <…> Вот, например, даже те аллеи, которые на въезде вдоль улицы, там сейчас липы посажены, люди выходят прям сами ухаживать (эксперт, Тихорецкий район). Инициативы снизу становятся системной практикой: *Мы выходили с инициативной группой по строительству нашего парка одного. Сейчас мы занимаемся ремонтом памятника погибшим нашим. <…> И дальше будем продолжать заниматься, облагораживать нашу страницу* (фокус-группа, Фастовецкое СП). Активно в поселении используются и информационно-коммуникативные сетевые ресурсы. Администрация поселения ведет группы в Telegram и ВКонтакте, используя их не только для информирования, но и для получения обратной связи: *У нас везде открыты комментарии, мы всегда готовы к критике* (эксперт, Тихорецкий район).

Социокультурные сетевые ресурсы интегрированы в повседневные практики развития. Казачье образование, сохранение традиций становятся не просто данью истории, а ресурсом консолидации сельского сообщества и привлечения молодежи: «*Сейчас мы пытаемся развивать, набираем молодых казаков. У нас очень много поприходило ребят, неравнодушных, в возрасте от 30 до 40 лет, которые хотят именно, у которых были там деды, казаками, отцы, быть казаками, которые хотят, чтобы все это процветало»* (эксперт, Тихорецкий район).

Результатом интеграции сетевых ресурсов в Фастовецком сельском поселении стали не только новые инфраструктурные объекты, но и качественное изменение социальной атмосферы. Жители воспринимают поселение как «свое» и готовы вкладывать свои личные ресурсы в его развитие.

Пригородное сельское поселение Крымского района наращивает свой потенциал развития благодаря использованию сбалансированной конфигурации сетевых ресурсов всех типов. Социокультурные ресурсы сельского поселения аккумулируются вокруг сильных символических

центров. Храм Святого Георгия Победоносца, построенный на пожертвования жителей, выступает не только религиозным, но и социальным ядром: *[Батюшка] участвует во всех мероприятиях поселения. Он такой активный вообще; Батюшка абсолютно во всех мероприятиях и патриотической направленности, и духовно-нравственной. Очень хорошо налажена работа с детками. Я ж говорю, он везде и всюду. Он и на уроках, он и на концертах, он и на встречах, он и на выезде* (фокус-группа, Пригородное СП). Историческая память территории актуализируется через уход за братскими могилами и двенадцатью объектами культурного наследия, что формирует чувство сопричастности у местных жителей.

Ключевым институциональным ресурсом выступает сложившаяся конфигурация сетей, охватывающая администрацию, бизнес, казачество и некоммерческие организации. Местные предприниматели не только проявляют инициативу, но и активно включаются в социальные проекты: *Панов сделал прекрасный тротуар. Высадил туи; предприниматели продуктовые наборы очень часто пожилым, ветеранам к 9 мая, к 1 октября, к Дню пожилого человека, то есть никогда не отказывают* (фокус-группа, Пригородное СП). Казачье общество насчитывает 93 человека, в школе функционирует четыре казачьих класса, что обеспечивает преемственность традиций и вовлеченность молодежи.

Мобилизационно-организационные сетевые ресурсы проявляются в способности жителей к самоорганизации. Наиболее показательный пример деятельности ТОС в хуторах Верхняя и Нижняя Ставрополька: *Вот она [квартальная] в конкурсах участвует, там два раза - второе место, один раз – первое место, там по 500 тыс. рублей, там по 300 тыс. рублей, и за эти деньги благоустроили там детские площадки. Сейчас она имеет ТОС с юридическим лицом, и в прошлом году грант губернатора выиграла, а в этом году реализовала – тренажеры установили* (эксперт, Крымский район). Примечательно, что инициативы часто исходят от самих жителей: *Да, есть,*

меньший, конечно, процент <…> снизу кто-то инициативу проявляет. Например, давайте кладбище огородим, или давайте сделаем вот здесь зеленую зону, или давайте детскую площадку улучшим. Даже вот мы какие-то качели, карусели приобрели, привезли, они собрались и установили их, мы еще цемент только привезли. Детские площадки, которые дворовые, обязательно сами жители наводят порядок (эксперт, Крымский район).

Информационно-коммуникативные ресурсы развиты в Пригородном сельском поселении на высоком уровне. Функционирует несколько групп в мессенджерах, выполняющих как информационную, так и мобилизационную функцию: *Вот в Новоукраинке, например, две группы крупные. В Армянском тоже есть группы. <…> И если там начинается какое-то «брожение», там или с водой проблема <…>. Там сразу сигнализируют, и мы на водоканал выходим* (эксперт, Крымский район); *Если просто приходит к нам штормовое предупреждение, мы в основном в своей группе администрации в Telegram, ВКонтакте, Одноклассниках выкладываем* (эксперт, Крымский район).

Материально-технические ресурсы совместного использования пополняются благодаря участию в федеральных и региональных программах, проектах инициативного бюджетирования и грантах губернатора: *По-всякому. Где-то за счет бюджета мы что-то делаем, много у нас делается за счет компенсационного озеленения. <…> И, конечно, вступаем в программы инициативного бюджетирования, три года в нее попадали и четыре зоны благоустроили – три в Новоукраинском и одну в Армянском. <…> Потом парковку рядом с амбулаторией и зону отдыха сделали по программе инициативного бюджетирования. Вот у нас новую школу построили, школа площадью 3 га, там очень большой парк, большое озеленение* (эксперт, Крымский район). Важно отметить, что эти объекты становятся точками притяжения местных жителей и усиливают их локальную идентичность.

Инновационно-репутационные ресурсы формируются через активное участие в грантовых конкурсах (гранты губернатора, президентские гранты), проектах инициативного бюджетирования, национальных проектах, федеральных и региональных программах, что закрепляет репутацию территории как успешно развивающейся: *Наши поселения, безусловно, нельзя не привести в пример которые сегодня эффективно развиваются* (эксперт, Крымский район). Таким образом, Пригородное сельское поселение Крымского района представляет собой пример территории с актуализированным сетевым потенциалом, где все типы ресурсов взаимно усиливают друг друга, формируя сбалансированную и поступательную траекторию развития.

Пример Фонталовского сельского поселения Темрюкского района также демонстрирует картину, в которой при наличии объективных предпосылок для развития сетевые ресурсы остаются неактуализированными. Социокультурные ресурсы в сельском поселении представлены фрагментарно. Участники фокус-групповой дискуссии характеризуют свое поселение как *«удобное», «спокойное», «уютное»* (фокус-группа, Фонталовское СП), однако выраженной локальной идентичности не фиксируется. Символический капитал практически не используется для консолидации сообщества. Единственным значимым объектом выступает храм, но его роль в общественной жизни ограничена. Различия между населенными пиктами в сельском поселении создают внутреннюю фрагментацию, препятствующую формированию единой идентичности.

Институциональные ресурсы характеризуются слабой конфигурацией сетей и разобщенностью акторов, отсутствует конструктивное взаимодействие между администрацией и бизнесом: *Максимум, наверное, какой-нибудь подарок, какой-нибудь праздник… нет больших каких-то* (фокус-группа, Фонталовское СП). Местные предприниматели

воспринимают администрацию оппозиционно: *У них просто такое понятие, что администрация должна им всем и все* (фокус-группа, Фонталовское СП); и в поселении не сформирована практика социального инвестирования бизнеса: *Крупных социальных инвестиций нет* (фокус-группа, Фонталовское СП).

Мобилизационно-организационные ресурсы не сформированы. На вопрос о гражданских инициативах участники фокус-групповой дискуссии отвечают скептически: *Возле дворов людей не заставишь убрать, траву скосить возле двора* (фокус-группа, Фонталовское СП). Волонтерское движение существует, однако его основу составляют школьники: *В основном у нас участвует молодежь и школьники* (фокус-группа, Фонталовское СП); тогда как взрослое население пассивно: *Инфантильное население у нас* (фокус-группа, Фонталовское СП). Механизмы координации усилий для решения общих проблем отсутствуют. Проблемы решаются либо через административные механизмы, либо остаются нерешенными.

Информационно-коммуникативные ресурсы представлены преимущественно группами в мессенджерах для решения бытовых вопросов. Отсутствуют каналы, аккумулирующие инициативы жителей или формирующие общее видение будущего. Материально-технические ресурсы совместного использования ограничены. В поселении в рамках национального проекта отремонтированы два дома культуры, однако системного подхода к развитию инфраструктуры нет. Созданные объекты инфраструктуры не становятся точками притяжения и не генерируют новые сетевые взаимодействия. Инновационно-репутационные ресурсы в Фонталовском сельском поселении не сформированы. Администрация и жители поселения не участвуют в грантовых конкурсах, не создают инновационных проектов развития. Репутация территории в районном дискурсе характеризуется как стагнирующая: *Так развития никакого в этом в сельском поселении, больше упор делается на Кучугуры* (эксперт,

Темрюкский район). Отсутствие позитивной репутации, в свою очередь, снижает привлекательность для инвесторов и внешних ресурсов.

Таким образом, Фонталовское сельское поселение Темрюкского района демонстрирует пример неактуализированного сетевого потенциала. При наличии отдельных элементов сетевых ресурсов они остаются фрагментированными и не конвертируются в устойчивое развитие территории. Ключевым дефицитом выступает отсутствие институциональных механизмов, способных объединить разрозненные усилия акторов в системное взаимодействие.

Хоперское сельское поселение Тихорецкого района является примером территории, где большинство типов сетевых ресурсов либо отсутствуют, либо находятся в латентном состоянии, что усугубляется низкой субъектностью жителей. В поселении ощущается острый демографический кризис. Численность учащихся в школе за последние 10 лет сократилась с 300 до 135. Молодежь уезжает в крупные города – Краснодар и Ростов-на-Дону из-за отсутствия работы, а приезжают в основном пенсионеры.

Социокультурные ресурсы редуцированы до пассивной привязанности. Хотя респонденты характеризуют поселение как *«тихое, спокойное»* место, уровень гражданской активности минимален. Институциональные ресурсы крайне слабы и не интегрированы в политику развития. Казачество прикреплено к соседней станице Архангельской, ТОСы формальны, а предприниматели помогают ситуативно. Аптеки и крупных сетевых магазинов нет, фельдшер работает один раз в неделю. Школа испытывает острую нехватку кадров: *У нас ровно год в школе не было русского языка* (фокус-группа, Хоперское СП). Администрация поселения не выступает модератором сетевого взаимодействия.

Мобилизационно-организационные ресурсы практически отсутствуют: *Субботники часто проходят… Только администрацией, Домом культуры и сельской библиотекой. Всё. Желающих нет. А, нет, ну школа. Но желающих*

со станицы нет. Детей сейчас нельзя привлекать (фокус-группа, Хоперское СП). Информационно-коммуникативные ресурсы ограничены группами объявлений в мессенджерах для решения бытовых вопросов: *Где-то что-то прорвалось, вода прорвалась или электричество, или куда-то надо что-то сделать, в группу выставляют* (фокус-группа, Хоперское СП). Разделяемое видение будущего в Хоперском сельском поселении отсутствует. На вопрос о проектах развития респонденты отвечают: *А какие у нас тут проекты?* (фокус-группа Хоперское СП). При неограниченных ресурсах они не могут сформулировать, что хотели бы изменить: *Я считаю никак* (фокус-группа, Хоперское СП).

Эксперты отмечают, что проблемы Хоперского сельского поселения – в отдаленности и отсутствии градообразующего предприятие: *Проблемным будет, опять же, то поселение, где нет какого-то предприятия, где нет какого-то бизнеса. Вот это поселение, оно сразу проблемное. То же Хоперское и не только оно* (эксперт, Тихорецкий район); *поселение небольшое, скажем так, по численности людей, небольшое, но по разбросанности, наверное, самое большое, потому что у меня вот станица Хоперская и еще 9 хуторов, маленькие, большие, ну, если вот так вот поехать кругом, ну выходит 70 километров* (эксперт, Тихорецкий район).

Данный эмпирический кейс демонстрирует ситуацию, когда латентность сетевых ресурсов усугубляется отсутствием субъектной позиции у жителей и разрывом между властью и населением. Здесь потенциал сетевых ресурсов минимален, а его актуализация требует не только институциональных изменений, но и формирования гражданской идентичности и субъектности у жителей.

На основе проведенного анализа мы выделяем четыре различающихся типа конфигураций сетевых ресурсов, различающиеся по степени их актуализации и включенности в практики территориального управления:

интеграционная, сбалансированная, фрагментированная, латентная. Сводная характеристика данных конфигураций представлена в таблице 22.

Интеграционная конфигурация, зафиксированная в Фастовецком сельском послании Тихорецкого района, предполагает взаимное усиление всех типов сетевых ресурсов под руководством сильного лидера, что обеспечивает устойчивое развитие и высокую субъектность местных сообществ. В сбалансированной конфигурации, зафиксированной в Пригородном сельском поселении Крымского района, сетевые ресурсы дополняют друг друга, опираясь на деятельность и активность множества акторов. Это формирует поступательное развитие на основе горизонтальных связей. Фрагментированная конфигурация, зафиксированная в Фонталовском сельском поселении Темрюкского района, демонстрирует наличие отдельных типов сетевых ресурсов при отсутствии институциональных механизмов их конвертации и актуализации, что ведет к разрозненным и несистемным изменениям. Латентная конфигурация, зафиксированная в Хоперском сельском поселении Тихорецкого района, характеризуется блокировкой большинства сетевых ресурсов, пассивностью населения и отсутствием конструктивного взаимодействия между властью, бизнесом и сельским сообществом, что способствует стагнации. Именно конфигурация, а не простое наличие сетевых ресурсов, определяет их трансформацию в действенный инструмент политики развития.

Таблица 22 – Конфигурации сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий Краснодарского края[375]

Сельское поселение	Тип конфигурации сетевых ресурсов	Характеристика актуализации сетевых ресурсов	Ключевые проблемы	Траектория развития
Фастовецкое сельское поселение Тихорецкого района	Интеграционная конфигурация	Все типы сетевых ресурсов усиливают друг друга, конвертируются в проекты развития под руководством сильного лидера, что обеспечивает устойчивое развитие территории и высокую субъектность сельских сообществ	–	Устойчивое развитие
Пригородное сельское поселение Крымского района	Сбалансированная конфигурация	Сетевые ресурсы дополняют друг друга, опираясь на деятельность и активность множества акторов	–	Поступательное развитие
Фонталовское сельское поселение Темрюкского района	Фрагментированная конфигурация	Отдельные сетевые ресурсы присутствуют, но не связаны между собой, отсутствуют механизмы их конвертации в развитие	Отсутствие институциональных механизмов координации, пассивность населения, отсутствие конструктивного взаимодействия между властью и бизнесом	Фрагментированное развитие
Хоперское сельское поселение Тихорецкого района	Латентная конфигурация	Большинство типов сетевых ресурсов находятся в латентном состоянии либо отсутствуют, сельские сообщества не обладают субъектностью, развитие заблокировано	Демографический кризис, отсутствие предприятий на территории поселения, пассивность населения, отсутствие конструктивного взаимодействия между ключевыми акторами	Стагнация

[375] Источник: составлено автором самостоятельно по результатам исследования.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что сетевые ресурсы представляют собой необходимый компонент политики развития сельских территорий, эффективность которого определяется не столько наличием отдельных типов ресурсов, сколько их конфигурацией, где разные типы ресурсов усиливают друг друга. Ключевым фактором, определяющим успешность актуализации сетевых ресурсов, выступает наличие эффективного лидера, который не только мобилизует внешние ресурсы, но и формирует разделяемое видение будущего, выстраивает горизонтальное взаимодействие между разнородными группами акторов, трансформирует латентный потенциал сельских сообществ в конкретные проекты развития. На основе анализа представленных эмпирических кейсов мы пришли к выводу, что успешное развитие территории определяется конфигурацией сетевых ресурсов, т. е. тем, насколько они связаны между собой и встроены в практики управления на локальном уровне. Кейсы Фастовецкого и Пригородного сельских поселений демонстрируют типы конфигураций, где сетевые ресурсы выступают драйверами развития. В противоположность этому, кейсы Фонталовского и Хоперского сельских поселений иллюстрируют проблему неактуализированных и редуцированных конфигураций сетевых ресурсов. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости смещения приоритетов политики развития сельских территорий с исключительно инфраструктурных инвестиций в сторону институционального проектирования – целенаправленного формирования лидерского сообщества, развития проектных компетенций сельских сообществ, внедрения цифровых платформ для вовлечения граждан и системной работы по укреплению локальной идентичности. В таком случае латентный потенциал сетевых ресурсов может быть актуализирован и конвертирован в устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование было направлено на выявление структуры, конфигураций и потенциала сетевых ресурсов в политике развития сельских территорий современной России.

Теоретический анализ концептуальных оснований политики развития позволил зафиксировать эволюцию представлений о развитии как нелинейном, многовариативном и многосубъектном процессе. В диссертации обосновано, что современная политика развития не сводится к экономическому росту или отраслевому планированию, а представляет собой направление публичной политики, в рамках которого различные государственные и негосударственные субъекты в результате сетевого взаимодействия и с использованием различных ресурсов (материальных и нематериальных) создают институциональные условия для стимулирования экономического роста, адаптации к глобальным вызовам, устойчивого использования ресурсов, улучшения качества жизни и повышения благосостояния населения, достижения общественного блага. В территориальном аспекте это целенаправленная деятельность акторов по улучшению социально-экономического, культурного и экологического состояния конкретной территории. Ключевыми субъектами политики развития являются государство (федеральные органы государственной власти, региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления), бизнес-структуры, научно-образовательные организации, экспертные сообщества, некоммерческие организации, лидеры мнений, активные граждане, которые обладают уникальным набором ресурсов, характеристиками и мотивацией.

Систематизация теоретических подходов к исследованию сельских территорий и сельского развития позволила зафиксировать эволюцию научного дискурса от экзогенных моделей, ориентированных на внешние

инвестиции и технологии, через эндогенные, делающие ставку на внутренний потенциал, к неоэндогенному подходу, синтезирующему внутренние и внешние ресурсы на основе сетевого взаимодействия. Показано, что село сегодня понимается не как периферийная, статичная и депрессивная территория, а как динамичное, гетерогенное и многофункциональное пространство, обладающее собственным потенциалом развития. Обозначенные проблемы и перспективы сельского развития в социально-политических исследованиях сходятся в точке эффективных сетевых взаимодействий, а способность акторов выстраивать устойчивые и доверительные связи выступает интегрирующим фактором результативности политики развития.

На основе синтеза теорий сетевого управления, социального капитала, информационного общества и др. в диссертации предложено определение сетевых ресурсов политики развития сельских территорий как совокупность мобилизованных и потенциальных материальных и нематериальных активов, аккумулируемых, трансформируемых и распределяемых через устойчивые формальные и неформальные взаимодействия между разнородными акторами (государство, бизнес, некоммерческие организации, местные сообщества, внешние партнеры) на различных уровнях управления, направленные на достижение целей территориального развития. Структура сетевых ресурсов включает 6 типов: социокультурные, институциональные, мобилизационно-организационные, информационно-коммуникативные, материально-технические и инновационно-репутационные. Данная структура позволяет не только диагностировать состояние сетевого потенциала конкретной территории, но и проектировать управленческие решения по его актуализации.

Эмпирический анализ сетевых сообществ как субъектов политики развития сельских территорий показал, что их субъектность проявляется в способности формулировать интересы территории, участвовать в принятии

решений, мобилизовывать ресурсы и реализовывать проекты развития. Эффективность сетевых сообществ определяется взаимосвязью трех измерений: институционального, социокультурного и технологического, создающих сложные конфигурации сетевых ресурсов. На основе анализа 179 муниципальных практик из всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» выявлено, что сетевой компонент присутствует в 61 % практик, при этом наиболее высокая доля сетевых взаимодействий характерна для номинаций, связанных с обеспечением обратной связи с жителями, укреплением межнационального согласия, брендом территории, повышением эффективности управления территорией и муниципальной экономической политикой.

Рассмотренные эмпирические кейсы (Бурунгольская модель сетевого партнерства, Табар-Черкийская модель самообложения и инвестиционного развития, Теньгушевская семицветка: бренд территории как ресурс развития, Цифровая деревня Брусянка, Умное село Териберка, Экосистема «Свое» от Россельхозбанка как общероссийская цифровая среда для сельских сообществ) продемонстрировали разнообразие форм сетевых сельских сообществ и их адаптацию к локальным и институциональным условиям. Значимыми факторами эффективности сельских сообществ выступают наличие лидерства, доступ к ресурсам, благоприятная институциональная среда, современная технологическая база и устойчивая социокультурная основа.

Оценка цифрового профиля 24 сельских муниципальных образований из шести субъектов Российской Федерации позволила зафиксировать существенную дифференциацию качества цифрового присутствия. На основе интегрального индекса цифрового присутствия выделены три группы сельских муниципальных образований: с высоким, средним и низким уровнем цифрового развития. Показано, что внутрирегиональная дифференциация может достигать 19 баллов, что указывает на

определяющую роль локальных институциональных условий и кадрового потенциала, а не только географического положения или региональной политики. Результаты исследования позволяют утверждать, что цифровой профиль сельского муниципального образования влияет на реализацию политики развития сельских территорий через обеспечение обратной связи, вовлечение граждан в проекты соучастия, повышение прозрачности управления и снижение барьеров доступа к мерам государственной поддержки.

Характеристика институциональных, социально-экономических и социокультурных особенностей сельских территорий Краснодарского края показала, что регион, обладая значительным аграрным потенциалом и высокой долей сельского населения, характеризуется выраженной пространственной неоднородностью. Установлены демографические диспропорции (старение населения, отток молодежи, миграционная дифференциация), социально-экономические разрывы между пригородными и периферийными районами, а также разнообразие социокультурного ландшафта, включая потенциал креативных индустрий, который остается нереализованным в сельской местности. Институциональная среда, представленная многоуровневой системой правовых актов, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, создает формальные предпосылки для формирования политики развития сельских территорий.

Эмпирическое исследование сельских территорий Краснодарского края позволило выявить и охарактеризовать четыре типа конфигурации сетевых ресурсов: интеграционную, сбалансированную, фрагментированную и латентную. Интеграционная конфигурация предполагает взаимное усиление всех типов сетевых ресурсов под руководством сильного лидера, что обеспечивает устойчивое развитие и высокую субъектность местных сообществ. Сбалансированная конфигурация строится на том, что сетевые ресурсы дополняют друг друга, опираясь на деятельность и активность

множества акторов, и формирует поступательное развитие на основе горизонтальных связей. Фрагментированная конфигурация демонстрирует наличие отдельных типов сетевых ресурсов при отсутствии институциональных механизмов их конвертации и актуализации, что ведет к разрозненным и несистемным изменениям. Латентная конфигурация характеризуется блокировкой большинства сетевых ресурсов, пассивностью населения и отсутствием конструктивного взаимодействия между властью, бизнесом и сельским сообществом, что способствует стагнации.

Ключевым фактором, определяющим результативность актуализации сетевых ресурсов, выступает наличие эффективного лидера, способного мобилизовать внешние ресурсы, сформировать разделяемое видение будущего и выстроить горизонтальное взаимодействие между разнородными группами акторов. Установлено, что успешное развитие территории определяется не столько наличием отдельных типов ресурсов, сколько их конфигурацией и насколько они связаны между собой в практики управления на локальном уровне.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что сетевые ресурсы не являются статичным конструктом, а формируются и перераспределяются в процессе повседневных практик взаимодействия между акторами политики развития. Их наличие или отсутствие непосредственно детерминирует успех реализации государственных программ, уровень конфликтности при принятии решений и степень доверия населения к институтам публичной власти. В условиях ограниченности материальных ресурсов и нарастающих геополитических вызовов именно актуализация потенциала сетевых ресурсов сельских территорий может стать внутренним драйвером устойчивости и адаптивности, обеспечивающим не только экономическое, но и социально-культурное воспроизводство сельских сообществ.

В результате эмпирического исследования нами были выделены проблемы, препятствующие актуализации и интеграции сетевых ресурсов в политику развития сельских территорий.

На институциональном уровне главным препятствием выступает рассогласование формальных механизмов государственной политики и неформальных практик взаимодействия, сложившихся в сельских сообществах. Государственные программы развития сельских территорий сохранят преимущество отраслевую или инфраструктурную логику. Они ориентированы на освоение бюджета и достижение количественных показателей. Сетевые ресурсы формируются за счет взаимного доверия, соседской взаимопомощи, профессиональных контактов, локальных инициатив. В результате органы публичного управления при разработке и реализации мер поддержки не учитывают значительный объем социального капитала и мобилизационного потенциала территорий.

Организационные сложности связаны обусловлены дефицитом необходимых компетенций у значительной части муниципальных служащих и лидеров сельских сообществ. Для участия в грантовых конкурсах и программах инициативного бюджетирования необходимы специфические навыки (подготовка проектно-сметной документации, составление бюджетов, юридическое оформление инициатив, ведение публичных коммуникаций). В большинстве сельских поселений этими знаниями владеет узкий круг специалистов и активистов либо их вовсе нет. В итоге даже сформированные сетевые сельские сообщества не могут трансформировать свою активность в конкретные проекты развития из-за отсутствия знаний и опыта, необходимых для прохождения конкурсных процедур и оформления заявок.

Социокультурные барьеры лежат в плоскости глубокого внутреннего расслоения сельских сообществ. В сельских территориях сохраняется разрыв между активным меньшинством, обладающим гражданской субъектностью и

готовностью к коллективным действиям, и пассивным большинством, воспринимающим развитие территории как обязанность государства. Ситуацию усложняет недоверие граждан к власти и скрытые конфликты между различными социальными группами (предприниматели, работники бюджетной сферы, пенсионеры, молодежь). Это препятствует формированию общего разделяемого видения будущего.

Технологические, компетентностные и мотивационные барьеры в формировании цифровых сетевых ресурсов связаны с сохраняющимся цифровым неравенством, причем эта проблема выходит за рамки наличия или отсутствия широкополосного доступа в интернет. Официальные сайты и аккаунты в социальных сетях часто используются органами власти для односторонней трансляции информации. Жители используют социальные сети преимущественно для выражения недовольства, а участие в решении местных проблем через эти платформы остается ограниченным.

На основе полученных результатов нами были сформулированы практические рекомендации для различных уровней управления и категорий акторов политики развития сельских территорий.

Федеральным органам исполнительной власти рекомендуется:

– включить в систему показателей эффективности реализации Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» индикаторы, оценивающие состояние сетевых ресурсов на муниципальном уровне (доля сельских поселений, участвующих в проектах инициативного бюджетирования и грантовых конкурсов; уровень цифрового присутствия сельских муниципальных образований; уровень вовлеченности сельских сообществ в проекты соучастия);

– предусмотреть в рамках национального проекта «Экономика данных» и федерального проекта «Инфраструктура для доступа в Интернет» не только подключение сельских населенных пунктов к сети Интернет, но и программы повышения цифровой грамотности для сельских жителей, а также

методическое сопровождение и обучение муниципальных служащих сельских администраций работе с цифровыми платформами и социальными сетями, ориентированное не только на информирование, но и на организацию обратной связи и вовлечение граждан;

– разработать типовые решения (конструкторы сайтов, шаблоны аккаунтов, методические рекомендации) для сельских муниципальных образований с низким уровнем цифрового развития, позволяющие минимизировать затраты на создание функционального цифрового профиля;

– ввести в рамках всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» специальную номинацию «Лучшая муниципальная практика в сфере цифрового взаимодействия с населением» для поощрения сельских муниципальных образований, добившихся успехов в развитии цифровых профилей и вовлечении граждан в проекты развития через цифровые платформы.

Органам исполнительной власти Краснодарского края рекомендуется:

– разработать региональную программу «Лидеры сельского развития», направленную на формирование кадрового резерва с акцентом на развитие компетенций в области проектного менеджмента, социального проектирования и цифровых коммуникаций;

– организовать на базе высших учебных заведений программы дополнительного профессионального образования «Сетевое управление развитием сельских территорий» и «Цифровая трансформация местного самоуправления» для муниципальных служащих и активистов сельских сообществ;

– сформировать реестр успешных практик сетевого взаимодействия в сельских поселениях Краснодарского края, сформированного по типам конфигураций сетевых ресурсов.

Главам сельских муниципальных образований рекомендуется:

– организовать регулярные встречи с предпринимательским сообществом в формате «открытого диалога», на которых обсуждаются приоритеты развития поселения и возможности социального инвестирования бизнеса, что позволит преодолеть выявленную в исследовании разобщенность власти и бизнеса в ряде сельских поселений;

– внедрить практику ежегодного отчета о деятельности главы муниципального образования с использованием цифровых каналов (прямые эфиры, посты с отчетными материалами с открытыми комментариями для жителей), а также включить в структуру отчета динамику численности и активности ТОС и НКО, результаты участия в грантовых конкурсах, показатели вовлеченности граждан в инициативное бюджетирование и благоустройство, качество цифрового взаимодействия с населением;

– создать при администрации муниципального образования консультационно-методический центр для поддержки сельских инициатив, обеспечивающий бесплатную помощь в подготовке заявок на грантовые конкурсы, обучение председателей ТОС и активных граждан основам социального проектирования, содействие в оформлении НКО и ТОС с юридическим статусом.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются:

– разработка методики количественной оценки сетевых ресурсов и их влияния на социально-экономические показатели развития территорий;

– компаративное исследование конфигураций сетевых ресурсов в различных типах сельских муниципальных образований и регионах Российской Федерации;

– исследование роли сетевых молодежных сообществ в политике развития сельских территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеева, Т. Т. Современные тенденции дифференциации социально-экономического развития сельских территорий в региональном пространстве / Т. Т. Авдеева, Т. Г. Лаврова // Modern Economy Success. – 2022. – № 2. – С. 192–200.

2. Аверкиева, К. В. Роль низовой самоорганизации населения в развитии периферийной сельской местности / К. В. Аверкиева, Я. К. Куксин // Известия Русского географического общества. – 2025. – Т. 157, № 4. – С. 486–504.

3. Административное деление // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края: [официальный сайт]. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1146/ (дата обращения: 30.04.2026).

4. Акопов, Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций / Г. Л. Акопов. – Москва : Компания КноРус, 2013. – 238 с. – ISBN 978-5-406-03537-5.

5. Алагоз, А. В. Социальные сети и web-сайты как современные средства политических интернет-коммуникаций / А. В. Алагоз // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2022. – № 3-5. – С. 179–181.

6. Архипова, О. Е. Комплексный анализ демографической безопасности прибрежной зоны Восточного Приазовья / О. Е. Архипова, Т. Т. Тарасова // Наука Юга России. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 65–74.

7. Ассоциация развития территорий и общественного самоуправления Краснодарского края: главное // Ассоциация развития территорий и общественного самоуправления Краснодарского края: [официальный сайт]. – URL: https://artoskk.ru/ (дата обращения: 02.05.2026)

8. Ахметьянова, Р. А. Социальная активность населения сельских территорий и вовлечение в практики партисипаторного бюджетирования (на примере Республики Башкортостан) / Р. А. Ахметьянова, Э. В. Леготин // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 11(138). – С. 459–461.

9. Бакланов, П. Я. Тихоокеанская Россия в геополитических структурах Восточной Евразии / П. Я. Бакланов, М. Т. Романов // Вопросы географии. – 2019. – № 148. – С. 194–209.

10. Баранов, А. В. Становление муниципальных политических исследований в России: основные научные направления / А. В. Баранов // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 417–420.

11. Бардин, А. Л. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект / А. Л. Бардин, М. И. Сигачёв // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 24–41.

12. Бардин, А. Л. Политика ответственного городского развития: критерии, субъекты, перспективы / А. Л. Бардин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 102–120.

13. Белоусов, С. А. Организация устойчивого развития сельских территорий на основе применения региональной неоэндогенной модели / С. А. Белоусов, А. Ю. Павлов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 50–53.

14. Блохин, В. Н. Стратегия устойчивого развития – условие успешного управления сельскими территориями / В. Н. Блохин // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – Т. 18, № 1. – С. 56–63.

15. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – ISBN 978-5-91478-023-1.

16. Более 2 тысяч медиков устроились работать в сельские поликлиники Кубани // Краснодарские известия : [сайт]. – URL: https://ki-

news.ru/news/bolee-2-tys-speczialistov-trudoustroilis-v-selskie-meduchrezhdeniya-krasnodarskogo-kraya/ (дата обращения: 07.06.2026).

17. Более 400 млн рублей направили на развитие сельских территорий Кубани в 2025 году // Телеканал Краснодар: [сайт]. – URL: https://tvkrasnodar.ru/obshchestvo/2026/01/08/bolee-400-mln-rubley-napravili-na-razvitie-selskikh-territoriy-kubani-v-2025-godu/ (дата обращения: 30.04.2026).

18. Бурова, А. Н. Человеческий и социальный капитал как фактор экономического роста Саудовской Аравии / А. Н. Бурова // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30, № 11. – С. 1334–1343.

19. Быков, И. А. Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций / И. А. Быков // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 45–56.

20. Вебер, А. Б. Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории / А. Б. Вебер // Вестник Института социологии. – 2018. – Т. 9, № 1(24). – С. 52–75.

21. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер ; пер. с нем. А. Ф. Филиппова. – Москва : РИПОЛ-Классик, 2018. – 290 с. ISBN 978-5-386-10496-2.

22. Великий, П. П. Предпосылки реализации потенциала социальной активности сельских жителей в современных формах гражданского участия / П. П. Великий, А. А. Вяльшина // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 3. – С. 110–136.

23. Великий, П. П. Социокультурные и политические аспекты жизненного мира российского сельского социума / П. П. Великий, А. А. Вяльшина // Социологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 3–19.

24. Великий, П. П. Социокультурные ресурсы как фактор устойчивости сельских территорий / П. П. Великий, В. Л. Шабанов // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2022. – № 3. – С. 63–69.

25. Вениамин Кондратьев : Краснодарский край занимает первое место в России по выпуску фермерской продукции // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/817998/ (дата обращения: 06.06.2026).

26. Вениамин Кондратьев : На Кубани в 2025 году по госпрограмме «Комплексное развитие сельских территорий» реализуем более 70 проектов. // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края: [официальный сайт]. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/781284/ (дата обращения: 30.04.2026).

27. Вениамин Кондратьев : На Кубани в 2026 году реализуем 29 проектов по комплексному развитию сельских территорий. // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края: [официальный сайт]. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/819632/ (дата обращения: 30.04.2026).

28. Вклад креативных индустрий в ВРП Кубани превысил 186 миллиардов рублей. // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края : [официальный сайт]. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/818750/ (дата обращения: 06.06.2026).

29. Волкова, А. В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля / А. В. Волкова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3(29). – С. 59–64.

30. Володенков, С. В. Ключевые вызовы суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций современной России / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2025. – № 4. – С. 7–30.

31. Володенков, С. В. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 84–103.

32. Ворошилов, Н. В. Эффективные формы участия населения в развитии сельских территорий / Н. В. Ворошилов // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 11. – С. 563–572.

33. Гуменюк, И. С. Социокультурная инфраструктура как инструмент сохранения сельского населения / И. С. Гуменюк, В. О. Юстратова // Экономика сельского хозяйства России. – 2025. – № 6. – С. 123–133.

34. Дементьев, И. А. Территориальное общественное самоуправление как механизм реализации социального потенциала российского села / И. А. Дементьев // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 6. – С. 138–143.

35. Дроздова, Ю. А. Территориальная идентичность как фактор развития сельских общностей / Ю. А. Дроздова, Ю. А. Метелицкая // Социология. – 2020. – № 2. – С. 106–116.

36. Единство в сети: в Новосибирской области сельчане создали ВК-сообщество // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области: [официальный сайт]. – URL: https://ведомостинсо.рф/2024-07-01-V-06 (дата обращения: 20.03.2026).

37. Елохов, А. М. Политика социально-экономического развития города / А. М. Елохов // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2009. – № 4(30). – С. 77–87.

38. Ефимов, В. С. Университет как интеллектуальный полис: управление развитием в терминах политики / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 46-57.

39. Жаде, З. А. Региональная политика устойчивого развития сельских территорий: опыт Республики Адыгея / З. А. Жаде, А. М. Шадже // Диалог: политика, право, экономика. – 2025. – № 3(21). – С. 96–97.

40. Замятин, Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения / Д. Н. Замятин // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 147–165.

41. Зигерн-Корн, Н. В. Туристско-рекреационное пространство как объект региональной политики / Н. В. Зигерн-Корн // Известия Русского географического общества. – 2016. – Т. 148, № 1. – С. 87–100.

42. Знаменский, Д. Ю. Моногород как обособленное политическое пространство: результаты социально-политического исследования / Д. Ю. Знаменский, Е. В. Хороброва // Вестник университета. – 2022. – № 6. – С. 98–104.

43. ЗСК утвердил закон о смешанной модели местного самоуправления на Кубани // Краснодарские известия: [сайт]. – URL: https://ki-news.ru/news/zsk-utverdil-zakon-o-smeshannoj-modeli-mestnogo-samoupravleniya-na-kubani/ (дата обращения: 02.05.2026).

44. Зубаревич, Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н. В. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.

45. Зубова, О. Г. Население сельских территорий: состояние и тенденции демографического развития / О. Г. Зубова // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 4(45). – С. 115–121.

46. Иванова, Е. Ю. Территориальное общественное самоуправление в сельских поселениях: проблемы деятельности и перспективы развития / Е. Ю. Иванова // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 74–76.

47. Ирхин, Ю. В. Преимущества и проблемы современного государственного управления на принципах цифровой платформы:

методология, теория, опыт России / Ю. В. Ирхин // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9, № 9(49). – С. 1858–1864.

48. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Краснодарский край. Том 3. Образование // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom3_tab1_907101.xlsx (дата обращения: 07.06.2026).

49. Ицковиц, Г. Модель тройной спирали / Г. Ицковиц // Инновации. – 2011. – № 4(150). – С. 5–10.

50. Калафатов, Э. А. Влияние видеохостингов на социальное развитие населения села / Э. А. Калафатов // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Курск, 06 февраля 2025 года. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 243–245.

51. Кафидов, В. В. Основные тенденции современного развития российских городов / В. В. Кафидов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2(28). – С. 121–124.

52. Качество человеческого капитала и перспективы развития сельских территорий / О. В. Захарова, Д. В. Грязных, Л. Г. Суворова, А. Г. Иванов // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 4(192). – С. 39–48.

53. Клочко, Е. Н. Креативные индустрии Краснодарского края: обзор современного состояния / Е. Н. Клочко, М. С. Орехова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 5(55). – С. 156–160.

54. Козлова, Ю. Городские исследования в России: эстафета социальностей / Ю. Козлова // Проект Байкал. – 2024. – Т. 21, № 80. – С. 96–101.

55. Количество самозанятых в Краснодарском крае увеличилось на 22,9 % // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8608661 (дата обращения: 06.06.2026).

56. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (Краснодарский край)// Федеральная налоговая служба: [официальный сайт]. – URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=3&ssrf=23 (дата обращения: 06.06.2026).

57. Колосов, В. А. Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления / В. А. Колосов // Региональные исследования. – 2022. – № 3(77). – С. 23–36.

58. Кольба, А. И. Проблемы и политико-административные ресурсы развития Краснодарской городской агломерации: к итогам исследования / А. И. Кольба, М. В. Терешина // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 3. – С. 19–31.

59. Комплекс нематериальных ресурсов в политике развития сельских территорий (на материалах Краснодарского края) / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, Н. Т. Русия, Л. А. Шпиро // Передовые исследования Кубани : Сборник материалов Ежегодной отчетной конференции грантодержателей Кубанского научного фонда, Сочи, 29–31 мая 2024 года. – Краснодар: Кубанский научный фонд, 2024. – С. 213–216.

60. Кондраль, Д. П. Стратегическое планирование регионального развития как механизм территориального управления / Д. П. Кондраль // Общество: политика, экономика, право. – 2013. – № 3. – С. 15–19.

61. Кононенко, Р. В. Активизм и социальная политика в постаграрном развитии российского села / Р. В. Кононенко // Журнал исследований социальной политики. 2025. Т. 23. № 3. С. 479–496.

62. Конт, О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии : в 4 т. Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. / О. Конт // АН СССР, Ин-т философии редкол. : И.С. Нарский (ред.-сост. т. 3 и авт. вступ., ст.) [и др]. – Москва : Мысль, 1971. – 760 с.

63. Копотева, И. В. Гражданское общество и гражданская активность сельской России / И. В. Копотева // Крестьяноведение. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 142–166.

64. Коровникова, Н. А. Аксиологические факторы регионального развития современной России / Н. А. Коровникова // Россия и современный мир. – 2019. – № 3(104). – С. 171–180.

65. Костяев, А. И. Концептуальные подходы к развитию сельских территорий с учётом европейского опыта / А. И. Костяев // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2018. – № 6(67). – С. 141–148.

66. Краснодарский край увеличил объем господдержки фермерских хозяйств за пять лет // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/24818375 (дата обращения: 06.06.2026).

67. Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Краснодарстат – Краснодар, 2025. – 207 с. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ egegodnik_24.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

68. Креативные индустрии как драйвер социально-экономического развития сельских территорий Краснодарского края / М. В. Зайцева, А. А. Федотов, Н. Э. Гайдаенко, П. В. Мищенко // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 5(61). – С. 203–206.

69. Кубань установила рекорд по числу предприятий малого и среднего бизнеса // Коммерсантъ : [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/ 7738513 (дата обращения: 06.06.2026).

70. Кудаяров, У. Б. Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции / У. Б. Кудаяров, А. М. Матазимов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 18–27.

71. Кузина, Л. С. Девять из десяти российских семей подключены к интернету / Л. С. Кузина, Е. В. Попов, Р. А. Щербаков // НИУ ВШЭ: [сайт]. – URL: https://issek.hse.ru/news/1038792738.html (дата обращения: 06.08.2026).

72. Кузнецова, А. И. Стратегическое управление современным развитием городов России / А. И. Кузнецова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2016. – № 2(17). – С. 77–83.

73. Купряшин, Г. Л. Депрессивные территории как объекты стратегического планирования / Г. Л. Купряшин, Е. С. Дробышева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 109. – С. 167–184.

74. Курочкин, А. В. Роль социальных сетей в становлении нового пространства коммуникаций современной России / А. В. Курочкин, А. С. Шерстобитов // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 35(77). – С. 111–115.

75. Кучковская, Н. В. Характеристика институтов развития сельских территорий: правовые аспекты / Н. В. Кучковская // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 4В. – С. 387–391.

76. Лавренова, О. А. Игры с пространством / О. А. Лавренова // Эпистемология и философия науки. – 2021. – Т. 58, № 1. – С. 178–196.

77. Лаппо, Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России / Г. М. Лаппо // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2019. – № 4. – С. 3–23.

78. Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 29. Москва : Изд-во политической литературы, 1969. – 782 с.

79. Лидер российского агропроизводства. Обзор АПК Краснодарского края// Журнал «Агроинвестор» : [сайт]. – URL: https://www.agroinvestor.ru/regions/article/45660-lider-rossiyskogo-proizvodstva-obzor-apk-krasnodarskogo-kraya/ (дата обращения: 06.06.2026).

80. Маркин, В. В. Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик / В. В. Маркин, В. В. Воронов, В. М. Пешкова // Россия реформирующаяся. – 2019. – № 17. – С. 271–286.

81. Мед, улитки и альпака // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8814894 (дата обращения: 15.07.2026).

82. Методические рекомендации по формированию собирательных классификационных группировок и системы показателей креативной экономики / Л.М. Гохберг, Е.С. Куценко, С.А. Лебедева, В. О. Боос под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 136 с. – (Научно-методические материалы). –ISBN 978-5-7598-3039-9. – URL:https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1064473627.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

83. Методологические проблемы системного изучения деревни / Т. И. Заславская, В. Н. Ладенков, Т. П. Антонова [и др.] ; отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина АН СССР, Сибирское отделение, Институт экономики и организации промышленного производства. – Новосибирск : Наука, 1977. – 271 с.

84. Методология и методика системного изучения советской деревни / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, Е. Е. Горяченко [и др.] ; отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина АН СССР, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. – 344 с.

85. Мирошниченко, И. В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России / И. В. Мирошниченко, Н. А.

Рябченко, К. В. Ячменник // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 1. – С. 150–163.

86. Мирошниченко, И. В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: пирамида возможностей / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, Н. Т. Русия // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 101–117.

87. Мирошниченко, И. В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 144–163.

88. Мирошниченко, И. В. Сетевая публичная политика и управление / И. В. Мирошниченко. – Москва : АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 296 с. – ISBN 978-5-00024-059-5.

89. Мирошниченко, И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики / И. В. Мирошниченко. – Краснодар : ООО «Просвещение-Юг», 2013. – 295 с. – ISBN 978-5-93491-561-3.

90. Мирошниченко, И. В. Сетевые сообщества в публичном пространстве политики: субъектные характеристики и ресурсы управляемости / И. В. Мирошниченко // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы : Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 27–28 ноября 2020 года / Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2020. – С. 339–340.

91. Михайленок, О. М. Политические отношения в контексте цифровых сетей / О. М. Михайленок, Г. А. Малышева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3(60). – С. 79–87.

92. Михайленок, О. М. Политические эффекты социальных сетей в России / О. М. Михайленок, Г. А. Малышева // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 78–87.

93. Михайленок, О. М. Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО / О. М. Михайленок, Г. А. Малышева // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 10. – С. 163–169.

94. Михайлова, О. В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики : диссертация … доктора политических наук : 23.00.02 / Михайлова Ольга Владимировна ; [Место защиты : ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»]. Москва, 2015. – 335 с.

95. Михайлова, О. В. Сети в политике и государственном управлении / О. В. Михайлова Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. гос. упр. – Москва : Университетская книга, 2013. – 330 с.

96. Молодежь в политике развития сельских территорий: представления и ресурсный потенциал / О. А. Бориско, А. И. Кольба, Д. О. Левченко, И. В. Мирошниченко // Перспективы науки и образования. – 2026. – № 2(80). – С. 743–761.

97. Молчанова, С. М. Теоретико-методологические основы пространственного развития Российской Федерации / С. М. Молчанова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 14, № 4(157). – С. 14–20.

98. Морозова, Е. В. Молодежная политика в сельских территориях России: «антиресурс» цифрового неравенства / Е. В. Морозова, Н. Т. Русия // Вестник Пермского университета. Политология. – 2026. – Т. 20, № 2. – С. 62–74.

99. Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 56–77.

100. Морозова, Е. В. Сельская идентичность / Е. В. Морозова // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. – Москва : ООО «Издательство “Весь Мир”», 2023. – С. 350–358.

101. Мурашова, Н. В. Концепция цифровой трансформации сельских территорий / Н. В. Мурашова, Е. Г. Коваленко // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 1. – С. 99–103.

102. Муха, В. Н. Экономическое развитие сельских территорий Краснодарского края в условиях рурбанизации / В. Н. Муха // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2025. – № 118. – С. 76–82.

103. Наибольший дефицит кадров на Кубани фиксируется в сельском хозяйстве // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8335387 (дата обращения: 07.06.2026).

104. Национальный состав населения Краснодарского края // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный%20состав%20Краснодарского%20края.html (дата обращения: 05.05.2026).

105. Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: Инновации и традиции / Под ред. чл.-корр. РАН В.И. Бойко. – Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2010. –302 с. – ISBN 798-5-91124-041-7.

106. Никонорова, Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции / Е. В. Никонорова // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 13, № 6. – С. 644–651.

107. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва : Фонд экономической книги "Начала", 1997. – 180 с. – ISBN 5-88581-006-0.

108. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 // Президент России: [официальный сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 01.08.2026).

109. О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года : Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ // Информационно-правовой портал «Гарант» : [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/43693362/ (дата обращения: 07.06.2026).

110. Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02 сентября 2022 года № 2523-р // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425889/ (дата обращения: 06.08.2026).

111. Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 12 декабря 2025 г. № 5458-КЗ // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края: [официальный сайт]. – URL:

https://admkrai.krasnodar.ru/upload/iblock/e06/t4czsxt127m1yjg91jak8jbh70ymw3qn.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

112. Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Комплексное развитие сельских территорий: Постановление Губернатора Краснодарского края от 28 декабря 2023 года №1170 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс»: [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/407036897 (дата обращения: 30.04.2026).

113. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» : Постановление Правительства Российской Федерации» от 31 мая 2019 года № 696 // Информационно-правовой портал «Гарант» : [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/72260516/ (дата обращения: 26.07.2026).

114. Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности : Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 апреля 2025 года № 266: [официальный сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506355/ (дата обращения: 06.06.2026).

115. Об утверждении перечня приоритетных креативных индустрий в Краснодарском крае: Приказ министерства экономики Краснодарского края от 25 декабря 2025 г. № 191 // Министерство экономики Краснодарского края: [официальный сайт]. – URL: https://economy.krasnodar.ru/activity/creative-economy/vidy-kreativnykh-industriy/538466 (дата обращения: 06.06.2026).

116. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года

№4146-р // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 26.07.2026).

117. Общая информация по креативным индустриям // ГКУ КК «Центр регионального развития»: [официальный сайт]. – URL: https://crr23.ru/deyateljnostj/kreativnaya-tvorcheskaya-industriya/obschaya-informaciya-po-kreativnim-industriyam (дата обращения: 06.06.2026).

118. Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления. Наша история // Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления : [сайт]. – URL: https://oatos.ru/o-nas (дата обращения: 01.03.2026).

119. Олухов, Н. В. Анализ вовлеченности пользователей официальных страниц глав муниципальных образований в социальной сети «ВКонтакте» / Н. В. Олухов // Управленческое консультирование. – 2025. – № 3(189). – С. 25–39.

120. Орлова, М. Е. Опыт экономической модернизации Ирландии / М. Е. Орлова // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2010. – № 3-4(58-59). – С. 75–86.

121. Оселко, Н. Э. Пространственное развитие российских городов / Н. Э. Оселко // Архитектура и время. – 2018. – № 4. – С. 23-25.

122. Оценка демографического состояния сельской местности Краснодарского края / Е. В. Сидорчукова, Н. П. Агафонова, Е. М. Белецкая, В. А. Яворская // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 1(66). – С. 467–472.

123. Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.33.4(3).xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

124. Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. и компоненты ее изменения // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.8.1(2).xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

125. Оценка численности постоянного населения Краснодарского края на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. и компоненты ее изменения // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.8.1(2).xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

126. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 г по муниципальным образованиям Республики Мордовия // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия : [официальный сайт]. – URL: https://13.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Численность%20населения%20на%201%20января%202025%20по%20МО%20РМ.xlsx (дата обращения: 22.04.2026).

127. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 года// Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия : [официальный сайт]. – URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Население%20по%20МО%20СП_20250429.xlsx (дата обращения: 20.04.2026).

128. Оценка численности постоянного населения по муниципальным образованиям Краснодарского края на 1 января 2023 г. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. – URL:

https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01.01.2023(1)_973831.htm (дата обращения: 02.05.2026).

129. Паблики с приставкой «гос» // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pabliki-s-pristavkoi-gos (дата обращения: 06.08.2026).

130. Пантин, В. И. Политическое развитие и политика развития: тенденции, вызовы, перспективы / В. И. Пантин // История и современность. – 2018. – № 3(29). – С. 32–50.

131. Парсонс, Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева ; под ред. М.С. Ковалевой. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 270 с. – ISBN 5-7567-0225-3.

132. Патрушев, С. В. Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России / С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 14–33.

133. Передерий, Д. А. Развитие креативных индустрий в Краснодарском крае / Д. А. Передерий // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 6(87). – С. 232–247

134. Петрова, М. В. Отечественный и зарубежный опыт развития сельских территорий на основе общественного самоуправления и сельского туризма / М. В. Петрова // Экономические исследования и разработки. – 2020. – № 7. – С. 38–45.

135. Плотичкина, Н. В. Молодежные досуговые солидарности в контексте политики сельского развития Краснодарского края / Н. В. Плотичкина, О. А. Хмельницкая // Южно-российский журнал социальных наук. – 2024. – Т. 25, № 3. – С. 53–68.

136. Плотичкина, Н. В. Территориальная идентичность как ресурс Политики Сельского развития / Н. В. Плотичкина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 227–243.

137. По итогам 2025 года мероприятия по комплексному развитию сельских территорий охватят 17 млн человек // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: https://mcx.gov.ru/press-service/news/po-itogam-2025-goda-meropriyatiya-po-kompleksnomu-razvitiyu-selskikh-territoriy-okhvatyat-17-mln-che/ (дата обращения: 26.07.2026).

138. Подгорская, С. В. Партисипаторное бюджетирование как перспективный инструмент развития сельских территорий / С. В. Подгорская, Т. А. Мирошниченко // Учет и статистика. – 2021. – № 2(62). – С. 76–83.

139. Полбицын, С. Н. Гибридные институты развития сельских территорий / С. Н. Полбицын // Продовольственная политика и безопасность. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 437–452.

140. Полбицын, С. Н. Роль предпринимательства в устойчивом развитии сельских территорий России / С. Н. Полбицын // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 619–631.

141. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 года // Федеральная служба государственной статистики: [официальный сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2025_Site.xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

142. Провести интернет в малонаселенные пункты // Национальные проекты России: [сайт]. – URL: https://национальныепроекты.рф/new-opportunities/provesti-internet-v-malonaselennye-punkty/ (дата обращения: 20.03.2026).

143. Проскура, Н. В. Цифровая трансформация информационно-коммуникационной инфраструктуры сельских территорий России: этапы развития / Н. В. Проскура // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 6.

144. Проскура, Н. В. Цифровая трансформация информационно-коммуникационной инфраструктуры сельских территорий России: этапы развития / Н. В. Проскура // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 6.

145. Прохоренко, И. Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений / И. Л. Прохоренко. – Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. – 111 с. – ISBN 978-5-9535-0431-7.

146. Пушкарева, Г. В. Взаимодействие государства и научно-экспертного сообщества: перспективы доказательной политики в российской Федерации / Г. В. Пушкарева, О. В. Михайлова, Е. В. Батоврина // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 23–38.

147. Пушкарева, Г. В. Доверие в публичном пространстве государственного управления / Г. В. Пушкарева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 76. – С. 151–175.

148. Разработка модели сельского предпринимательства в аграрном секторе экономики с учетом комплексного развития сельских территорий / Е. В. Мамонкина, А. А. Исоков, К. С. Терентьев, Д. В. Алямкин // Вестник НГИЭИ. – 2024. – № 11(162). – С. 107–116.

149. Ракачев, В. Н. Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект / В. Н. Ракачев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 699–721.

150. Ракачев, В.Н. Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края / В. Н. Ракачев, Е. В. Морозова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 827–855.

151. Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов на 27.02.2023 Краснодарский край // Роскадастр :

[официальный сайт]. – URL: https://cgkipd.ru/upload/iblock/99c/31mlfkaqyo6dd5t3ow0013kzmesbz4uw.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

152. Рейтинг креативных регионов России: 2024 / Л.М. Гохберг, В.О. Боос, К.Н. Боякова, Е.С. Куценко [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко – Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 200 с. – ISBN 978-5-7598-3033-7. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1019255529.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

153. Россельхозбанк подвёл итоги партнёрских проектов Экосистемы «Своё» за 2025 год // Росельхозбанк: [сайт]. – URL: https://www.rshb.ru/news/29122025-000001 (дата обращения: 31.03.2026).

154. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 270-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421796/ (дата обращения:06.08.2026).

155. Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=541149&dst=100001#eB0yeTVodQ597Dd4 (дата обращения: 06.08.2026).

156. Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.03.2026).

157. Российская Федерация. Законы. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации : Федеральный закон от 08 августа 2024 года № 330-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 06.06.2026).

158. Российская Федерация. Законы. О сельскохозяйственной кооперации : Федеральный закон от 08 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8572/ (дата обращения: 01.03.2026).

159. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 01.03.2026).

160. Российская Федерация. Конституция. Конституция Российской Федерации : с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.02.2026).

161. Ростоу, У. У. Стадии экономического роста / В. В. Ростоу ; пер. с англ. В. П. Марченко. – Нью-Йорк : Прегер, 1961. – 236, с.

162. Русия, Н. Т. Позитивная идентичность как ресурс развития на локальном уровне / Н. Т. Русия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2023. – № 2. – С. 110–113.

163. Русия, Н. Т. Позитивная идентичность как ресурс развития на локальном уровне / Н. Т. Русия // Гуманитарные, социально-экономические и

общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2023. – № 2. – С. 110–113.

164. Русия, Н. Т. Политика идентичности на локальном уровне : институты, процессы и технологии : диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.2. / Русия Натэлла Тенгизовна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»]. – Краснодар, 2024. – 209 с.

165. Рюмкин, С. В. Сельские территории как объект развития / С. В. Рюмкин, И. Н. Рюмкина, М. М. Терютина // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 3(47). – С. 208–216.

166. Рябченко, Н. А. Сетевая локальная политика в условиях новой политической реальности: факторы, ресурсы, механизмы и технологии / Н. А. Рябченко, И. В. Мирошниченко, А. А. Гнедаш. – Краснодар : ОИПЦ «Перспективы образования», 2017. – 211 с. – ISBN 978-5-93749-240-1.

167. Саблин, К. С. Государство развития в разных институциональных условиях / К. С. Саблин // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. – 2010. – № 2(38). – С. 161–168.

168. Саворская, Е.В. Политические сети в процессах надгосударственного регулирования: европейский и мировой опыт / Е.В. Саворская. – Москва: ИМЭМО РАН, 2018. – 128 с. – ISBN 978-5-9535-0544-4.

169. Сазантович, А. Б. Визуальное пространство города и конфликты в контексте визуальной культуры: современное понимание / А. Б. Сазантович // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4(57). – С. 105–111.

170. Самаркина, И. В. Молодежь новых регионов РФ в условиях трансформации социокультурного и политического пространства: модели идентичности и модели социализации / И. В. Самаркина // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2025. – Т. 16, № 1(46). – С. 39–45.

171. Сборник лучших муниципальных практик 2024 года (Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений (Умный город)) // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/e4c/ixbwbjqnqshnpuhb21xcqj3bt7ksssa2/Лучшая%20муниципальная%20практика%20Умный%20город%202024%20год.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

172. Сборник лучших муниципальных практик 2024 года в номинации «Обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению (участию в осуществлении) местного самоуправления в иных формах» // Министерство экономического развития Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/c8296115422f4090771693c16c680cee/sbornik_LMP_2024_2.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

173. Сборник лучших муниципальных практик 2025 года (повышение узнаваемости муниципальных образований «Бренд территории») // Министерство экономического развития Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/dfb7c2a0ba65122353179f1d8708731f/sbornik_brend_territorii_2025.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

174. Сборник лучших муниципальных практик 2025 года (повышение эффективности управления территорией) // Министерство экономического развития Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/c751efb716eba03578f9755d8c203a25/sbornik_ypravleniya_territoriey_2025.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

175. Село // Большая российская энциклопедия //АНО «Интернет-энциклопедия «РУВИКИ» : [сайт]. – URL: https://bigenc.ru/c/selo-3bfed4 (дата обращения: 02.04.2025).

176. Семененко, И. С. «Общественное развитие» в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки / И. С. Семененко, Т. И. Хайнацкая // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 54–74.

177. Семененко, И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 7–26.

178. Семененко, И. С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 2. – С. 25–45.

179. Семененко, И. С. Дискуссии о развитии в контексте политики развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко ; ИМЭМО РАН. – Москва : Издательство «Весь мир», 2023. – С. 45–56.

180. Семененко, И. С. Национальная политика развития перед лицом глобальных вызовов: ирландский “маятник” / И. С. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 7. – С. 81–93.

181. Семененко, И. С. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии / И. С. Семененко // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 3. – С. 6–27.

182. Семененко, И. С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 5. – С. 45–65.

183. Семин, А. Н. Комплексное развитие сельских территорий: проблемы и новые возможности / А. Н. Семин, В. С. Зорков // Агропродовольственная политика России. – 2023. – № 3(106). – С. 39–43.

184. Сибиряев, А. С. Развитие сельских территорий: результаты и методология проводимых научных исследований / А. С. Сибиряев // Вестник НГИЭИ. – 2023. – № 6(145). – С. 129–137.

185. Сидоренко, А. А. Урбанизация и политическое развитие крупных городов России в 2000-х годах. Сравнительный анализ / А. А. Сидоренко // Экология урбанизированных территорий. – 2009. – № 4. – С. 25–30.

186. Смирнягин, Л. В. Судьба географического пространства в социальных науках / Л. В. Смирнягин // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2016. – № 4. – С. 7–19.

187. Сморгунов, Л. В. Сетевой подход к политике и управлению / Л. В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 103–112.

188. Соколов, А. В. Низовая гражданская активность в Ярославской области: проблемы и тенденции развития / А. В. Соколов, П. А. Бабаджанян, Д. А. Прусов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2024. – № 3. – С. 184–203.

189. Соколов, Александр Владимирович. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02 / Соколов Александр Владимирович [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»]. – Москва, 2018. – 445 с.

190. Соловьев, А. И. «Институциональные сети» российского государства и стратегия самолегитимации правящего режима / А. И. Соловьев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8, № 3. – С. 5–20.

191. Социально-экономические проблемы развития сельских территорий: региональный аспект / Н. А. Асанова, О. П. Беспалая, Т. В. Кучинская [и др.]. – Краснодар: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2025. – 143 с. – ISBN 978-5-605-33628-0.

192. Старцев, Я. Ю. Политика развития: современная повестка / Я. Ю. Старцев // Вопросы управления. – 2020. – № 1(62). – С. 6–20.

193. Стратегия социально-экономического развития г. Воронежа - 2035 как фактор активизации гражданского общества в условиях неопределенности и рисков / А. В. Глухова, О. А. Сиденко, В. В. Черникова, Д. В. Щеглова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 1. – С. 68–76.

194. Суворова, А. В. Ориентиры пространственного развития региона: кейс Свердловской и Челябинской областей / А. В. Суворова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 74–83.

195. Туровский, Р. Ф. Геопространство и метапространство: Географические методы в политологии / Р. Ф. Туровский // Метод. – 2015. – № 5. – С. 71–89.

196. Устав Ассоциации «Совет муниципальных образований Краснодарского края» (в ред. от 18.12.2015) // Ассоциация «Совет муниципальных образований Краснодарского края» : [официальный сайт]. – URL: https://s3.smokk.ru/iblock/074/ustav.pdf (дата обращения: 02.05.2026).

197. Устав Краснодарского края // Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края: [официальный сайт]. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/upload/admkrai/2026/Устав%20Краснодарского%20края%20(ред.%20от%2011.03.2025).docx (дата обращения: 30.04.2026).

198. Уханова, Ю. В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия / Ю. В. Уханова, И. В. Параничева // Проблемы развития территории. – 2019. – № 4(102). – С. 132–147.

199. Фермеры собрали более трети урожая на Кубани в 2025 г. // Информационное агентство «РБК»: [сайт]. – URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/691dc87f9a79477d3ebb9654 (дата обращения: 06.06.2026).

200. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 284 с. – ISBN 978-5-93615-078-4.

201. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Республика, 2001. –719 с.

202. Финансирование программы комплексного развития села с 2020 года составило 0,5 трлн рублей // Интерфакс: [сайт]. – URL: https://www.interfax.ru/russia/1104831 (дата обращения: 26.07.2026).

203. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветани» / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина; под общ. Ред. М. Колопотина. – Москва: АСТ : Ермак, 2004. – 730, с. – ISBN 5-17-024084-8.

204. Цуркан, М. В. Влияние партисипаторного бюджетирования на возможности развития территорий / М. В. Цуркан // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 150–158.

205. Чирун, С. Н. Типология и диагностика эффективности политических сетей: институциональный аспект / С. Н. Чирун, А. С. Будаев, Е. А. Боброва // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 1. – С. 152–158.

206. Численность населения // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/popul_1897+.xlsx (дата обращения: 14.07.2026).

207. Численность населения Краснодарского края по полу и возрасту на 1 января 2024 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01.01.2024.xlsx (дата обращения: 07.06.2026).

208. Численность населения Краснодарского края по полу и возрасту на 1 января 2012-2022 годов (пересчет от итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея : [официальный сайт]. – URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2012-2021_1092348.xlsx (дата обращения: 02.05.2026).

209. Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2025 года (Статистический бюллетень)// Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан : [официальный сайт]. – URL: https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/МОчисл2025.docx (дата обращения: 22.04.2026).

210. Численность населения по муниципальным образованиям Мурманской области на 1 января 2025 года и в среднем за 2024 год // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области : [официальный сайт]. – URL: https://51.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/05034_2025.xls (дата обращения: 25.04.2026).

211. Число субъектов МСП на Кубани выросло на 6,3 % в 2025 году // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8605102 (дата обращения: 06.06.2026).

212. Шомина, Е. С. Самоорганизация жителей в сельских поселениях - взгляд сквозь розовые очки / Е. С. Шомина // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 2(30). – С. 114–132.

213. Щитинский, В. А. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» - инновация в государственном управлении России / В. А. Щитинский // Управленческое консультирование. – 2015. – № 7(79). – С. 35–44.

214. Щукина, М. Ю. Социальная активность как фактор самоорганизации российских экопоселений / М. Ю. Щукина // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 5. – С. 98–103.

215. Экосистема «Своё» от РСХБ : 7 млн предложений и более 15 млн пользователей // Росельхозбанк : [сайт]. – URL: https://www.rshb.ru/news/24022025-000001 (дата обращения: 31.03.2026).

216. Юрченко, И. В. О методологическом значении концепции “месторазвития” для конфликтологического анализа региональной этнополитической ситуации на Юге России / И. В. Юрченко // Полис. Политические исследования. – 2026. – № 2. – С. 157–168.

217. Явон, С. В. Исследовательские практики городского пространства / С. В. Явон // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 2(23). – С. 376–380.

218. Ягафова, Е. А. Этническая vs локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники») / Е. А. Ягафова, А. С. Роговой // Народы и религии Евразии. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 91–106.

219. Ячменник, К. В. Лидерство в консолидации локальных сообществ / К. В. Ячменник // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск : материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием, Москва, 01–02 декабря 2023 года. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. – С. 701–702.

220. Addison, T. Development Policy: An Introduction for Students / T. Addison // WIDER Discussion Paper. 2024. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/23780567_Development_Policy_An_Introduction_for_Students (accessed 26th February 2025).

221. Agranoff, R. Collaborative Public Management : New Strategies for Local Governments / R. Agranoff, M. McGuire. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2003. – 232 p. – ISBN 978-0-87840-896-2.

222. Agranoff, R. Managing within Networks: Adding Value to Public Organizations / R. Agranoff. – Washington, D. C. : Georgetown University Press, 2007. – 274 p.

223. Analysing Rural Development Models Based on Intangible Assets and Socio-Economic Development / I. V. Miroshnichenko, O. V. Doroshenko, M. V. Tereshina [et al.] // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, No. 23. – Art. 10613.

224. Ansell, C. Collaborative Governance in Theory and Practice Get access Arrow / C. Ansell, A. Gash // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. – Vol. 18, Is. 4. – P. 543–571.

225. Bernd, M. Policy Networks: Empirical Evidence and Theoretical Considerations / M. Bernd, M. Renate. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1991. 340 p.

226. Böcher, M. Regional Governance and Rural Development in Germany: The Implementation of LEADER+ / M. Böcher // Sociologia Ruralis. – 2008. – Vol. 48, No. 4. – P. 372–388.

227. Bock, B. B. Rural Marginalisation and the Role of Social Innovation: A Turn Towards Nexogenous Development and Rural Reconnection / B. B Bock // Sociologia Ruralis. 2016. – Vol. 56, No. 4. – P. 552–573.

228. Börzel, T. A. Organizing Babylon – On the different conceptions of policy networks / T. A. Börzel // Public Administration. – 1998. –Vol. 76, Is. 2. – P. 253–273.

229. Bosworth, G. Empowering Local Action through Neo-Endogenous Development The Case of LEADER in England / G. Bosworth, I. Annibal, T.

Carroll, L. Price, J. Sellick, J. Shepherd // Sociologia Ruralis. – 2016. – Vol. 6, Is.3. – P. 427–449.

230. Bosworth, G. Rural Social Innovation and Neo-endogenous Rural Development/ G. Bosworth, L. Price, V. Hakulinen, S. Marango // Neoendogenous Development in European Rural Areas. Results and Lessons / ed. by E. Cejudo, F. Navarro. – Cham : Springer, 2020. – P. 21–30.

231. Bourdieu, P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / edited by J. G. Richardson. New York: Greenwood Press. 1986. – P. 241–258.

232. Bovaird, T. Beyond Engagement and Participation: User and Community Coproduction of Public Services / T. Bovaird // Public Administration Review. – 2007. – Vol. 67, No. 5. – P. 846–860.

233. Carmona, M. The Place-Shaping Continuum: A Theory of Urban Design Process / M. Carmona // Journal of Urban Design. – 2013. – Vol. 19, No. 1. – P. 2–36.

234. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. Oxford: Blackwell Publishers, 2000. – 594 p. – ISBN 978-0-631-22140-1.

235. Chatzichristos, G. Neo-Endogenous Rural Development: A Path Toward Reviving Rural Europe / G. Chatzichristos, N. Nagopoulos, M. Poulimas // Rural Sociology. – 2021. – Vol. 86, No. 4. – P. 911–937.

236. Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital / J. S. Coleman // The American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120.

237. Crawshaw, J. Getting to Know the Island: Artistic Experiments in Rural Community Development / J. Crawshaw, M. Gkartzios // Journal of Rural Studies. – 2016. – Vol. 43. – P. 134–144.

238. Creative Ireland Programme // Creative Ireland : [website]. – URL: https://www.creativeireland.gov.ie/en/about/ (accessed 13th March 2025).

239. Cruickshank, J. The Logic of the Construction of Rural Politics: Political Discourses on Rurality in Norway / J. Cruickshank, H. K. Lysgård, M.-L.

Magnussen // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. – 2009. – Vol. 91, No. 1. – P. 73–89.

240. Dahl, R. A. The Concept of Power / R. A. Dahl // Behavioral Science. – 1957. – Vol. 2, No. 3. – P. 201–215.

241. Dahl, R. Who governs? Democracy and power in an American city/ R. A. Dahl. – New Haven : Yale University Press, 1961. – 355 p.

242. Daly, H. E. Steady-State Economics / H. E. Daly. – London, Earth-Scan, 1992. – 318 p.

243. De San Eugenio-Vela, J. The Relationship between Rural Branding and Local Development. A Case Study in the Catalonia's Countryside: Territoris Serens (El Lluçanès) / J. De San Eugenio-Vela, M. Barniol-Carcasona // Journal of Rural Studies. – 2015. Vol. 37. – P. 108–109.

244. Dinnie, E. The Trouble with Community: How 'Sense Of Community' Influences Participation in Formal, Community-Led Organisations and Rural Governance / E. Dinnie, A. Fischer // Sociologia Ruralis. – 2020. – Vol. 60, No. 1. – P. 243–259.

245. Easton, D. The Political System : An Inquiry into the State of Political Science / D. Easton. – New York : Knopf. 1953. – 320 p.

246. Emeh I. E. J. Rural-Community Development in Nigeria: A Group Dynamics Perspective / I. E. J. Emeh, I. J. Eluwa, F. O. Ukah // Interdisciplinary Journal of Contemporary Research in Business. – 2012. – Vol. 4, No. 5. – P. 1090–1107.

247. Etzioni, A. A. Comparative Analysis of Complex Organizations : on Power, Involvement, and Their Correlates / A. Etzioni. – New York : Free Press, 1975. – 584 p.

248. Etzioni, A. The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes/ A. Etzioni. – New York, Free Press, 1968. – 730 p.

249. Evans P. The State and Development / P. Evans, P. Heller // WIDER Working Paper 2018/112. – Helsinki : UNU-WIDER. – URL:

https://www.wider.unu.edu/publication/state-and-development (accessed 13th March 2025).

250. Eversole, R. Community Agency and Community Engagement: Re-Theorising Participation in Governance / R. Eversole // Journal of Public Policy. – 2011. – Vol. 31, No. 1. – P. 51–71.

251. Fabricius, C. Rights, Resources and Rural Development: Community-Based Natural Resource Management in Southern Africa / C. Fabricius, E. Koch, S. Turner, H. Magome. – 1st ed. – London; Washington, DC: Routledge, 2004. – 299 p. – ISBN 978-1-84407-009-1.

252. Ferrari, A. Drivers, Barriers and Impacts of Digitalisation in Rural Areas from the Viewpoint of Experts / A. Ferrari, M. Bacco, K. Gaber [et al.] // Journal of Rural Studies. – 2021. – Vol. 85. – P. 79–90.

253. Gandrup T. Can Social Capital Be Exchanged for Rural Development? Potentials and Limits Explored Through the Case of Citizen-Initiated Rural Grocery Stores in Denmark / T. Gandrup // Sociologia Ruralis. – 2025. – Vol. 65, Is. 2. – Art. e70000.

254. Gieling, J. Village Facilities and Social Place Attachment in the Rural Netherlands / J. Gieling, T. Haartsen, L. Vermeij // Rural Sociology. – 2019. – Vol. 84, No. 1. – P. 66–92.

255. Gkartzios, M. Placing Housing in Rural Development: Exogenous, Endogenous and Neo-Endogenous Approaches/ M. Gkartzios, M. Scott // Sociologia Ruralis. – 2014. – Vol.54(3). – P. 241-265.

256. Global Irish Hub – Support for Irish Diaspora // An official Website of the Government of Ireland : [website]. – URL: https://www.ireland.ie/en/irish-diaspora/ (accessed 13th March 2025).

257. Granovetter, M. S. The Strenght of Weak Ties / M. S. Granovetter // The American Journal of Sociology. – 1973. – Vol.78 (6). – P. 1360–1380.

258. Grossetti, M. Concentration D'entreprises et Innovation: Esquisse D'une Typologie des Systèmes Productifs Locaux / M. Grossetti // Géographie, Économie, Société. – 2004. – Vol. 6, No. 2. – P. 163-177.

259. Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society / J. Habermas. – Boston: Beacon Press, 1984. – 516 p. – ISBN 0-8070-1506-7.

260. Hawkes, J. The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning / J. Hawkes. – Melbourne: Cultural Development Network; Common Ground, 2001. – 80 p. – ISBN 1-86335-049-7.

261. Herbert-Cheshire, L. Contemporary Strategies for Rural Community Development in Australia: A Governmentality Perspective / L. Herbert-Cheshire // Journal of Rural Studies. – 2000. – Vol. 16, No. 2. – P. 203–215.

262. Hooghe, L. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-Level Governance / L. Hooghe, G. Marks // American Political Science Review. – 2003. – Vol. 97, No. 2. – P. 233–243.

263. Johnson, C. MITI and the Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy, 1925–75 / C. Johnson. – Stanford : Stanford University Press, 1982. – 412 p.

264. Kamarck, E. C. The end of government... as we know it: making public policy work / E. C. Kamarck. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2007. – 157 p.

265. Keyim, P. Tourism Collaborative Governance and Rural Community Development in Finland: The Case of Vuonislahti / P. Keyim // Journal of Travel Research. – 2017. – Vol. 57, Is. 4. – P. 483–494.

266. Knoke, D. Network Analysis / D. Knoke, J. H. Kuklinski. – Beverly Hills : Sage Publications, 1982. – 96 p.

267. Krawchenko, T. Bringing Municipalities into Rural Community and Economic Development: Cases from Atlantic Canada / T. Krawchenko // Journal of Rural and Community Development. 2014. – Vol. 9, No. 3. – P. 78–96.

268. Kumpulainen, K. How Do Community Development Activities Affect the Construction of Rural Places? A Case Study from Finland / K. Kumpulainen, K. Soini // Sociologia Ruralis. – 2019. – Vol. 59, No. 2. – P. 238–252.

269. Lee, J. Networking: Social Capital and Identities in European Rural Development / J. Lee, A. Árnason, R. Macintyre [et al.] // Sociologia Ruralis. – 2005. – Vol. 45, No. 4. – C. 269–283.

270. Looker, E. D. Supportive Communities and a Sense of Belonging in Rural and Non-Rural Communities in Canada / E. D. Looker // Journal of Rural and Community Development. – 2014. – Vol. 9, No. 4. – P. 163–180.

271. Lowe, Ph. Expertise in Rural Development: A Conceptual and Empirical Analysis / Ph. Lowe, J. Phillipson, A. Proctor, M. Gkartzios // World Development. – 2019. – Vol. 116. – P. 28–37.

272. Lundgren, A.S. Digital Rurality: Producing the Countryside in online Struggles for Rural Survival / A.S. Lundgren, A. Johansson // Journal of Rural Studies. – 2017. No. 51. – P. 73–82.

273. Lyons, M. Place-Shaping: A Shared Ambition for the Future of Local Government: Final Report. Lyons Inquiry into Local Government. – London: The Stationery Office, 2007. – 406 p. – ISBN 978-0-11-989854-5. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7c093540f0b645ba3c64cb/9780119898545.pdf (accessed 30th July 2026).

274. MacKinnon, D. From Resilience to Resourcefulness: A Critique of Resilience Policy and Activism / D. MacKinnon, K. D. Derickson // Progress in Human Geography. – 2013. – Vol. 37. – P. 253–270.

275. Majerová, V. Social Aspects Of Rural Community Development / V. Majerová // Acta Regionalia et Environmentalica. – 2015. – Vol. 12, No. 1. – P. 11–14.

276. Markantoni, M. Contributing to a Vibrant Countryside? The Impact of Side Activities on Rural Development / M. Markantoni, S. Koster, D. Strijker, M.

Woolvin // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. – 2013. – Vol. 104, No. 3. – P. 292–307.

277. Matarrita-Cascante, D. Conceptualizing Community Development in the Twenty First Century / D. Matarrita-Cascante, M. A. Brennan // Community Development. – 2012. – Vol. 43, No. 3. – P. 293–305.

278. Matin, N. What Is Equitable Resilience? / N. Matin, J. Forrester, Ensor J. // World Development. – 2018. – Vol. 109. – P. 197–205.

279. Mohan, G. Participatory Development and Empowerment: The Dangers of Localism / G. Mohan, K. Stokke // Third World Quarterly. – 2000. – Vol. 21, Is. 2. – P. 247–268.

280. Murdoch, J. Rural Studies, Modernism, Postmodernism and the Post-Rural / J. Murdoch, A.C. Pratt // Journal of Rural Studies – 1993. – Vol. 9, No 4. – P. 411–427.

281. Nilsson, B. Logics of Rurality: Political Rhetoric about the Swedish North / B. Nilsson, A. S. Lundgren // Journal of Rural Studies. – 2015. – Vol. 37, No. 1. – P. 85–95.

282. North, D. C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance / D. C. North – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. – 152 p. – ISBN 0-521-39416-3.

283. OECD Regional Outlook 2023: The Longstanding Geography of Inequalities. Paris : OECD Publishing, 2023. – 247 p. – ISBN 978-92-64-83951-9.

284. Olmedo, L. Community-Based Social Enterprises as Actors for Neoendogenous Rural Development: A Multi-Stakeholder Approach / L. Olmedo, M. O'Shaughnessy // Rural Sociology. – 2022. – Vol. 87, No. 4. – P. 1191–1218.

285. Ostrom, E. Crossing the Great Divide: Coproduction, Synergy, and Development / E. Ostrom // World Development. – 1996. – Vol. 24, No. 6. – P. 1073-1087.

286. Ostrom, E. Governing the Commons: The Evolution Of Institutions for Collective Action / E. Ostrom. – New York: Cambridge University Press, 2015. – 316 p. – ISBN 978-1-107-56978-2.

287. Ostrom, E. Understanding institutional Diversity / E. Ostrom. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – 355 p. – ISBN 0-691-12238-5.

288. Ploeg, J. D. Beyond Modernization. The Impact of Endogenous Rural Development / J. D. Ploeg, G. Dijk. – Assen: Van Gorcum, 1995. – 297 p. – ISBN 90-232-2938-X.

289. Putnam, R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R. D. Putnam. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 548 p. – ISBN 978-0-7432-0304-3.

290. Rahnema, M. Participation // The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power / ed. by W. Sachs – 2nd ed. – London: Zed Books, 2010. – P. 127–144.

291. Ray, C. Neo-Endogenous Rural Development in the EU / C. Ray // Handbook of Rural Studies / ed. by P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney. – London : SAGE Publications, 2006. – P. 278–291.

292. Ray, C. Towards a Theory of the Dialectic of local Rural Development within the European Union / C. Ray // Sociologia Ruralis. – 1997. – Vol. 37, No. 3. – P. 345–362.

293. Rhodes, R. Policy Network in British Politics. Policy Networks in British Politics: A Critique of Existing Approaches / R. A. W. Rhodes, D. Marsh // Policy Networks in British Government / ed. by D. Marsh, R. A. W. Rhodes. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – P. 1–26.

294. Rhodes, R. A. W. Understanding Governance : Policy Networks, Governance, Reflexivity, and Accountability/ R. A. W. Rhodes. – Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1997. – 252 p. – ISBN 0-335-19722-0.

295. Rural Development: From Practices and Policies towards Theory / J. D. Van Der Ploeg, H. Renting, G. Brunori [et al.] // Sociologia Ruralis. – 2000. – Vol. 40, No.4. – P. 392–406.

296. Sen, A. K. Development as Freedom / A. K. Sen. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 388 p. – ISBN 0-19-829758-0.

297. Shucksmith, M. Disintegrated Rural Development? Neo-Endogenous Rural Development, Planning and Place-Shaping in Diffused Power Contexts / M. Shucksmith // Sociologia Ruralis. – 2010. – Vol. 50, No. 1. – P. 1–14.

298. Sørensen, E. Making Governance Networks Effective and democratic Through Metagovernance / E. Sørensen, J. Torfing // Public Administration. – 2009. – Vol. 87, No. 2. – P. 234–258.

299. Spencer, H. The Principles of Sociology. Vol. 1 / H. Spencer. – Stockton: University Press of the Pacific, 2004. – 456 p. – ISBN 1-4102-1184-3.

300. Stojanova, S. Smart Villages Policies: Past, Present and Future / S. Stojanova, G. Lentini, P. Niederer [et al.] // Sustainability. – 2021. – Vol.13. – Art. 1663.

301. Stoustrup, S. W. Rural Development as the Propagation of Regional 'Communities of Values': A Case Study of Local Discourses Promoting Social Innovation and Social Sustainability / S. W. Stoustrup // Sociologia Ruralis. – 2024. – Vol. 65, Is. 1. – Art. e12496.

302. Svendsen, G. The Right to Development: Construction of a Non-Agriculturalist Discourse of Rurality in Denmark / G. Svendsen //Journal of Rural Studies. – 2004. – Vol. 20, No. 1. – P. 79–94.

303. Torfing, J. Metagovernance: The Art of Governing Interactive Governance / J. Torfing, B. G. Peters, J. Pierre, E. Sørensen // Interactive Governance: Advancing the Paradigm. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 122–144.

304. Torre, A. Proximity and Localization / A. Torre, A. Rallet // Regional Studies. — 2005. – Vol. 39. – P. 47–59.

305. Towards Sustainable Rural Revitalization: A Multidimensional Evaluation of Rural Vitality in China's Traditional Villages / A. Jia, X. Yun, X. Zheng [et al.] // Sustainability. – 2024. – Vol. 16 (13). – Art. 5408.

306. Universities, the Knowledge Economy and 'Neo-Endogenous Rural Development' / N. Ward, J. Atterton, T. Y. Kim [et al.] // Centre for Rural Economy Discussion Paper Series. – 2005. – No. 1. – P. 1–15.

307. Vision 2030 Overview // Saudi Vision 2030 : Official Portal : [website]. – URL: https://www.vision2030.gov.sa/en (accessed 27th March 2025).

308. Wade, R. H. The Developmental State: Dead or Alive? / R. H. Wade // Development and Change. – 2018. –Vol. 49, Is. 2. – P. 518–546.

309. Wang, J. Study on Rural Classification and Resilience Evaluation Based on PSR Model: A Case Study of Lvshunkou District, Dalian City, China / J. Wang, Y. Wang, G. Lin // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, Is. 15. – Art. 6708.

310. Woods, M. Advocating Rurality? The Repositioning of rural Local Government / M. Woods // Journal of Rural Studies. – 1998. – Vol. 14, No. 1. – P. 13–26.

311. Woods, M. New Directions in Rural Studies? / M. Woods // Journal of Rural Studies. – 2012. – Vol. 28, Is.1. – P. 1–4.

312. Woods, M. Rural / M. Woods. – London; New York: Routledge, 2010. – 352 p. – ISBN 978-0-4154-4240-4.

313. Zavratnik, V. Smart Villages: Comprehensive Review of Initiatives and Practices / V. Zavratnik, A. Kos, E. Stojmenova Duh // Sustainability. – 2018. – Vol. 10, Is. 7. – Art. 2559.